

66.3(2)6

Г67

66.3(2)6

3205

Г67

2483-1

Горбачев П. И.

Г67 Плотина.— М.: Политиздат, 1980.— 192 с., ил.

На протяжении почти тринадцати лет, от начала стройки до пуска первых энергоблоков Нуρεкской ГЭС, одной из крупнейших гидроэлектростанций на юге страны, работал автор этой книги — П. И. Горбачев вначале секретарем парткома на строительстве ГЭС, а затем первым секретарем Нуρεкского горкома партии. В своей книге он рассказывает об основных этапах становления многонационального коллектива Всесоюзной ударной комсомольской стройки, делится накопленным опытом партийной работы, повествует о людях, нравственно выросших в атмосфере созидательного труда.

Книга рассчитана на массового читателя.

Г $\frac{11301-405}{079(02)-80}$ БЗ-12-45-80 0802010204

66.3(2)6
32С5

© ПОЛИТИЗДАТ, 1980 г.

ДОРОГА В ПУЛИ-САНГИН

Вести с юга.
Все начинается с дороги.
«Пули-Сангин» — Каменный мост.
Немного истории.
Несбывшийся прогноз. «Кто я!»
От Волги до Памира.
Нурек: день первый...

Многим, наверное, это знакомо: разворачиваешь свежий газетный лист — и бросается в глаза название, дорогое, как родина, опахивающее сердце теплой волной, будто друг окликнул тебя в шумной толпе. Для одних это — Магнитогорск или Братск, для других — названия целинных совхозов, с которыми в юности связала судьба, для третьих — Орел, Курск, Орша — вехи военной поры.

Для меня такое название — Нурек...

«Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Социалистического Труда работникам, особо отличившимся при строительстве Нурекской ГЭС.

За выдающиеся успехи, достигнутые при строительстве Нурекской ГЭС, присвоить звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот»:

Лысенко Алексею Аврамовичу — бригадиру экскаваторщиков участка механизированных работ управления строительства «Нурекгэсстрой».

Шарифову Мухаббату — бригадиру бетонщиков участка основных сооружений управления строительства «Нурекгэсстрой»...

И в этом же номере:

«За успехи, достигнутые при строительстве Нурекской ГЭС, Президиум Верховного Совета СССР Указом от 11 апреля 1980 года наградил орденами и медалями СССР наиболее отличившихся работников.

66.
32
Г

Орденом Ленина награждены машинисты экскаваторов «Нурекгэсстрой» Ф. Ашуралиев и С. Рахимов, начальник управления строительства «Нурекгэсстрой» Ю. К. Севенард и бывший управляющий трестом «Таджикгидроэнергострой» Г. И. Тихонов. Орденом Октябрьской Революции награждены машинист экскаватора «Нурекгэсстройка» М. Абдулаев, главный инженер Нурекской ГЭС А. К. Мельников, бригадир проходчиков Таджикского специализированного управления объединения «Гидроспецстрой» Н. К. Оксененко, управляющий трестом «Таджикгидроэнергострой» Н. Г. Савченков, бригадир слесарей Нурекской ГЭС У. Сайфуллаев и бригадир бетонщиков «Рогунгэсстройка» К. Хамсариев.

Орденом Трудового Красного Знамени награждено 29 человек, орденом Дружбы народов — 31, орденом «Знак Почета» — 56, орденом Трудовой Славы III степени — 72, медалью «За трудовую доблесть» — 94 и медалью «За трудовое отличие» — 106 человек...»

...А чуть раньше — сообщения ТАСС, памятные, словно письма из дома с радостными вестями:

«27 сентября 1978 года — пущен 7-й агрегат Нурекской ГЭС...»

«21 декабря 1978 года — вступил в строй 8-й агрегат...»

И наконец:

«30 сентября 1979 года — пущен последний, 9-й агрегат Нурекской ГЭС мощностью в 300 тысяч киловатт. Крупнейшая на юге страны гидроэлектростанция общей мощностью в 2700 тысяч киловатт работает на коммунизм!...»

Для меня, как и для десятков тысяч строителей ГЭС, Нурек — часть жизни, знак связи личной судьбы с судьбой страны. В стройку вкладывалось не только рабочее время и техническое мастерство, люди отдавали делу всю свою душевную энергию, весь свой талант, все свое время. Это — в традиции наших ударных строек. И потому каждый завод, каждая электростанция или каждая железная дорога — это нечто большее, чем просто промышленное сооружение такой-то мощности или такой-то длины. Прибавляя новые миллионы киловатт к энергетическому потенциалу страны и обогащая новым опытом проектировщиков и строителей, всесоюзные ударные строи-

ки, подобные Нурекской ГЭС, делают общим достоянием не только технологический, но и нравственный опыт коллектива, накопленный в преодолении трудностей, без которых не обходится ни одно большое дело. Этот опыт — такое же общенародное достояние, как и сами новые ГЭС или цеха новых заводов. Осмыслить, хоть в какой-то мере, долгий и трудный путь, пройденный коллективом строителей Нурекской ГЭС от «первого колышка» до пуска первых энергоблоков, рассказать о роли партийной организации города, которую в течение многих лет выпало мне возглавлять, и есть та задача, которую я пытаюсь решить на страницах этой книги.

Как все начиналось? Как становилась реальностью, переходила из небытия в конкретное дело сама идея мощной гидроэлектростанции в долине Вахша? Какие пути-дороги приводили в таджикские горы, в Пулисангинское ущелье, людей со всех концов страны, которым и суждено было все свершить?..

При выезде из Душанбе горы встают во весь рост. Слева неотступно тянется покрытая снегом цепь Гиссарского хребта. Дорога петляет по неровностям, вьется по холмам, затем поднимается круто в гору. Один за другим пропадают из виду кишлаки, скрываются поля и сады, и только иногда, на повороте, их можно увидеть далеко внизу.

После перевала дорога круто уходит вниз, ее витки следуют один за другим — целых 107 витков! Полчаса спуска по этому так называемому «серпантину», и наконец развилка двух дорог: на Куляб и на Нурек. Здесь — огромная стрела с надписью: «Всесоюзная ударная комсомольская стройка. Строительство Нурекской ГЭС». Теперь до Нурека — рукой подать!

О старом Нуреке сведения довольно скудны. В годы становления Советской власти в Таджикистане Нурек был обычным кишлаком с полутора сотнями кибиток, укрытых за дувалами — глинобитными стенами. В 30-е годы он становится районным центром. Средняя школа, сельского типа магазин, несколько кустарных бытовых мастерских, столовая да пара административных зданий — вот и все, что застали первые строители, приехав сюда в конце 1960 года.

Рассказ о прошлом Нурека будет неполным, если не привести письма, которое пришло в Нурек вскоре после начала строительства. Вот что в нем было написано:

«Уважаемый секретарь Нурекского горкома КПСС! Обращается к вам полковник в отставке Николай Арсентьевич Садовник. С 1928 по 1942 годы я проходил службу в Таджикистане. Однажды, это было в 1931 году, мы ехали на лошадях с двумя красноармейцами из Файзабада в Дангару, как вдруг увидели, что из кишлака Нурек жители в панике бегут в горы. На мой вопрос, что случилось, они рассказали, что днем раньше вооруженный продотряд Таварали Мурадова подстерег в горах у кишлака Дубида банду Азима Марка. Подстрелили нескольких басмачей, многих ранили. Прошел слух, что красных на басмачей навели жители Нурека, и басмачи решили им отомстить. От жителей я узнал, что в отряде Марка около 50 сабель и что через пару часов его ждут в Нуреке. Я принял решение защитить кишлак и расположился с бойцами в месте вероятного подхода банды, рассчитывая еще на то, что в это время по дороге на Куляб будет проезжать кто-либо из военных или сотрудников ГПУ и поможет нам отразить налет басмачей. Однако басмачи появились раньше, и мы начали с ними бой. Длился он часа два. Был убит боец Сафин, ранило меня и бойца Сагитова, но ворваться в кишлак басмачам не удалось. Как раз в это время на шоссе показалась легковая машина. В ней ехал в Куляб председатель ЦИК Таджикистана Насратулла Максум с двумя сотрудниками ГПУ. Услыхав перестрелку, они немедленно поспешили на помощь. Басмачи, увидев подкрепление, отказались от своих планов и ускакали в горы, потеряв в бою семь человек убитыми и четырех ранеными. Мог ли я тогда предположить, что на месте этого боя вырастет такой славный город и гигант энергетики! Часто вижу это чудо в кинохронике и говорю себе: в земле этой есть частичка и твоей крови!..»

Когда спускаешься с перевала в Пулисангинское ущелье, где расположен кишлак Нурек, не оставляет ощущение, будто ты медленно, как бы с высоты птичьего полета, летишь вниз к реке, к будущему городу. А вот и Вахш. Вода его, одинаково ледяная в

любое время года, абсолютно прозрачна и лишь слегка отликает голубизной — неповторимым по красоте цветом бирюзы. На отдельных участках течение реки достигает скорости мчащегося пассажирского поезда. Летом, в паводок, Вахш разливается в долине шириной до километра и более, но около Нурека река будто спрессовывается и неистово бурлит в узком каменном каньоне. В этом тесном ущелье и решено было построить самую высокую в мире плотину.

Вот что писал о Пулисангинском ущелье в книге «По горной Бухаре», опубликованной еще до революции, профессор А. В. Нечаев:

«Через Вахш предстояло переправиться по знаменитому мосту «Пули-Сангин», что в переводе означает — Каменный мост. Дорога шла хорошая, мигкая, с малыми подъемами и спусками. К вечеру были на Вахше. Заночевали в кишлаке Тут-Каул на самом берегу красивой реки. Долина Вахша здесь живописна. Она то расширяется, то переходит в узкое ущелье, в котором Вахш, стиснутый между скал, имеет в ширину всего несколько сажен. Течение стремительное. Русло порожиное. Самый мост не производит внушительного впечатления. «Пули-Сангин» над уровнем Вахша возвышается не более как сажен на восемь. Скалы, стискивающие Вахш, нависают над ним, и расстояние между противоположными берегами на высоте становится меньшим, чем внизу. В пунктах их наибольшего сближения и перекинут мост, представляющий примитивную настилку, поддерживаемую двумя бревешками...»

Машины наши сворачивают на развилке в сторону Нурека, еще минут десять — и мы въезжаем в кишлак.

Раньше в долине расстилались поля табака, хлопчатника, пшеницы и льна. Теперь все здесь разрыто, перепахано, завалено строительными материалами, кирпичом, уставлено различными механизмами. Теснятся палатки, юрты, деревянные двухкомнатные коттеджи — так называемые асуанские домики. Стоит дизельная электростанция мощностью всего в 2 тысячи киловатт...

Таким я впервые увидел Нурек. Это было в августе 1962 года. Для стороннего взгляда все было неказисто, ничем не примечательно: обычная стройпло-

щадка, каких много можно увидеть в разных концах страны. И нужно было основательно изучить историю и экономику Таджикистана, чтобы понять, как знаменательно начало этой стройки и как огромно ее значение...

С перевала Чермозак открывается прекрасный обзор Вахшской долины, тесно сжатой с обеих сторон двумя мощными хребтами. Если взглянуть с летящего самолета, эти хребты напоминают две огромные рыбины, выброшенные на берег. Зажатая между ними долина, по дну которой стремительно катится Вахш, вытянулась в длину на 110 километров, а в ширину, забегаая по обоим берегам среднего и нижнего течения реки, она раскинулась на десяток с лишним километров. Площадь Вахшской долины 2500 квадратных километров. До революции большая ее часть представляла собой полупустынные пространства, поросшие в иных местах совершенно непроходимыми зарослями тугаев. Людские поселения были здесь довольно редки и малолюдны.

17 мая 1918 года Владимир Ильич Ленин подписал постановление Совета Народных Комиссаров «Об ассигновании 50 миллионов рублей на оросительные работы в Туркестане и об организации этих работ». Одним из важнейших в создании ирригационной системы был Вахшский канал, ибо, по словам Ленина, орошение здесь больше всего нужно и более всего похоронит прошлое, укрепит переход к социализму. В 1931 году началось строительство Вахшской ирригационной системы, которая была закончена в сентябре 1933 года, а к 1950 году площадь орошаемых земель достигла почти 50 тысяч гектаров.

Вахшская долина стала одним из крупнейших в СССР районов, производящих ценные тонковолокнистые сорта хлопчатника. Сюда, на новые орошаемые земли, в годы первых пятилеток переселились тысячи дехкан, главным образом из малоплодородных высокогорных районов Таджикистана. В Вахшской долине выросли десятки населенных пунктов и поселков городского типа. Были организованы крупные хлопковые и садово-виноградные совхозы. В городе Курган-Тюбе, экономическом и культурном центре долины,

были построены хлопкоочистительный, маслособойный, авторемонтный, трансформаторный и другие заводы. Были организованы ведущие большую научно-исследовательскую работу почвенно-мелиоративная станция Таджикского института почвоведения, Таджикский филиал Всесоюзного научно-исследовательского института садоводства и виноградарства. На неорошаемых, не используемых под посевы землях были созданы совхозы, где разводят знаменитых каракульских овец.

Вахшский канал превратил полупустыню в густонаселенный район интенсивного сельского хозяйства. На этом роль канала в основном и ограничилась, хотя его строительство уже в те годы казалось настолько смелым решением, что один из американских специалистов, инженер Людвиг Гордон, присутствовавший на заседании комиссии Совнаркома, где обсуждались планы создания Вахшской оросительной системы, сказал: «Я видел золотоискателей Калифорнии... я беседовал с Гербертом Уэллсом — увлекательнейшим романистом нашего времени. У них, друзья мои, смелые мысли. Но что задумано вами на Вахше — на целую голову выше всего этого! Я утверждаю, человечество не знало подобных работ в подобных условиях. Простите, но мне кажется, это неосуществимо».

Прогноз Людвилла Гордона не оправдался.

Конечно же, с тогдашними техническими и экономическими возможностями нельзя было даже подступиться к Нуреку. Практическое освоение гидроэнергетических ресурсов Вахша для электрификации прилегающих районов началось только с 1954 года. На канале были построены Перепадная и Центральная ГЭС. Но из них только Головная ГЭС позволяла создать более или менее мощную систему для снабжения Душанбе и близлежащих районов Таджикистана дешевой электроэнергией. Только в 60-е годы появились возможности взяться за комплексное использование энергии, таящейся в водах Вахша.

Более девяти десятых территории Таджикистана занимают горы. И горы эти, создающие так много неудобств для человека, как бы искупая свою вину, наделяют республику одним из главных ее богатств. От линии вечных снегов в глубине тесных ущелий

66
3

начинают жизнь реки и, круто низвергаясь в долины, по пути набирают огромную силу. По запасам водной энергии Таджикистан стоит на втором месте после Российской Федерации. Оказалось, что энергия его рек составляет свыше 60 миллионов киловатт с возможной выработкой 283 миллиардов киловатт-часов электроэнергии. По мощности это около 14 Братских ГЭС! Использовалось же всего около пяти процентов этого богатства.

Специалисты-гидроэнергетики, которым доводилось проезжать по долинам и ущельям Таджикистана, не могли скрыть своего восхищения природой, будто специально создавшей здесь удобнейшие створы для гидроузлов: водопады Ягноб-Дарьи и Зеравшана, водохранилища Искандер-Куля и Сарезского озера, узкие ущелья Вахша и Кафирнигана.

Река Вахш — крупнейшая водная артерия южного Таджикистана, она располагает громадными энергоресурсами. На всем ее протяжении — а длина реки 386 километров — общее падение ее составляет 4,5 тысячи метров. Вахш начинается на востоке Алайской долины, там его называют «Казыл-Су», что в переводе с киргизского означает «красная вода». В пределах Таджикистана Вахш называют «Сурхобом». Это в переводе с таджикского также означает «красная вода». В Сурхоб впадают горные реки Муксу и Кзыл-Су, а еще далее по течению — река Оби-Хингоу. Ниже река уже называется Вахш и течет до слияния с рекой Пяндж, образуя Амударью. Вахш судоходен от устья до поселка Джиликуль. Выше города Курган-Тюбе Вахш течет мощным потоком в узкой глубокой долине, которая вблизи города и ниже его расходится в ширину до 20 километров.

В апреле и мае, а иногда и в марте, когда начинают таять снега на невысоких предгорьях, случаются внезапные многоводные паводки, которые нередко приносят немалый вред прибрежным селениям и полям. Эти паводки чаще всего совпадают с теплыми ливневыми дождями, ускоряющими таяние снегов. Так, в марте 1966 года в результате таких дождей в средней части Вахша, как раз в районе строительства Нурекской ГЭС, приток воды возрос почти в 3 раза и составил около 700 кубометров в секунду. Однако самое интенсивное таяние больших скоплений горно-

го льда падает на летние месяцы, когда жгучие солнечные лучи делают свою главную работу, поэтому Вахш устойчиво многоводен бывает именно в это время года.

Горные реки совершают свою извечную однообразную работу, затрачивая силы на углубление и размывание ущелий, расчленяя горные массивы глубокими извилистыми каньонами. На своем пути вода увлекает за собой массу камней, перекатывая их по дну. От этого создается оглушительный шум. Там, где река течет по более спокойному руслу, размер донных наносов уменьшается, но зато большая часть твердого стока начинает переноситься во взвешенном состоянии — в виде мути. Во время дождей эта муть затрудняет работу насосных станций, затягивает илом ирригационные системы.

Если в Нуреке вы спуститесь к реке и станете к ней лицом, на другой стороне перед вами будет возвышаться знаменитый Вахшский хребет. Река течет мимо — направо. Если спросите местного жителя: что там, за хребтом? — ответит: тоже Вахш, только там он течет налево. Километрах в пятнадцати от Нурека, у кишлака Тут-Каул, река, бегущая с северо-востока, делает резкую петлю и снова сворачивает на северо-восток. Это горы закрутили такую спираль, а на выходе из этой петли они почти вплотную смыкаются, как раз и образуя Пули-Сангин — место, выбранное для возведения Нурекской ГЭС.

До революции в Таджикистане почти не вырабатывалась электроэнергия. Нельзя всерьез принимать небольшое число бывших тогда маленьких станций. В те времена даже керосиновая лампа считалась роскошью в доме. Единственная дизельная электростанция мощностью 48 киловатт была в Ходженте. Она давала свет близлежащей к Сырдарье «европейской части» города, где размещались службы и дома царских чиновников, остальная же часть Ходжента с наступлением сумерек окутывалась непроглядной тьмой. Очень мало электростанций было на всей территории Средней Азии. Суммарная мощность всех их в Таджикистане, Узбекистане и Туркмении исчислялась к 1914 году в 1894 киловатта.

Развитие энергетики в республике началось с освоения реки Варзоб, на которой в период с 1936 по

1951 год были сооружены три гидростанции. Затем — Кайраккумская, на Сырдарье, она имела уже межреспубликанское значение. С ее вводом улучшилось энергоснабжение промышленности и сельского хозяйства Ленинабадской области и ряда районов соседнего Узбекистана. Водохранилище ГЭС обеспечивало сезонное регулирование стока воды в реке и позволяло орошать дополнительно 300 тысяч гектаров засушливых земель в Голодной степи. Затем уже началось строительство электростанций на Вахше.

Разумеется, ни одна из них не могла даже сравниться с Нурекской ГЭС. Достаточно сказать, что вся мощность Головной ГЭС, самой крупной до 60-х годов во всей Средней Азии, меньше мощности одного нурекского агрегата. По мощности Нурекская ГЭС должна превзойти крупнейшие гидростанции США, такие, как Грэнд-Кули и Боулдер-Дэм. Уступает Нурек лишь сибирским станциям — Саяно-Шушенской, Красноярской, Братской и Усть-Илимской. Забегая вперед, можно сказать, что масштабы и народнохозяйственное значение четвертого по счету Вахшского гидроузла во главе с Нурекской ГЭС ставят его в ряд с такими крупнейшими строительными объектами нашего времени, как КамАЗ, Атоммаш и Байкало-Амурская магистраль. И именно Нурекская ГЭС была призвана обеспечить интенсивное развитие производительных сил Средней Азии, и в первую очередь Южно-Таджикского территориально-производственного комплекса.

Недра Таджикистана таят в себе едва ли не все элементы таблицы Менделеева. Запасы нефти, каменного угля, газа, фосфоритов, полиметаллов, нефелиновых сиенитов, солей, минералов в сочетании с неисчерпаемыми запасами гидроэнергии выдвигают республику в число главнейших районов в Союзе для организации крупных энергоемких производств. Огромное значение имеет и хлопок, который долгое время был предметом импорта. Ныне среднеазиатские республики «одевают» почти все население Советского Союза, снабжают сырьем отечественные прядильные и ткацкие фабрики. Основное количество хлопка дает Узбекистан. Однако превосходные тонковолокнистые сорта выращивают и земледельцы Туркмении, Таджикистана. Обильное солнце, почти пол-

ное отсутствие пасмурных дней с июня по ноябрь — главные условия для выращивания тонковолокнистого хлопка.

С ростом потребности в таком хлопке все острее ощущался недостаток в новых плантациях под хлопчатник, из-за нехватки влаги на хлопковых полях были низкими урожаи. На Дангаринском плато, например, можно бы разместить до ста тысяч гектаров хлопковых плантаций, садов и виноградников, но эта плодородная земля совершенно лишена воды. «Где вода, там и жизнь» — говорит древняя таджикская пословица. Воды жаждут целинные земли Чимкентской и Джамбулской областей, Яванской и Дангаринской долин, правобережные поймы Амударьи. Благодаря сооружению Нурекской ГЭС, имевшей комплексное ирригационно-энергетическое назначение, должны были получить воду около 500 тысяч гектаров уже освоенных земель, в результате чего только за счет дополнительных урожаев хлопка ежегодный государственный доход составил бы свыше 110 миллионов рублей!

Электроэнергию получили бы также районы центральной и южной части Таджикистана, а также ряд районов Узбекистана.

Однако роль Нурекской ГЭС в развитии Таджикистана не должна ограничиться только ее огромным экономическим значением и эффективностью. Сам факт создания этого уникального инженерного сооружения на бывшей отсталой окраине не мог не вызвать у каждого таджика законного чувства гордости за свой народ. Строительство Нурекской ГЭС явилось ярким доказательством возможностей социалистического строя, особенно для народов соседних стран, имеющих много общего в языке и культуре с таджикским народом. И наконец, немаловажное техническое значение Нурекской ГЭС состоит в том, что здесь впервые в мировой практике предстояло решить проблему создания высоконапорного гидроузла в зоне 9-балльной сейсмичности.

Вот такое значение вкладывалось в короткое слово «Нурек». Конечно, мне потребовалось время, чтобы понять все в полном объеме, но и того, что я знал к концу 1962 года, вполне хватило, чтобы прийти в замешательство, когда в один из теплых июльских

дней меня пригласили в ЦК Компартии Таджикистана и заведующий отделом строительства и городского хозяйства Петр Георгиевич Зубов без предисловий сказал:

— Хотим рекомендовать вас секретарем парткома на строительстве Нурекской ГЭС. Ваше мнение?..

Кто я? Чего я стою? Каким опытом могу поделиться с людьми? Имею ли я право принять назначение, ответить «да»?

В жизни каждого человека случаются моменты, когда перед ним во всей неотложности встают такие вот вопросы.

Инженеру проще: он может соразмерить объем своих знаний с возможными требованиями. А как быть партийному работнику? В чем искать ответа на эти вопросы? Только в своем жизненном опыте — в чем же еще?

Память, говорят, — хлеб души. Душа вскормлена тем, что переживал, пережил. А он редко был сладок, этот хлеб души, у моих сверстников, детство и отрочество которых выпало на войну.

Родился я и вырос в деревне, в Горьковской области. Семья у нас была большая — десять человек детей, а работник — один отец. Он с отличием окончил сельскую приходскую школу. Мы, дети, очень гордились этим и в отсутствие отца частенько разглядывали его аттестат. Мать вынимала его из сундука, показывала. Отец знал латынь, на первой империалистической и гражданской войнах встречался с венграмми-военнопленными, выучился у них венгерскому, свободно разговаривал на нем. Очень любил стихи Есенина, Пушкина, Тютчева, Некрасова, читал их нам вслух. Интересовался агрономической наукой, особенно хорошо знал овощеводство и садоводство. Умудрялся у нас, в Горьковской области, выращивать арбузы, снимал с куста огромные — с кулак — помидоры, разводил немыслимые в наших краях сорта яблонь. Наш сад в селе был истинным чудом, но во время Великой Отечественной войны вымерз, и пришлось пустить его под топор.

Отец был человеком энергичным. На протяжении многих лет руководил сельсоветом, председателем

ствовал в колхозе, позднее работал в райпотребсоюзе Большемаресьевского района нашей области.

Научить нас трудиться — было для отца главной задачей. Летом, в каникулы, мы, старшие дети, ежедневно работали в колхозе. Однако надо было успеть и свой огород обработать. Помню, едва-едва рассветет, еще солнце не поднимется, а мать уже будит нас. Так не хочется вставать и идти в поле по холодной росе босиком. А мать уговаривает: «Вставайте, вставайте, ребятки. Помогите отцу. Тяжело ведь ему одному-то всех нас кормить». Ну как было не встать после таких слов? Весь день мы работали с отцом на колхозном поле, а вечерами шли на свой огород. Сажали картофель, овощи, сеяли просо, рожь. За хорошую работу отец с матерью нас хвалили, а за плохую мы иногда и шлепки получали. Труд был тяжелый. Но зато как помогла эта привычка к труду, когда пришла лихая пора — война. Отец, выбиваясь из сил, работал день и ночь, семья-то большая. Мать болела, а мы, дети, помогали как могли.

В трудное время жестче уроки зла. И один из первых, для меня самых памятных, выпал на зиму сорок первого. Жили так: что ни вечер, ждем мать из очереди в магазин — хлеба дожидаемся. Однажды она вернулась позже обычного и без хлеба. Присела на край скамьи, руки уронила. А мы, не узнав даже, что произошло, только вдруг почувствовав, что остались без хлеба, голодными, разревелись, обступили мать. Представляю, каково ей было слышать этот десятиголосый плач!

А произошло все из-за несправедливости человека, наделенного властью. Как ни мала эта власть, но в масштабе деревни люди ей повиновались. Когда-то давно на собрании сельсовета мой отец выступил с критикой в адрес этого малого начальника, и вот в тот вечер, когда некому было нас защитить (отец работал в соседнем селе), начальник припомнил обиду — вытянул мать из очереди, не допустил своей властью к ежедневному хлебу. Покарал за ущерб, когда-то нанесенный его авторитету.

В ту ночь я лежал на полатах и размышлял. Семья осталась без хлеба из-за несправедливости человека, имеющего власть. Зло без власти что? А с властью — страшнее нет. В ту ночь сорок первого года я говорил

превозмогая обиду и за мать и за немощь своего возраста, что я, пацан, еще вырасту — и покажу таким! Что, став взрослым, ни в жизнь не допущу, чтобы так обижали женщину, мать, многодетную семью.

Во второй половине сорок первого года правление колхоза направило меня в ремесленное училище. Мне было 16 лет. На вокзальной площади города Выксы нас, деревенских парнишек и девчонок, построили в две шеренги, и мы, как новобранцы, пошли по улицам. С брезентовыми сумками на плечах и деревянными, домашней работы чемоданами выглядели мы призывниками. Прохожие останавливались, провожали нас взглядами.

Мне хотелось выучиться на токаря либо на электрика. Для этого, полагал я, у меня все данные: во-первых, образование — семь классов, во-вторых, страстное желание. Я огорчился до слез, когда меня записали в группу кузнецов.

Нам выдали обмундирование, рабочее и парадное. Грубые брезентовые брюки, брезентовый же фартук, ботинки на деревянной подошве. Идем, бывало, на работу на Верхний завод тротуаром — все оборачиваются. «Ну и дети пошли, — шутили прохожие. — Как кони». Имели в виду стук наших каблучков. Парадное обмундирование состояло из шинели, на петлицах которой знак РУ-15, суконных брюк, косоворотки и гимнастерки. В этом наряде мы выглядели стройными, подтянутыми. Многие ходили фотографироваться — хотелось порадовать родителей, как красиво одели нас в городе.

Кормили по военному времени неплохо. Хлеба ржаного с примесью ячменя или овса получали в день по 700 граммов. В обед на первое давали миску супа, зимой из мороженой капусты, летом из гороха или лапши, с кусочками мяса. На второе — ячменную кашу, мы называли ее «шрапнелью», пюре, изредка котлеты. В праздники перепадало мясо. Утром, в обед и на ужин в консервные банки разливали чай с сахаром. Потом дежурный группы обносил всех подносом с хлебом и каждый по-честному брал свою долю. К этому же времени относится и еще один случай. Любля, глубоко, навечно запавший мне в душу, вылез из училища домой на кани-

2483-1

кулы, ехал без билета, зайцем. Поезд вез ленинградцев, вырванных из блокады, и я присоединился к одной паре. Люди пожилые, старики, он и она. В вагоне появились контролеры, и я забился под нары, в темноту, под ноги старикам. Там и перележал опасность. Плохо мне было: ни копейки, ни куска хлеба. Потом старики отодвигают свои баульчики, и выбираюсь я на свет. Едем. Подошло время — на стол стали собирать. Тряпицы разворачивают. А на ужин у них по селедке ржавой, ничего больше. Самы по селедке взяли и мне подвинули: «Угощайтесь, юноша». Думаю: сыновья у них, видимо, на фронте. И снова за свой возраст обидно: как ни крутись, на фронт не возьмут. Малолетка. «Вы что же, юноша, не едите?» — спрашивают. «Да я потом, — говорю. — Обожду». И через стыд, чтобы не обидеть, объясняю, что матери хочу довести. Мать в то время болела сильно. Когда последний раз был дома, говорила, что очень селедки ей хочется. Полакомится — хворая ведь. Старики глянули друг на друга, он от своей селедки хвост мне отдал, она — голову. И газеты кусок экономно мне оторвали — завернуть.

Как мать радовалась! Поднялась, стала ходить. Говорила: та рыбка, что ты привез, меня на ноги поставила. Спасибо, сынок!

В живых уже нет ни матери моей, ни, верно, стариков-попутчиков. Только живет в душе память о добре.

В ремесленном мы одновременно и работали, и учились. Работать приходилось много. Мы понимали: идет война и наша, пусть скромная, помощь так же необходима для победы, как и работа больших заводов. В классных комнатах висели самодеятельные лозунги: «Как ты работаешь для фронта, что и сколько делаешь?» Мы варили сталь, давали прокат — танковую броню, трубы. Изготавливали оборудование для железных дорог, инструменты. Планы выполняли на 200—300, а иногда и на 500 процентов. Такие события отмечались митингами, открытыми комсомольскими собраниями. Помню, однажды чествовали прокатчиков. Все училище выстроилось перед главным корпусом. Вышла группа ребят-прокатчиков, оркестр заиграл марш. Мы до хрипоты кричали «ура», хлопали.

Мастером в нашей группе поначалу был Павел Васильевич Кочетков, кузнец-виртуоз. Кусок раскаленного металла за 10—15 минут превращался в руках Павла Васильевича в фигурный молоток, поковку для плоскогубцев, гаечный ключ. Павел Васильевич был строг, за провинность ругал на чем свет стоит. Года через два ушел из училища. Павла Васильевича сменил молодой мастер Григорий Петрович Марунин. Он хоть и был старше нас всего на два, на три года, но мы его почитали: он и дело свое знал, и порядок в группе умел держать.

В июне сорок пятого, через месяц после Победы, ремесленное училище выпустило нас в большую жизнь. Мне дали назначение в Горький, на завод по ремонту трамвайных вагонов. Я был кузнецом на мощном паровом молоте. Теперь таких и в помине нет, но тогда мы ими гордились, они считались «последним словом техники». На заводе этом приобрел я свой первый рабочий опыт.

Большую роль в моей жизни сыграл секретарь парткома Журилов, старый партиец, токарь-универсал, высококвалифицированный рабочий. Журилов был для нас, молодых рабочих, олицетворением партийной совести, человеческой справедливости. Он обладал ярким даром оратора. Когда выходил на трибуну и начинал говорить, то в зале уже через минуту не было ни одного равнодушного лица. Журилов вобрал в себя все лучшее, что оставил в наследство знаменитый нижегородский пролетариат.

И вспоминается еще один случай, который произвел на меня неизгладимое впечатление. Однажды подходит ко мне мой напарник, тоже кузнец, Николай Проскураков:

— Тебе не кажется, что больно мало мы зарабатываем?

Месячный заработок у нас был 900—1000 рублей. По тем временам деньги, действительно, небольшие. Буханка хлеба на базаре стоила 200 рублей, два кило картошки — 45, кусочек жира — 25 рублей. Правда, питание для кузнецов хорошее было, и по литере СП (спецпитание дополнительное) мы получали в буфете паяк. Но мне же нужно было заботиться о братьях и сестрах.

— Давай,— предлагает Проскураков,— кое-что на рынок делать из отходов.

Металла у нас много было — кладбище трамваев. Я, кузнец, из полосового железа мог делать на рынок многое. Накладки, например, двери запирать. Из четвертьсантиметровой проволоки — крючки для коромысел...

— Тридцатку,— искушает Проскураков,— свободно в день приработаем.

— А дозволено такое дело?

— Чего там! — рукой машет.— Дозволено, не дозволено... Вон железа сколько — не обедняем. Значит, так, Паша. Приходим до гудка за час, так? С обедом за двадцать минут кончаем и сорок минут на себя вкалываем, идет?..

Подумал-подумал я и решил: «Согласен!» И вот работаем мы как-то в обеденный перерыв, видим — подходит начальник механического цеха Трифоненко, ему подчинялась наша кузница. «Чем занимаетесь?» — спрашивает. Мы честно ему рассказали: так и так, немного подработать решили. И тут он как начал: «Позор! Комсомолец, а взялся калымить!..»

Голос у него был зычный, на всю кузницу слышен. И сам внушительного был вида, в прекрасном костюме, в белых начальнических бурках. Словом, дал он нам такой нагоняй, что у нас потом до вечера щеки горели. Бросили мы свой «отхожий промысел» и больше не возобновляли. Но каково же было наше изумление и возмущение, когда однажды на базаре мы увидели начальника цеха Трифоненко — он торговал кастрюлями из нержавеющей стали и алюминиевыми бидонами для молока, дефицитнейшим в ту пору товаром! Оказывается, пользуясь своим положением, Трифоненко заставлял молодых рабочих делать для себя бидоны и кастрюли. Где же справедливость? На комсомольском собрании, в присутствии секретаря парткома и директора, я со всей резкостью и наивностью задал вопрос: почему Трифоненко, начальнику цеха и коммунисту, можно транжирить ценнейшее полосовое железо и алюминий для приработка, а нам нельзя в свое время — в перерыв и после работы — делать накладки из бросового металла, который все равно пойдет в переплавку? Меня пытались одернуть:

на кого замахнулся. Но не тут-то было — высказал я все до конца.

После этого началась у меня трудная жизнь: при каждом удобном случае Трифоненко завывал нормы, урезал наряды. И молотобойцы, которые вместе со мной работали, начали меня уговаривать: кончай ссориться с начальником, из-за тебя нам зарплату режут, как-нибудь давай находи с ним общий язык. Но я наотрез отказался идти на мировую. В эти дни и вызвал меня к себе Журилов:

— Вот что, давай-ка возмись и возглавь нашу комсомольскую организацию. Парень ты энергичный, так что впрягайся...

Комсомольцы поддержали рекомендацию парткома, так и началась моя работа в комсомоле. Позже был я секретарем комсомольской организации в лес-промхозе в Разинском районе и заведующим орготделом райкома, а в 1950 году вызвали меня в обком комсомола:

— Такое дело, Горбачев. Просят из нашей комсомольской организации двух человек отправить в Среднюю Азию, в Таджикистан — помочь товарищам нужно. ЦК комсомола просит. Мы решили рекомендовать тебя...

Комсомольская работа в Гармском районе, в ЦК ЛКСМ Таджикистана, а в 1958 году — новое ответственное назначение: вторым секретарем Хорогского горкома партии.

— Едешь ты на партийную работу, — напутствовал меня заведующий отделом ЦК Петр Иванович Захаров, как и я, волжанин, — а город этот тебе незнаком, да и тебя люди не знают. Советую тебе: не жалей ни времени, ни сил — узнавай жизнь людей. Смотри, вникай, спрашивай, чего не знаешь. Изучай народ, характеры людей, обычаи, язык. В нашей работе есть существенный недостаток: поучаем иногда людей с трибун, говорим правильные слова о жизни, а жизнь эту подчас знаем приблизительно, знаем вообще. Посещаем животноводческие фермы, наблюдаем колхозное производство, смотрим в даль полей, а вот чем жив человек, о чем думает, чем дышит, в это вникаем редко. Какова она, правда этого человека? Каждого. У Ленина сказано: «Знать *все*. По-

нимать массу». Вот и поставь себе целью изучать людей, бывать среди них!..

Я последовал совету Петра Ивановича. Бывал в школах, на фермах, ходил на пастбища — именно ходил, потому что памирские тропы часто и для лошади непреодолимы. За время работы я близко узнал более ста семей в своем районе. Приходил к людям домой, интересовался их жизнью, узнавал, какие условия созданы детям для учебы, как со снабжением, с другими насущными вопросами. И люди с открытым сердцем встречали секретаря горкома.

Два года я провел на Памире, полюбил таджиков, этот гордый и красивый народ. Продолжал учебу. Среднюю школу я закончил еще на родине, работая в райкоме комсомола, а в Таджикистане поступил на заочное отделение Высшей партийной школы, которое окончил в 1957 году, а затем на механический факультет Таджикского сельскохозяйственного института, к 1962 году перешел на четвертый курс.

И вот — Нурекская ГЭС, стройка всесоюзного значения.

Справлюсь ли?

Хватит ли опыта, умения, сил?..

На другой день после разговора в ЦК я зашел к Тайбе Хабибовне Хабибовой, первому секретарю Центрального райкома партии, с которой некоторое время работал после возвращения с Памира в Душанбе.

— Понимаю ваши сомнения, Павел Иванович, — внимательно выслушав меня, сказала она. — Сейчас все говорят о Нурекской стройке. Думаю, что это — настоящее дело. И где, как не в Нуреке, проверить свои силы? И где, как не в большом деле, их приумножить? Там сейчас самое начало, так называемый «нулевой цикл». Это техническое понятие, но в данных обстоятельствах его можно отнести ко всему — и к общественной жизни тоже. И коллектив, и организацию предстоит еще создавать. Работы много, и работы трудной. Но вы же будете не один — в организации много настоящих, опытных коммунистов...

Это решило дело.

Вскоре мне снова позвонил Зубов. Я поехал к нему. Петр Георгиевич, узнав о моем согласии, крепко пожал мне руку, и у нас начался обстоятельный разговор. Зубов вводил меня в курс дела, не выпуская из виду даже самых мелких деталей.

Вскоре меня принял секретарь ЦК Компартии Таджикистана Султан Бабаевич Эргашев. Он дал несколько полезных советов на первое время и предложил не тянуть — сдавать поскорее дела в райкоме, назвал срок отчетно-выборного партийного собрания в Нуреке.

Я собрался в дорогу. С женой (мы вместе приехали с Волги) договорились, что пока она останется в Душанбе. Огляжусь на месте, тогда решим вопрос с ее переездом. Она была расстроена, но старалась не подавать виду.

Накануне отъезда меня принял первый секретарь Центрального Комитета Компартии Таджикистана товарищ Расулов.

Джабар Расулович встретил меня в дверях своего просторного, залитого солнцем кабинета. Беседа была долгой.

— Нурек — это крепкий «орешек», — говорил первый секретарь. — Думаю, сложностей и трудностей у вас будет много, товарищ Горбачев. Народ туда едет со всей страны. И народ разный. Надо приглядываться, присматриваться к людям. Надо найти время, чтобы увидеться, побеседовать с каждым коммунистом. Оценить каждого человека, не ошибиться в нем, подыскать ему место на стройке, в коллективе — не простая задача. Знать людей — это самое главное! Несмотря на загруженность, на текучку, на неурядицы на первых порах... Начинать надо с «ядра», с создания костяка организации. Никакие хорошие планы не помогут работе, если вы не будете знать тех, кто должен будет их вместе с вами выполнять.

— Время не терпит, — решительно закончил наш разговор Джабар Расулович. — Стройка разворачивается, ехать нужно немедленно. Когда выезжаете?

— Завтра.

— Желаю успеха!..

Всю ночь от волнения не мог сомкнуть глаз. Рано утром вышел из дома, пешком дошел до здания Центрального Комитета. Спустя несколько минут оттуда

вышли секретарь ЦК Султан Бабаевич Эргашев и заведующий отделом организационно-партийной работы Василий Афанасьевич Никитин.

— Ты, поди, и не спал, Горбачев,— поздоровавшись, заметил секретарь ЦК.— Понимаю тебя,— уже в машине продолжал Султан Бабаевич.— Не в гости едешь — на трудную, ответственную, но интересную работу. Считай, тебе крупно повезло в жизни, что на тебя пал выбор!..

За несколько дней до отъезда, зайдя к Хабибовой, я застал у нее в кабинете пожилого, подтянутого человека в военном костюме без погон, с густыми черными бровями, почти сросшимися на переносье.

— Знакомьтесь,— сказала Тайба Хабибовна,— это полковник Советской Армии в отставке, бывший председатель Нурекского горисполкома Раджабали Джалилович Джалилов.

— Давно ли вы в Нуреке, Раджабали Джалилович? — поинтересовался я, пожимая Джалилову руку.

— Да с самого начала,— ответил Джалилов.— Это ведь как получилось-то,— повернулся он к Хабибовой.— Позвонили как-то зимой из ЦК: товарищ Джалилов, вас вызывает к себе первый секретарь. Поехал. Отправляйтесь-ка в Нурек, товарищ Джалилов, говорит он мне, новое большое дело там начинается. Тогда же была создана группа из восьми человек, и поехали мы в Нурек. Так сказать, «принимать город». Приехали, а города-то никакого и в помине нет, так, кишлачок маленький. Устроили меня в чайхане. Тут тебе, говорят, будет и горисполком, и нарсуд, и милиция, и профсоюз — все органы власти вместе! Прибывает первая партия строителей — все ко мне: «Давай, председатель, место, чтобы жить!» Дорогие, говорю, сам работаю и живу в чайхане. Ночью сумку с документами и печатью — под голову, шинелишкой накрылся — и порядок... Шутки шутками, однако надо было серьезно приниматься за дело. Провели регистрацию всех существующих в кишлаке строений. Определили помещения для руководителей стройки, партийной организации. Ломали головы: где размещать прибывающих на стройку людей? Как проведут строители первую зиму? Жилье было первой и самой острой проблемой Нурека, которую надо было срочно решать. Обратились за помощью к аксакалам бли-

жайших кишлаков. Часть строителей разместились в пустовавших или освобожденных жителями глинобитных мазанках. Многих приютили коренные жители Нурука. Таджикский дехканин всегда славился своим гостеприимством. Однако это же только временный выход из положения. Звоню в ЦК: как быть? Предложили поехать в Орджоникидзеабдский райком, территориально Нурук ему подчинен. Поехал, встретился с секретарем райкома Спиридоновым, заместителем председателя райисполкома Ждановым. А у них домостроительный комбинат еще не вышел на полную мощность. В общем, сложностей на первых порах было немало. Да и сейчас их хватает и, кстати, с тем же жильем...

Рассказал Джалилов и о других проблемах новорожденного рабочего городка.

Я вспомнил рассказ Джалилова, когда мы ехали по узким улочкам старого Нурука. День был жаркий, душный. Солнце палило нещадно. Зелень на склонах гор пожухла, полиняла. Посреди города столбом стояла пыль, туда-сюда сновали машины, окутывая выхлопными газами посеревшие дувалы и чахлую листву во дворах. Навстречу попадалось много людей. Шли группами, в одиночку. Видимо, наступил обеденный перерыв.

Неподалеку Вахш, но воды в Нуруке нет — нет водопровода. Воду приходится или ведрами таскать, или возить из Душанбе в автоцистернах, как возят в город с колхозных ферм молоко. Вот и сейчас около такой машины выстроилась очередь с ведрами и бидонами. Вначале не было и своей пекарни, не было хлеба — завозили из Орджоникидзеабада. Первые строители обедали на ходу, на скорую руку — кто под шиферным навесом, кто под развесистыми ветвями тутовника, а кто просто возле своей машины или бульдозера.

По дороге нам все время попадались мощные панелевозы, груженные деталями керамзито-бетонных домов, доставляемых из Волгограда. Султан Бабаевич Эргашев рассказал, что недавно видел на кальке проектировщиков первого микрорайона место, где будет построен 24-квартирный дом с надписью на фронтоне: «Я знаю — город будет, я знаю — саду цвести!..»

И город будет, и зацветут сады — в этом и малейших сомнений не возникало. Но сколько трудностей придется преодолеть на этом пути, сколько неразрешимых проблем разрешить! И все это — уже мое личное дело...

Наша машина остановилась возле управления стройки. Мы поднялись в партком. Нас ждали — начальник строительства Семен Константинович Калижнюк, члены парткома Луньков, Сабиров, Савченков, представители Орджоникидзеабадского райкома партии.

Прежний секретарь парткома стройки Муин Акрамович Акрамов лежал в больнице, и надо было решать, кто будет выступать с отчетным докладом. Выбор пал на члена парткома Марка Леонидовича Лунькова.

Мне коротко рассказали о нем: инженер-гидротехник по образованию, кончил Горьковский политехнический институт, стройку и людей знает великолепно.

Отчетно-выборное собрание проходило бурно. Желających выступить в прениях после доклада было много. Критиковали резко руководство стройки, а больше всего — партком.

Особенно запомнилось мне выступление коммуниста Николая Григорьевича Савченкова. При этом создалась напряженная ситуация: сидевший в президиуме секретарь Орджоникидзеабадского райкома партии укоризненно заметил Савченкову:

— Вы критикуете республиканские организации, руководителей стройки, партком, а в адрес райкома — ни слова, как будто его нет!

— А разве есть такой райком, которому подотчетна наша партийная организация? — обернулся к нему Савченков.

— То есть как это? — Секретарь даже привстал в недоумении.

— И секретари райкома есть? — всерьез спросил Савченков.

— Конечно! — еще не понимая, к чему клонит оратор, ответил секретарь.

— Так почему же работники райкома совсем не бывают в Нуруке? Не встречаются с рабочими, не знают их нужд? — загремел с трибуны Савченков. —

Почему ваш райком совсем не интересуется стройкой? Или вы полагаете, что у нас — тишь да гладь да божья благодать?!

И Николай Григорьевич Савченков, начальник строительного управления плотины, стал рассказывать о том, что на стройке низка производительность труда, не хватает цемента и кирпича, что для рабочих не созданы нормальные условия и потому многие приехавшие на стройку, в том числе и весьма квалифицированные специалисты, покидают Нурек.

— Текучесть кадров такова, что стройка превратилась в проходной двор! В городе много случаев хулиганства и пьянок! Плохо организована учеба рабочих! Вы знаете об этом, товарищ секретарь? — опять обратился к представителю райкома Савченков.

Я внимательно слушал выступление и радовался такой смелости, такой боли за общее дело. Признаться, первый день в Нуреке не принес отрадных впечатлений. У въезда в город я увидел двух парней. В шортах, в сомбреро, нагруженные бутылками с вином, они ленивой походкой направлялись в сторону бетонного завода, где строился первый блок растворного узла. Как-то даже сжалось все внутри от этого первого впечатления. И поэтому здесь, на партсобрании, было особенно приятно сознавать, что бороться с бедами стройки мы, коммунисты, будем все вместе. Савченкова поддержали. Производственные недостатки и работу парткома резко критиковали начальник тоннельного управления Александр Сергеевич Зверев, электрик Валерий Саакян, учительница Клавдия Ивановна Данилова. Выступавшие с тревогой говорили о положении дел на строительстве. Я видел, что на стройке много недостатков, но ясно было и другое: большинство коммунистов — опытные гидростроители, деловые работники, истинные партийцы. Они и составляют ударный отряд партийной организации, ее главную силу. Будет с кем работать, на кого опереться.

Один за другим поднимались на трибуну коммунисты. В президиуме каждое выступление находило живой отклик. Недостатки, которых всегда бывает так много в начальной стадии строительства, волновали всех: от рядового рабочего до руководителей стройки.

После выступления секретаря ЦК Султана Бабаевича Эргашева коммунисты единогласно избрали меня парторгом. Пожалуй, лучше всего характеризуют мое состояние слова, которые я поздно вечером написал в своем дневнике: «ЦК доверил мне возглавить партийную организацию одной из крупнейших строек страны. Коммунисты Нурека поверили мне авансом. Чем я могу оправдать их доверие? Только работой!..»

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Ночной разговор.

**«За каким лядом
мы сюда ехали!!»**

Рассказ Хамида. Штаб на колесах.

**«Даешь ДЭС!» Знакомство
с Адмиралом Нельсоном.**

**Человек из романа. Династия
гидростроителей. Комиссии**

Лунькова. Местные кадры.

Перспективы Нурека

К концу 1962 года партийная организация строителей Нурекской ГЭС насчитывала 170 человек.

С первых же дней на новый партком обрушилась лавина неотложных дел и забот. Нужно было наводить порядок в работе участковых партийных организаций, партийных групп, планировать работу партийного комитета так, чтобы выносить на обсуждение самые насущные, самые большие проблемы набирающей силу стройки. Надо было создавать коллектив. Первое знакомство с коммунистами состоялось, но парторганизация — лишь часть коллектива, его авангард. А что представляет собой основная масса рабочих? На первом же заседании парткома мы наметили план работы. Решили обследовать в первую очередь предприятия общественного питания, торговли, детский сад, общежития — иными словами, все наше городское хозяйство.

На третий день вечером вместе с новым председателем горисполкома Каримом Миралиевым, председателем стройкома Сафаром Ниязовым и инструктором партийного комитета Боймирзо Шукуровым (позже он стал председателем Нурекского горисполкома) я поехал в общежитие автобазы. Комнаты были переполнены — это сразу бросилось в глаза. Заходим в одну из них. Встречают нас человек девять сильно выпивших парней. Беспорядок, незаправленные кровати, белье мягое, грязное. Дым коромыслом, на столе вино, водка, хлеб, лук, чеснок.

— Здравствуйте, молодые люди!

«Молодые люди» отнеслись к нашему появлению явно недружелюбно. Одни угрюмо покосились в нашу сторону, другие сделали вид, что вообще гостей не замечают. А высокий взлохмаченный парень, насупив брови, грозно спросил:

— Вам что здесь надо?

— Зашли навестить, посмотреть, как живете, отдыхаете.

— Как рабочий класс отдыхает? Ну смотрите!..

И ко мне:

— Вы кто такой?

— Секретарь парткома,— говорю.

— Ну вот что, партком, ты уважаешь рабочий класс?

— Конечно,— говорю,— уважаю.

— А вот посмотрим, как уважаешь!..— И подает мне стакан водки.— Выпейте, посидите с нами!

Отступить некуда.

— Я бы с вами посидел,— говорю,— но вот, смотрите...— И ключ зажигания достаю. Я часто ездил на парткомовском газике без шофера, тем более вечерами.— Вы же шоферы все?

— Шоферы, шоферы,— дружно отвечают.

— А полагается за руль садиться после такого подношения?

Этот довод на всех как-то сразу подействовал — стихли. Даже прикрикнули на кого-то, кто пытался спорить. Но парень, который все начал, не унимался:

— Отговорочки! Вы рабочим человеком пренебрегаете!

И пошел честить все на свете: все плохо кругом, не заботятся о рабочем классе, работать как следует не дают...

И снова ко мне:

— Что — неправда?

— Несерьезно все это! — отрезал я.— Хочешь разобратся — приходи в партком. Это разговор не застольный!

— А что — и приду! — пообещал он.

— Вот и приходи. А живете вы плохо! Не людски! И в этом виноваты сами! — резко заявил я им.— Приехали такое большое дело делать, можно сказать, жизнь у нас в горном крае переворачивать!

Стыдно! Эх вы, рабочий класс!.. — и захлопнул за собой дверь. Прислушался: там, в комнате — тишина...

На следующий день, к вечеру, этот парень, звали его Виктор Пищулев, действительно пришел в партком. Чувствовал он себя весьма смущенно.

— Проходи, садись, — пригласил я его. — А я уж думал, что не придешь.

Разговор не сразу, но завязался. Да, говорил я ему, спору нет — город испытывает большие трудности. Не налажено у нас еще с питанием, не хватает столовых, магазинов, жилья. Понимаю твое возмущение. Конечно же, хорошо после работы, да еще под выходной, попариться в баньке, в приличном кафе посидеть с друзьями, сходить на концерт. Все это будет, дай срок. Но, чтобы было, мало языком болтать, к этому и каждому руки приложить надо. Или ты ждешь, что кто-то за тебя все сделает? Тогда ты зря приехал сюда...

Беседа наша с Виктором затянулась далеко за полночь. Пора бы и на покой, ведь утром обоим на работу, а разговор все не кончался.

Ушел от меня Пищулев, лишь когда над горами уже забрезжил рассвет.

А утром около парткома — толпа, человек 100—150.

— Слушай, ты чего в парткоме штаны просиживаешь! Цемента нет, раствора нет, строить не можем! За каким лядом мы сюда ехали?! Что мы так зарабатываем? А у нас семьи, детей кормить надо. Сидишь в своем кабинете!..

Все это означало, что растворный узел снова вышел из строя.

Организация труда была слабая. В начале 60-х годов широко оповестили о начале стройки, а фронт работ еще не развернулся, и потому стройка не в состоянии была принять и обеспечить работой сотни людей, прибывающих в Нурек. Шоферы требовали автомашины, поварихи — столовую, учительницы — школу, проходчики — фронт работ в тоннеле. А если учесть еще и то обстоятельство, что стройматериалы, машины, механизмы, которые шли в Нурек со всех концов Советского Союза, иногда запаздывали и возникали перебои в снабжении цементом, кирпичом, лесом, механизмами, то можно представить, в каком

затруднительном положении оказывалась стройка. И люди шли в партийный комитет, требуя: дайте нам возможность трудиться! Позаботьтесь, чтобы были стройматериалы, инструменты, механизмы. Мы сюда дело приехали делать! И правильно требовали: партком отвечает за все! Меня радовал наплыв людей: значит, верят в партийный комитет, ждут от него конкретной помощи.

Известно, что партийный комитет не может ни подменять, ни дублировать работу администрации предприятия, технических служб, он вмешивается в непосредственную хозяйственную деятельность лишь тогда, когда это вмешательство необходимо. Таким и было положение в первые месяцы работы нового парткома стройки. И приходилось заниматься всем, под любой груз подставлять плечи. Цемента нет — звонить в ЦК, в Совет Министров, на цементно-шиферный комбинат: давайте цемент! Кирпича нет — опять в ЦК, директору Рохатинского кирпичного завода: давайте кирпич! Партком, комитет комсомола, штаб комсомольской стройки в то время занимались и организацией труда рабочих, и помогали хозяйственникам, добиваясь, чтобы стройматериалы, подъемные механизмы, тяжелые машины поступали на стройку непрерывно.

Семен Константинович Калижнюк, управляющий огромным трестом, отвечал за строительство Головной ГЭС, Центральной ГЭС, строил цементно-шиферный комбинат и вдобавок руководил строительством Нурекской ГЭС. Работал Семен Константинович часов по 15—18 в сутки. Никогда потом не видел я, чтобы человек брал на себя такую нагрузку. К тому времени Калижнюк перенес инфаркт, возраст его перевалил за шестой десяток. Словом, к нам в Нурек заглядывал не так уж часто. Вопросы организации труда были в ведении главного инженера и его заместителей, а также заместителя начальника строительства Шамсулло Юсуповича Юсупова. Но, несмотря на то, что люди эти были весьма энергичные и опытные, даже им приходилось туго. Поэтому партком какую-то часть снабженческих забот брал на себя.

Но и партийной работы было невпроворот. Встречаться с секретарями парторганизаций, обсуждать с

ними состояние дел, советоваться, учить их. Близи-лось начало учебного года в системе партучебы — с помощью Душанбинского горкома партии организовали университет марксизма-ленинизма. О пополнении нашей партийной организации надо было подумать, о действенности социалистического соревнования в бригадах, на участках.

Все это заполняло наши рабочие дни, а вечером снова и снова надо идти к рабочим домой, бывать в общежитиях, беседовать с людьми. Сам по себе напрашивается вывод: без крепкого, объединенного единой целью коллектива браться за решение практических задач по строительству ГЭС немыслимо. Создать дружный, спаянный коллектив — это стало программой партийного комитета...

С самого начала стройка Нурекской ГЭС была объявлена Всесоюзной комсомольской ударной — наравне с важнейшими объектами тех лет. Самое активное участие в жизни стройки принимала молодежь, комсомол был верной опорой парткома во всех наших делах.

Жили комсомольцы радостно, увлеченно, забывая о лишениях и невзгодах. Ютились в бараках по три пары молодоженов в комнатухе, а то и просто под навесом, в жару задыхались от пыли, а в дождь утопали в грязи — но даже и об этом вспоминают теперь они как о прекрасной поре жизни, ибо это была их юность, наполненная радостным и напряженным трудом.

На месте старого кишлака должен был вырасти новый город — город будущего. А пока строились так называемые «временки». Работали уже новая чайхана, столовая, баня, ларьки, киоски. Рядом сколачивали дощатое легкое строение — комбинат бытового обслуживания. Люди жили, в основном, в юртах, вагончиках, кибитках, палатках, но уже росла целая улица из легких сборных домиков. В Диссабуре — еще одном кишлаке, входящем в черту будущего города, — возводился целый микрорайон из 16-квартирных щитовых домов. Ежемесячно сюда переселялись десятки семей, но это проблемы жилья не решало.

Вспоминаю, как приехала группа комсомольцев, инженеров-проектировщиков. Привели их в щитовой домик, показали комнату:

— Вот ваше помещение, работайте.

— А где жить?

— Здесь. Больше ничего нет.

— Хоть для девушек выделите отдельную комнату!

— Если б была!..

Так и работали. Кое-как приспособливали чертежные доски и чертили. А заказы поступали один за другим: «Нужна документация на школу! Товарищи, срочно подготовьте к завтрашнему дню!..» И они старались, выполняли заказы, засиживаясь над чертежами порой до утра.

Хамид Хамидов — секретарь комсомольской организации Нурека — работал на стройке с самого ее начала. В 1961 году он окончил институт, получил диплом инженера-механика и по распределению приехал в Орджоникидзеабад. Там на одном из комсомольских собраний его заметил Василий Афанасьевич Никитин — тогда секретарь ЦК комсомола республики. Познакомившись с Хамидом и побеседовав с ним, вызвал его в Душанбе и предложил молодому специалисту поехать в Нурек. Хамид вспоминает:

— Ехать в Нурек было страшновато, но тянуло — знал, что затевается там нечто грандиозное. Приехал, было даже приткнуться негде, приходилось ездить ночевать к себе в Орджоникидзеабад. Начал знакомиться с людьми. Нашел пятерых комсомольцев. Собрание проводить было негде. Решили пойти на берег реки. Комсоргом избрали меня. Наметили первые мероприятия: взять на учет комсомольцев, избрать комитет, держать связь с отделом кадров (а он тогда находился в Душанбе, как и все управление стройки), проверить учетные карточки, навести порядок со взносами. Познакомился с парторгом Акрамовым, с начальником строительства Семеном Константиновичем Калижнюком. Однажды не выдержал нагрузок — пошел к Никитину отказываться, но из этого ничего не вышло. После беседы в ЦК комсомола вернулся в Нурек с новыми силами и с большими планами, но на второе собрание даже собрать комсомольцев не смог. Они не пришли. Все планы рухнули, вновь опустились руки...

Как вспоминает Хамид, в те дни делу помог Анатолий Тутынин, прораб стройки, человек уже опытный и много повидавший. Он встретил Хамидова, затащил

к себе «на огонек» и рассказал ему о том, как работал на строительстве Красноярской ГЭС, как велась там комсомольская работа. С помощью Тутьнина Хамидов провел собрание. Комсомольцы избрали комитет. На первое же заседание комитета пришло немало рядовых комсомольцев-активистов, они взялись помочь в налаживании работы. Около двух недель члены комитета ходили по стройке, беседовали с молодежью. Основной вопрос был выявлен быстро — острая потребность в жилье.

Между тем руководство стройки никак не могло решить: строить временное жилье или нет? Не хотелось будущий город захламлять временными домиками, кибитками и палатками. Однако людей нужно было расселять. Пришли к единому мнению: временное жилье строить не в центре Нурека, а по кишлакам Диссабур, Лангар, Сари-Боло. Работа закипела. Комитет комсомола объявил жилстрой ударным объектом, направил на строительство жилья лучших своих людей: высококвалифицированных молодых бульдозеристов, крановщиков, электриков, шоферов. Они становились на время штукатурами, каменщиками, плотниками. Создавались комсомольско-молодежные бригады. Одной из первых была бригада Веры Давыдкиной, которая вскоре стала известна всему Нуреку.

Однако работа работой, но надо было думать еще и об отдыхе строителей. В Нуреке не было библиотек, клуба, танцплощадки, оркестра, спортивных сооружений. А молодежи все это было необходимо, ибо, как известно, не хлебом единым жив человек. Комитет комсомола устраивал долгие жаркие дебаты, но дело не двигалось. И тогда на помощь пришел партком. Начальником управления строительства здания Нурекской ГЭС с первых дней был Юрий Николаевич Чайковский. Высокий, стройный, спортивной выправки человек, высококвалифицированный специалист-гидротехник, он работал на многих крупных стройках страны. У него были глубокие познания в литературе, живописи, музыке. В те нелегкие для Нурека годы квартира Чайковских превращалась то в музыкальный салон, то в клуб любителей поэзии, то в технический кабинет по пропаганде достижений в гидротехническом строительстве. Юрий Николаевич рассказывал о

творчестве выдающегося художника Рокуэлла Кента, о вкладе в русскую музыкальную классику композитора Сергея Рахманинова. Именно Чайковский предложил тогда комсомольцам превратить в клуб бывший нурекский зерносклад.

Молодежь взялась за дело с большим энтузиазмом. Несколько комсомольских бригад в свободное от работы время привели прежнее невзрачное строение в порядок. Получился довольно уютный клуб. В Лангаре — опять же по предложению Чайковского — выбрали место и построили танцплощадку. И именно Чайковский разжег интерес ребят к будущему города Нурека. Родом он был из Днепропетровска, в который был влюблен, что называется, без памяти. Он приносил с собой фотографии Днепропетровска, показывал их ребятам, увлеченно рассказывал, каким, по его мнению, может и должен стать Нурек.

Вскоре в здании строительного управления комсомольцам выделили комнату, и комитет комсомола наконец-то обрел постоянное пристанище. Знойным июньским днем 1961 года зашел в эту комнату молодой парень в тельняшке. Это был Валерий Саакян. Его направил сюда партком в помощь комсомолу. Саакян недавно стал членом партии, и это было его первое ответственное партийное поручение. Хамидов вспоминает:

— Поначалу я отнесся к нему несколько настороженно. Но Валерий быстро меня к себе расположил. Он обо всем меня расспрашивал, интересовался каждой мелочью. В заключение разговора заявил, что делает все, чтобы дела наши шли лучше. Устроился он работать электриком. В комитет комсомола наведывался ежедневно. А потом жил у меня на квартире, если можно было назвать «квартирой» тот сарайчик, в котором мы располагались...

Из среды молодых строителей выдвинулись настоящие вожаки молодежи — такие, как сам секретарь комсомольской организации Хамид Хамидов и его брат Маршалл, Валерий Саакян, Галина Ковальчук, Борис Галич, Анатолий Княшко, Ирина Тележникова, Нина Сартакова, Борис Шапкин, Вера Давыдкина, Шура Кныш, Нина Силкина и многие другие. По вечерам все собирались у Хамидовых. Жена Хамидова Рая, милая, обаятельная молодая женщина, ва-

рила в большом казане на всех обед. Часто далеко за полночь затягивались беседы и споры о самом сокровенном: о смысле жизни, о дружбе, о любви...

Саакян горячо доказывал своим товарищам, что их комитет должен стать передвижным, мобильным. Он представлял себе этот комсомольский штаб как большой и важный центр всей жизни молодежи. Он, этот центр, должен аккумулировать все увлечения, все интересы, все запросы нурекской комсомолки и находить им реальное разрешение. Комсомольцы согласились с ним: они сменили свое тихое помещение на небольшой вагончик, который действительно переезжал с места на место в зависимости от того, где по обстоятельствам, диктуемым стройкой, должен был находиться комсомольский штаб. В вагончике установили телефон, поставили сейф и двухтумбовый письменный стол, покрытый красным сукном. И новый комсомольский штаб заработал.

В то время стройка остро нуждалась в электроэнергии. Из Душанбе через Орджоникидзебад тянули линию электропередачи, но это требовало времени, а свет был нужен сегодня, сейчас. Комсомольцы сами взялись за решение этого вопроса. Решено было доставить из Душанбе и смонтировать два стареньких дизеля «Вартингтон» с электрогенераторами, создать свою дизельную электростанцию. Сроки были минимальные. Комсомольцы выделили на это дело лучших своих ребят. Возглавил бригаду Саакян. Работали почти круглосуточно. Дизели оказались в таком плачевном состоянии, что их приходилось перебирать и монтировать почти заново. Другая бригада комсомольцев-электриков тянула по Нуреку и к строительным площадкам проводку. Монтаж дизельной электростанции стал главным делом комсомольской организации. У монтажной площадки появился вагончик штаба, на нем лозунг: «Даешь ДЭС!». Сюда, на подстанцию, навывались и управляющий трестом «Таджикнурекгидрострой» Калижнюк, и Юрий Николаевич Чайковский, бывал у ребят и Марк Леонидович Луньков.

ДЭС была построена, и вагончик передвинули на новое «горячее» место: надо было строить арматурный цех, закладывать автобазу. Комсомольцы со всем энтузиазмом принялись за новые дела. Созданный штабом «Комсомольский прожектор» выявил безобразия

в снабжении строительными материалами. Комсомольцы пригласили на заседание «прожектора» заместителя управляющего трестом по снабжению Т. К. Гойгова. Присутствовал на этом заседании и недавно избранный второй секретарь ЦК комсомола Таджикистана Рудольф Макаров. Ребята привели вопиющие факты и потребовали снять с работы нескольких снабженцев. Тамерлан Керимович Гойгов согласился и подписал приказ об увольнении этих работников. Но встал вопрос: кем их заменить? И тогда на заседании комитета было решено: направить на работу в снабжение лучших комсомольцев.

Много внимания уделяли комсомольцы развитию спорта и художественной самодеятельности. Тогда было несколько участков, и каждый из них стремился создать свою команду, свой самостоятельный коллектив. Помогали республиканские организации. Дня не проходило, чтобы на площадке перед клубом не выступал какой-либо коллектив из Душанбе, из других городов Таджикистана.

Партком поручал комсомольцам самые ответственные дела. Только благодаря самоотверженности и смекалке комсомольцев, рабочих и инженеров по серпантину горных дорог, через шаткие деревянные мосты из столицы республики в Нурек был перевезен первый башенный кран. Комсомольцы рыли котлованы для первых многоквартирных домов, делали первые замесы бетона, проходили первые метры тоннелей и сажали первые деревья. Вступали в жестокую борьбу с расхитителями леса, шифера, кирпича, красок. В первые годы немало съехалось к нам в Нурек в поисках легкого заработка людей с антиобщественными наклонностями. Приезжали и после отбытия срока из мест заключения. И многие другие обстоятельства усугубляли положение: молодежь без родителей, без влияния семьи, мужья без жен, женщины без мужей. Бывало, по вечерам в разных концах кишлака шаталась захмелевшая братия, порой возникали потасовки.

Упорядочить жизнь на строительстве помогли комсомольцы. Был создан штаб по охране общественного порядка, который до 1965 года возглавлял человек, одаренный и организаторскими способностями, и инженерной смелостью, Валерий Саакян, ныне главный эксперт строительства АЭС в одной из африканских

50 комсомольцев и молодых коммунистов. Ребятам сшили форму, предоставили в распоряжение два мотоцикла и автомашину. И за самое короткое время атмосфера в рождающемся городе изменилась к лучшему.

Однако приходилось и поправлять комсомольцев. Бывало, соберутся они в своем штабе-вагончике и давай разносить все начальство подряд. И появляются листки-молнии — то на двери кабинета начальника строительства: не подан своевременно бетон на объект; то на дверях парткома: не завезли кирпич; то у председателя горисполкома: плохо с выпечкой лепешек. Как-то раз пришел из штаба такой листок: «Товарищ партком! Цемента нет, металла нет, бетона нет, лесу нет, кирпича нет. Принимай меры!» Ясно стало, что ребятам нужно объяснить: мало замечать и сигнализировать о недостатках, нужно и самим включаться в борьбу с ними.

В начале 1963 года комсомольская организация стройки насчитывала в своих рядах уже около тысячи человек. А спустя еще пять лет, в 1968 году, за большие заслуги Указом Президиума Верховного Совета СССР нурекская комсомольская организация была награждена орденом Трудового Красного Знамени...

Главный шеф Нурека, как и всех ударных строек, — Ленинский комсомол. В чем заключалось это шефство? Прежде всего в направлении по комсомольским путевкам сотен и тысяч юношей и девушек на стройку. ЦК ВЛКСМ совместно с политорганами Советской Армии посылали на строительство Нурекской ГЭС целые роты и взводы демобилизованных солдат, многие из которых трудятся в Нуреке и по сей день. После школы целыми классами приезжали к нам по комсомольским путевкам юноши и девушки из Душанбе, Орджоникидзеабада, из районов Памира и Ленинабадской области.

В год столетия со дня рождения В. И. Ленина ЦК ВЛКСМ, ЦК комсомола республики и редакция «Комсомольской правды» провели в Нуреке всесоюзный Ленинский урок.

Наиболее важное приложение комсомольских сил мы чувствовали в деятельности комсомольско-молодежных бригад.

Их было много. Бригады отделочников Ирины Те-

лежниковой, Веры Давыдкиной, экскаваторщиков Файзулло Амуралиева и Николая Григорьева вошли в историю строительства гидроузла.

Секретари ЦК комсомола республики Г. Б. Бобосадыкова, Р. В. Макаров, В. Х. Погребной и другие были активными помощниками в становлении и развитии коллектива строителей. Часто заезжали на стройку ответственные работники ЦК ВЛКСМ, в том числе и первые секретари Е. М. Тяжелников и Б. Н. Пастухов. С их помощью успешно решались многие проблемы молодежи.

Непросто шел процесс рождения и созревания коллектива, со многими самыми различными трудностями было сопряжено вовлечение молодого рабочего в жизнь стройки.

Взрывник Валерий Шипулин приехал в Нурек ранней весной 1961 года и трудится там по сей день. Отвечая на мою просьбу описать первые месяцы работы в Нуреке, он прислал мне пространное письмо, довольно ярко показывающее обстановку в начале строительства:

«В ту весну мы, пятеро молодых здоровых парней, прибыли к новому месту работы. Пути-дороги наши сошлись всего несколько дней назад, мы еще толком не знали друг друга, и одно нас роднило, всех пятерых, — то, что мы были взрывниками. Все пятеро изучили это дело недавно, гордились своей новой профессией и ждали только дня, когда можно будет показать себя в работе.

Перед отъездом из Москвы «шеф» взрывных работ Всесоюзного треста «Гидроспецстрой» Багдасаров в коротком напутствии объявил нам, что едем мы на строительство Нурекской ГЭС, едем первыми, так как стройка пока что только в чертежах проектировщиков, практически работы не ведутся, и нам первым предстоит разбудить вековой покой гор. И вот все мы: Володя Руднев, Вася Моловичко, Володя Лященко, Костя Мичман и я — сидим в кузове грузовой машины, мчащейся по дороге Душанбе — Куляб, и глаз не отрываем от несущейся навстречу дороги, ожидая увидеть за каждым новым поворотом что-то необычное. И необычное действительно возникает: и удивитель-

Кишлак Тут-Каул встретил нас сонной, размеренной жизнью, которая бывает только в далеких горных кишлаках. На что Костя Мичман не преминул заметить, что, видимо, пришло то время, когда поневоле придется «становиться на якорь в заброшенной гавани». Однако мы не были первыми. Всего за два-три дня до нас сюда приехала особая бригада бурильщиков, выражаясь их собственным языком, — «зимогоров».

«Зимогоры» эти активно «осваивались» на новом месте, в основном — в районе местного сельмага. По кишлаку разносилось пьяное хоровое пение, а то и брань, что, естественно, вызвало беспокойство коренных обитателей горного кишлака. Бригадир своего «зимогоры» величали Адмиралом или Нельсоном за некоторое сходство со знаменитым англичанином, поскольку на физиономии его красовалась черная повязка. Он немедленно пришел познакомиться с нами — новичками. Выслушав наш рассказ о себе, он пренебрежительно поморщился, но все же подбодрил. «А ничего, паря! Здесь жить можно, — и, похлопав меня по плечу, добавил: — Водка есть, барашков тоже хватает».

Вечером того же дня к нам в вагончик зашел Николай Алексеевич Бобышев, начальник нашего участка. Обрисовав в общем и целом и без того ясную картину, он сказал, что первостепенная задача — это построить склад для взрывчатки и проложить дорогу к нему. И только после этого можно будет думать о настоящей работе, так как сейчас даже взрывчатку хранить негде. Бобышев также попросил нас не вступать в конфликт с «зимогорами», а постараться найти с ними общий язык. Узнав, что все мы только недавно стали взрывниками и большого опыта, а точнее, просто никакого опыта не имеем, пообещал привезти старого хорошего специалиста.

Началась работа. В первое время было особенно трудно. Сказывалось отсутствие необходимого оборудования, опыта ведения сложных горных работ и мало-мальски налаженного быта. Непросто было работать и с бригадой «зимогоров», которые привыкли трудиться по настроению. Работу они свою знали, но

день выдачи зарплаты был для них роковым. С этого дня все летело кудырко. Бригада дружно начинала «гулять» — с недельным «отрывом от производства». Никакие увещевания и угрозы на них не действовали.

В эти дни Бобышев, седой, усталый, обращался к нам с призывом помочь, и мы, включая двух горных мастеров, впрягались в долгую изнурительную работу. Сами бурили шпуры, проходили шурфы и штольни, и сами их взрывали. Работали дружно, споро, зная, что помощи ждать неоткуда, а давать кубометры породы и погонные метры проходки участок обязан. Эти первые месяцы особенно сдружили нас, взрывников, и старого коммуниста Бобышева, который за свою нелегкую трудовую жизнь успел построить не одну ГЭС на Крайнем Севере и в Сибири, а сейчас в тяжелые первые дни стройки командовал нами, еще не оперившимися юнцами. Это был человек, преданный своему делу до конца, человек, для которого главным являлась его работа и ответственность перед обществом. О себе он говорить не любил, и мы почти ничего не знали о его жизни: была ли у него семья и какие он прошел дороги, что выдержал. Чувствовали только, что на его долю выпали большие испытания.

«Зимогоры» побаивались его. Я сам слышал, как они говорили: «Бобышев весь Север с топором прошел, с ним шутки плохи». Единственным человеком, кого Бобышев из этой бригады выделял и к мнению которого прислушивался, был Адмирал. Частенько вечерами я видел, как они о чем-то беседовали.

Адмирал был очень популярен среди своей разухабистой братни. Он умел буквально все, работал быстро, ловко, точно. Видимо, это и привлекало к нему Бобышева.

В Нуреке возводились дома, у нас в Тут-Кауле открыли столовую, построили баню, клуб. А строители все ехали и ехали! Ехали семьями и в одиночку, ехали целыми бригадами с других строек. Прибывали большие группы молодых специалистов после окончания институтов. Так появилась группа ребят, окончивших Тульский горный институт и ставших впоследствии костяком управления «Гидроспецстрой». Поговаривали, что скоро начнется проходка первого строительного тоннеля. Наш маленький участок разросся, превратился в большой боеспособный коллектив.

А «зимогоры» заскучали. У меня к тому времени установились с Адмиралом очень дружеские отношения. Он отчего-то выделял меня, приглядывался ко мне, даже старался опекать. Скоро «зимогоры» забирались: уезжали на Памир. Адмирал неожиданно предложил мне ехать с ними, но затем, подумав, сказал: «Нет! Пожалуй, не стоит тебе с нами мотаться, оставайся здесь. Здесь — твое настоящее место!..» Та оно и вышло...»

Нурек стремительно набирал темпы. Техники становилось все больше и больше. Парк одной только нурекской автобазы насчитывал около полутора сотен машин! А сколько приходило из Душанбе с грузами! Старый кишлак превратился в огромную строительную площадку.

Весной 1963 года через перевал потянулись уже целые колонны мощных панелевозов, доставлявших в Нурек детали крупнопанельных домов. С тяжелым надсадным ревом ползли в Нурек мощные тягачи. Везли на приземистых стальных платформах узлы невиданных доселе в горах механизмов: огромные четырехкубовые ковши экскаваторов, гусеничные траки, одисекция которых весит до 200 килограммов!

Экскаваторы монтировали на месте. Первый собрали за 20 дней. В Пулисангинском ущелье беспрерывно грохотали взрывы. Разрушались скалы, пробивались в крутых склонах гор участки новой дороги. Экскаваторы убирали в забоях взорванную породу. Впервые в ущелье пронесся рев их сирен. Люди с красными флажками время от времени перекрывали движение, чтобы обеспечить полную безопасность.

Экскаваторы поражали своими размерами. Стальная уральская громадина весом почти в 200 тонн легла на поворотном кольце. Гудят электромоторы, массивные зубья со скрежетом вонзаются в каменное крошево. Еще мгновение — и каменная россыпь поднимается в воздух, окутываясь густым облаком пыли. Задранный вверх ковш резко выделяется на фоне ярко-голубого неба — мощный, сильный, зубастый. Волчья челюсть его распахнулась — и каменный поток летит вниз по склону. Кувыркаются полутонные глыбы, разный ощерившийся камень, с сухим шелестом несется небенная россыпь. Собравшиеся зрители восхищенно ахают. Какое зрелище, какая сила!

Посмотреть на работу экскаватора приходили жители всех окрестных кишлаков. Седобородые аксакалы подходили к чудо-машине поближе. Замирали, раскрыв беззубые рты, громко плакали языками. Конечно, сегодня эти четырехкубовые экскаваторы рядом с новейшими современными машинами выглядят малютками, но тогда они поражали воображение горцев.

Взрывами, шумом ущелье заполнено целыми днями. Лязгает сталь, рокочут перфораторы, по-комариному завывают в этом грохоте буры, высверливающие камень. Из темных зевов минных штолен выбегают, похожие издали на муравьев, люди в ребристых касках, толкая перед собой вагончики, нагруженные породой. Другие тянут по нагромождению камней гибкие темные шланги, рыжие от ржавчины трубы временных водопроводов, лезут на остроугольные каменные выступы с перфораторами в руках. А спустя некоторое время вновь грохочут мощные взрывы.

Ни одна гидростройка не знала еще такого размаха горных работ. Предстояло только тоннелей большого поперечного сечения пройти более 30 километров!

Проходчики били в ущелье не одни только минные штольни. Около строящейся дороги скоро обозначились контуры новой выработки — строился входной портал первого строительного тоннеля. Высота его была около 11 метров. Уже виднелись ребра стальных креплений в разрезе мощного портала, цепь электрических лампочек скрывалась в темной глубине. Оттуда несся тяжелый гул — это работала новая самоходная бурильная установка. Двигалась она на гусеницах, а впереди, точно спаренные стволы зенитных орудий, — острые буры, поддерживаемые мощными направляющими балками. Ревет, гудит, завывает невиданный горный комбайн. А там, внутри, — опять звучат подземные взрывы. Из нутра штольни выныривают мощные самосвалы, везут породу...

Так выглядела стройка со стороны. Но все, что казалось разрозненным, оторванным друг от друга, действующим само по себе, в действительности представляло собой сложнейший, высокоорганизованный механизм. Я понимал, что учеба учебой, но даже инженерный диплом, право на который я завоевывал бессонными ночами и почти круглосуточным бдением во вре-

мя сессий, не даст мне знаний, необходимых для того, чтобы разбираться во всех тонкостях работы механизма стройки. И как же мне, секретарю парткома разговаривать «на равных» с опытнейшими инженерами, руководителями участков и служб, если я даже инженерную терминологию понимаю не вдруг?

Очевидно, ответ нужно было искать и в том, чтобы как можно лучше изучить технологию гидротехнического строительства, и главное — в том, чтобы вовлечь в работу парткома ведущих специалистов и руководителей стройки.

Очень много мне дало деловое общение с первым начальником строительства Нурекской ГЭС, управляющим трестом «Таджикгидрострой» Семеном Константиновичем Калижнюком.

Семен Константинович был ровесником века. В детстве пас скот у графа, потом работал на железной дороге, батрачил. После революции пошел в Красную Армию. Служил в Первой Конной, дрался с белополяками, врангелевцами, с махновскими бандами.

В 1921 году Калижнюк вступил в партию, был командирован в Ленинград, в Военно-полиграфический институт имени Толмачева, после окончания которого его направили на политработу в политотдел Туркестанского фронта.

Политотдел прикомандировал Семена Калижнюка помощником комиссара второго отдельного авиационного отряда, а через год он уже был комиссаром. Работая с боевыми летчиками, он и сам захотел летать. Однако не позволило здоровье. Он сдал на отлично вступительные экзамены в Академию имени Жуковского, но не был зачислен из-за обнаруженной врачами болезни сердца. И тогда Калижнюк принимает решение уйти из рядов Красной Армии. Он поступает на вечернее отделение физико-математического факультета Среднеазиатского университета. Правда, закончить этот факультет ему не пришлось, так как по совету друзей он вскоре перешел на инженерно-мелноративный факультет.

Учеба шла вечерами, а днем была ответственная работа в аппарате Средазбюро ЦК ВКП(б). По решению Бюро через год он был переведен на должность помощника начальника управления строительства изысканий и проектирования в Чирчик-Ангрес

ском бассейне «Упрочан». С этих пор Калижнюк становится профессиональным строителем. Руководит многими крупными гидротехническими стройками всей Средней Азии, и не только Средней Азии. У него завидный послужной список. В двадцать девять лет он — начальник строительства Саванского канала в Узбекистане, в тридцать — начальник строительства Дальверзинского канала. Параллельно с узбекской стройкой началось сооружение другого водохозяйственного объекта — знаменитого «Вахшстрой». Как хорошо зарекомендовавшего себя специалиста Семена Константиновича переводят из Узбекистана в соседнюю республику — Таджикистан. Здесь он занимает сначала должность начальника участка, а затем заместителя начальника строительства, командует всеми механизмами.

Позже я узнал, что Калижнюк был прототипом одного из героев романа Бруно Ясенского «Человек меняет кожу». Автор писал этот роман, когда жил на квартире у Семена Константиновича во время строительства канала.

После окончания строительства Вахшского оросительного канала Калижнюка отзывают в Москву и назначают начальником экскаваторного треста Наркомзема СССР.

В первые же дни Великой Отечественной войны Семен Константинович уходит на фронт. В 1942 году Государственный Комитет Оборона отзывает с фронтов специалистов, в числе их оказывается и Калижнюк. Он едет строить Северный Ташкентский канал, а затем занимается сооружением Нижне-Байсуинских гидроэлектростанций. В 1945 году за успешное строительство первой станции каскада он награждается высшей наградой Родины — орденом Ленина.

Затем были Красно-Полянская гидроэлектростанция в Краснодарском крае, Иркутская ГЭС. В сентябре 1950 года по решению Центрального Комитета партии Калижнюк становится начальником строительства Главного Туркменского канала. За три года работы на этом посту еще ярче раскрылись его организаторские способности. В условиях жаркого, почти тропического климата в безжизненной пустыне Каракум велось это грандиозное строительство. И нужна была железная воля и полная отдача всех сил, чтобы организовать

работу десятков тысяч людей, тысяч разнообразных машин и механизмов. За строительство Каракумского канала Семен Константинович Калижнюк был удостоен Ленинской премии.

К сожалению, мне недолго пришлось работать с этим человеком. Сказались на его здоровье все перенесенные лишения, и Калижнюк вынужден был оставить работу. Однако и за короткое время нашего сотрудничества я многому у него научился. Поражала его работоспособность и требовательность к себе и другим. Его трудно было застать дома в выходные дни и даже в праздники. Он не терпел неточности в решениях, всегда они были конкретны и нередко поражали новизной и смелостью. Он был строг, но за строгостью его всегда стояли справедливость, любовь к труду и беспокойство за дело. Он был душевным, мягким человеком, но яростно ненавидел лодырей, хапуг, пьяниц и лжеспециалистов, которые свое безделье или неумение объясняют обычно объективными причинами. Он разоблачал таких людей, не взирая на лица, не раз за свою жизнь страдал от этого, но никогда не шел на компромисс со своей совестью. Я благодарен судьбе за то, что она свела меня с таким человеком. Своим участием, конкретной помощью и советом Семен Константинович помог укреплению авторитета парткома среди инженеров-гидростроителей.

В конце 1962 года, когда из-за болезни Калижнюк был отозван в Москву, в Нурек приехал новый начальник стройки — Константин Владимирович Севенард. С первой же встречи на меня он произвел самое благоприятное впечатление. По всему чувствовалось, что это волевой, эрудированный инженер. Позднее он сам рассказывал, как состоялось его назначение в Нурек.

— Я работал на строительстве Плявиньской ГЭС под Ригой. Мне там очень нравилось — прекрасное место, хороший коллектив. Думал, ну вот, закончу стройку и там на берегу моря осяду, буду писать труды, воспоминания. Короче говоря, на покой! И вдруг вызывают меня и говорят: Константин Владимирович, в Нурек надо ехать. Да что вы, говорю, мне уж 57! Бросьте, говорят, разве скажешь, что вам скоро на пенсию? А я действительно спортом занимался всегда и возраста своего как-то не ощущал. Поехал знакомиться с Нуреком. Честно говоря, от той площадки

которую нашел, впечатление было неважное. Пригласил меня потом Джабар Расулович Расулов, обменялись мнениями. Я ему откровенно сказал, что сама стройка, идея, размах меня очень заинтересовали, но вряд ли сил, говорю, хватит поднять ее. Он как-то с улыбочкой сказал: да, трудно, конечно, трудно вам будет — все-таки 57! На том и расстались. Приезжаю в Москву, иду в министерство к Петру Степановичу Непорожному. Поговорили о стройке, я еще раз посетовал — староват, не подхожу. Что вы, улыбается министр, уже был звонок Расулова в ЦК. Наставляет на вашей кандидатуре. Удивлен, как вы еще крепки, полны сил и энергии. Другого, говорит, и не надо...

Как только Севенард приехал в Душанбе — а управление стройкой тогда еще располагалось там, — он позвонил мне, договорились увидеться. И вот наша встреча состоялась. Беседовали мы с ним долго. Константин Владимирович принадлежит к разряду людей, которых называют удивительными собеседниками. У него редкая способность говорить о самых сложных вещах ярко и увлекательно. Таков был его рассказ и о нашей будущей гидростанции. За короткое время он успел очень подробно ознакомиться с ходом строительства. Константин Владимирович сказал мне, что думает проревизовать весь проект гидростанции, так как из беглого знакомства с техническим заданием и проектом чувствует, что многое в нем упущено.

Вскоре мы поехали с ним по городу, заглянули в кишлак Диссабур, где было заложено пять двухэтажных деревянных домов и три одноэтажных барака под общежития. Впоследствии у нас с ним было немало споров по поводу строительства таких вот временных деревянных сооружений.

Дело в том, что, на наш взгляд — я имею в виду прежде всего партком, а позже бюро горкома партии Нурека, исполком горсовета, дирекцию строящегося объекта, — возведение щитовых деревянных зданий в условиях жаркого климата Нурека было решением неправильным, просто ошибочным. Кроме того, уже тогда было ясно, что строительство Нурекской ГЭС продлится немало лет и решать градостроительные проблемы нужно в комплексе. Деревянные дома — сооружения пониженной капитальности, плохой планировки, в них и ванны не предусмотрены, кухоньки ма-

ленские. Это уже в первые дни вышло из строя, и
 стие живущих в них людей. В этих домах невозможно
 было уберечься от безжалостных в Таджикистане
 солнечных лучей. А главное — надо было думать о
 будущем, о том, что же мы оставим после себя в Ну
 реке.

В то время такое положение складывалось и
 только в Нуреке, но и на многих других крупных строи
 тельных объектах при строительстве горно-облагодот
 как страны. Сегодня при строительстве горно-облагодот
 внимания уделяется вопросам разрешения социальных
 проблем. При сооружении крупных заводов или гидро
 технических объектов главной считается прежде всего
 работа о создании нормальных условий для людей
 Строится дома, детские сады, магазины, клубы
 Дома культуры, кинотеатры и целые комплексы от
 дыха для молодежи, и все это иногда даже с опере
 жением основного фронта работ. И это правильно
 ведь нужно добиваться того, чтобы человек мог и
 только с максимальными удобствами трудиться
 период самой стройки, но чтобы он и закрепился в
 на новом месте, стал работником постоянного объекта
 или города. Нужно, чтобы приезжающие сразу видели
 что уже создано или создается все необходимое для
 высокопроизводительного труда, благоустроенной жи
 ни. Хорошие условия для людей — это и залог пове
 шения квалификации, роста производительности тру
 да, создания здорового микроклимата, товарнищеско
 атмосферы в коллективе.

В начале 60-х годов не то чтобы хозяйственные
 руководители этого не понимали — нет, по-человече
 ски, что называется, они все очень хорошо понимали
 по на их решения оказывал сильное влияние существо
 вавший поряток, по которому главным считалось про
 мышленное строительство, а весь так называемый соци
 альный при подведении итогов работы практически
 не принимался в расчет. Так что наши разногласия
 К. В. Севенардом окончательно разрешило только
 время.

Через три года после приезда на строительство
 Константина Владимировича Севенарда его на посту
 начальника стройки сменил Егор Кузьмич Сельх, ко
 торый проработал на этом ответственном посту три
 года, а его сменил сын К. В. Севенарда Юрий Константи
 нович. Вот как рассказывает об этой «династии»

гидростроителей журналистка Л. Коробова, близко знавшая и отца, и сына:

«...В 1966 году начальника строительства Нурекской ГЭС К. В. Севенарда проводили на пенсию. Отвечая на благодарственные слова министра, Константин Владимирович сказал: «Я чувствую в себе достаточно сил и знаний, чтобы еще не один год послужить Отечеству». Именно так: «Послужить Отечеству».

Он решительно отказался от квартиры в Подмосковье, продолжал жить в маленьком Орджоникидзеабаде, полукишлаке-полугороде, расположенном между Душанбе и Нуреком. Все на стройке думали, что уж теперь-то, сняв с себя бремя ежедневных забот, в стороне от шумного Нурека, Севенард займется наконец диссертацией, о которой подумывал уже давно: материала-то у него хватило бы на несколько! Но вроде бы совершенно неожиданно Константин Владимирович вновь пошел на службу — стал руководителем проектно-конструкторского бюро. Неожиданно? Да нет, не совсем. Не тот человек Севенард, чтоб довольствоваться книжным делом, обобщением опыта. Его всегда тянуло в самую гущу жизни, туда, где крутой разворот событий, где дело живое, не бумажное.

Я встречалась со многими начальниками строительства. Но Севенард не походил ни на кого из них. Разные люди бывали на многочисленных стройках, возглавляемых им, — в Сибири, Прибалтике, Средней Азии. С разными целями приезжали эти люди в неведомые края. Кто по велению разума, сердца, а кто и за длинным рублем. Порой они вели себя шумно, напористо, без стука врывались в кабинет начальника, кричали, требовали. А Константин Владимирович любого терпеливо выслушивал, объяснял, убеждал, доказывал, но никогда не унижал человеческого достоинства, никогда не произносил резких, обидных слов. И в Нуреке мы, молодежь, приехавшая на ударную комсомольскую стройку после институтов, тянулись к Севенарду. Он привлекал не только внимательностью к людям, пониманием их нужд, беззаветной преданностью делу. С ним всегда было интересно, знал он досконально и дела строительные, и дела литературные.

И все же... И все же нужно было немалое мужество, чтобы вот так, после руководства знаменитой

стройкой, добровольно перейти в маленькую безвестную контору. Но уж чего-чего, а мужества Севенарду не занимать.

Жизнь инженера Севенарда начиналась на Алтае. Там он строил небольшие гидроэлектростанции, а потом были Горьковская, Красноярская, Плявиньская. Нурекская ГЭС началась для Константина Владимировича жаркими спорами с проектировщиками, потому что здесь, на берегах Вахша, самым распространенным словом было «впервые».

О гидроэлектростанции спорили много: пугала высота плотины — 300 метров, да еще в опасной сейсмической зоне! Нурекскую плотину — самую сложную и спорную часть сооружения — сначала думали возводить каменно-набросной. Севенард отстаивал преимущества галечника, которого много вокруг стройки. Тогда проектировщики предложили возвести ядро плотины из лангарского суглинка, Севенард предложил суглинок сафедобокий, он более прочен и расположен поближе.

Как-то у одного итальянского специалиста по высотным плотинам спросили:

— Что вы думаете о Нурекской плотине, которая будет возводиться не из бетона, а из местных грунтов?

Итальянец покачал головой, задумался и неуверенно ответил:

— Попробуйте...

В самом деле, нужно было пробовать — такой высокой плотины ни в одной стране еще не создавали. Вот и пробовали: многокилометровые тоннели вспарывали тело горы, давая иной путь реке. В нескольких километрах от Нурека построили миниатюрную плотину и подвергли ее искусственному землетрясению. Выдержала.

В те дни, возвращаясь как-то вместе с Севенардом с испытательного полигона, я заметила, что у него очень хорошее настроение. Не помню теперь почему, но разговор у нас зашел о Брехте. Оказывается, Константи́н Владимирович любит его и, приезжая в Москву, не пропускает ни одного брехтовского спектакля.

— Запомнились мне слова Брехта, — негромко сказал Севенард. — Вероятно, я процитирую неточно, но смысл таков: мечтаю о времени, когда справедливость станет страстью. Прекрасно сказано!

И я подумала: да ведь это же про самого Севенарда! Для него справедливость всегда была страстью. Это, пожалуй, главная черта его характера. Уж если он что посчитал справедливым, то борется за это со всей страстью души, не идя ни на какие уступки. Так было и с Нурекской стройкой. Константин Владимирович обсуждал с инженерами каждый проект, яростно спорил с его авторами, наживал врагов, но на компромиссы не шел, не уступал ни на йоту.

Перекрывать Вахш Севенард предложил взрывом, хотя проектировщики выступали против этой идеи. Но Константин Владимирович упорно твердил: именно взрыв — самый экономичный и быстрый способ.

Разве перечислишь все его поправки к проекту? Высшую оценку им дали действующие ныне агрегаты гидроэлектростанции. Но, кроме гидроузла, был еще растущий город. А с начальника строительства спрашивали за все: за тоннели и простаивающие экскаваторы, за школы и детские сады. Да-да, и за них тоже.

Досталось в свое время Севенарду за пионерский лагерь «Горная сказка»! Начальника обвиняли в легкомыслии и расточительстве: подумать только, специально для детей строить мост через Кафирниган. Зачем? И мост не нужен, и в лагере можно обойтись временками да палатками... Вот он стоит, красавец мост, и ребята бегут по нему вверх, в горы, к заповеднику Ромит. На зеленых склонах виднеются маленькие коттеджи лагеря, словно теремки из сказки...

Зная о сложных взаимоотношениях между проектными и строительными организациями, я спросила однажды у Севенарда, в чем их суть. Речь зашла о роли главного инженера стройки.

— Главный инженер, как мне думается, обязан участвовать в создании объекта начиная с технического обоснования и изыскания. На всех стадиях разработки он должен влиять на ход проекта. Я давно заметил: если строитель прочувствовал суть проекта, согласен с нею, он гораздо лучше выполнит эту идею...

— Какая из строек запомнилась вам больше других? — спросила я как-то, ожидая, что он назовет Нурекскую.

— Горьковская, — неожиданно ответил Севенард. И, заметив мое удивление, повторил: — Да, Горьковская, на Волге. Там мы первыми из отечественных гидростроителей замораживали грунты. Станция возводилась на пльвунах. Сами разработали теорию замораживания, сами и применили ее... Памятна Горьковская и тем, что это была моя первая крупная стройка, и тем, что коллектив подобрался хороший.

С берегов Волги жизнь забросила Севенарда в холодный край, на Енисей, — он стал главным инженером строительства Красноярской ГЭС. 1958 год был тяжелым для стройки, ходили слухи, что вот-вот сооружение законсервируют. И в том, что этого не произошло, есть доля заслуги главного инженера.

Он всегда и во всем был принципиален и смел, инженер Севенард. Получив диплом, приехал на Алтай и вскоре вместе с товарищами отправился в Москву доказывать возможность и необходимость Ульбинской ГЭС: ее проект забраковали. Молодые инженеры с Алтая убедили специалистов, что в алтайских горах можно и нужно создавать целый каскад небольших ГЭС...

Достроить Красноярскую ГЭС Севенарду не удалось: его направили на Плявиньскую электростанцию начальником строительства. В те же дни его сын Юрий, окончив Московский инженерно-строительный институт, улетел в Дивногорск, на берега Енисея, и там продолжал дело отца. Сначала был прорабом, а затем начальником участка основных сооружений. Может быть, хорошо, что отец и сын работали на разных стройках, по крайней мере им было о чем рассказывать друг другу и о чем спорить. Младший Севенард работал на строительстве Красноярской ГЭС восемь лет, потом его послали в Египет — возводить Асуанскую плотину. А после этого в руки сына передали Нурекскую ГЭС.

Некоторые тревожились: справится ли, больно уж молод, а комплекс-то уникальный. К тому же Нурек переходил на повышенные темпы — до пуска первого агрегата оставалось два года. Надо же, именно в столь ответственный период прислали из Москвы молодого начальника!

В те напряженные дни первым другом и помощником Юрия был отец. Константин Владимирович переселился из Орджоникидзеабада в Нурек и начинал

свой рабочий день не в управлении, а в здании гидроэлектростанции, куда уже прибыли для монтажа шаровые затворы из Харькова.

Не раз отцу приписывали смелые инженерные решения сына. Позднее, когда первый агрегат уже давал ток, я спросила Юрия Константиновича:

— В чем заключалась помощь отца? Сказывалась ли она на ваших решениях?

Юрий наморщил большой лоб, вскинул мягкие, карие, совсем отцовские глаза:

— Разумеется, присутствие отца придавало мне уверенность. Но я все решал самостоятельно...

Да, самостоятельно! Это у него тоже от Северарда-старшего. Как иногда яростно спорили отец и сын! Юрий не желал принимать рекомендации Константина Владимировича, шел своим путем, спотыкался, получал выговоры, но оставался верен себе. Отца не обманешь, он щадил самолюбие сына и говорил деликатно, примерно так:

— А не кажется ли тебе, что если такими темпами отсыпать плотину, то она достигнет проектной отметки только через много лет? Под угрозой пуск остальных агрегатов.

— Очень даже кажется,— сердито отвечал сын и, взбудораженный, мерил шагами кабинет.

Отец, плотно усевшись в кресло, не поворачивая головы, продолжал:

— Почему бы всерьез не заняться контейнерно-пневматической линией? Переговоры с Москвой идут у вас больше года.

— Пробиваем линию,— оправдывался сын.— Позарез она нам нужна. Экономию большую даст, мы подсчитали: тринадцать миллионов рублей!

— Да,— вздохнул отец,— экономический эффект подсчитать легче, чем линию строить.

Я присутствовала при том разговоре, но не задавала вопросов, мне казалось, что они меня не замечали. Я сидела молча и вспоминала то время, когда начальник строительства Нурекской ГЭС Северард-старший воевал с проектировщиками...

— Хочется строить разумно,— говорил Юрий Константинович.— С нас много спрашивают, а самостоятельности у нас никакой, стройка целиком зависит от треста...

Время шло, дни, но отказа анонимные самьяи
 различных работами, так и мелькали. Иногда отча-
 вание охватывало от ощущения своего бессилия — до
 стольких важных дел никак не доходят руки! Но по-
 степенно парком набрав силы, обретаю надежные
 актином. Без актина мы были бессильны; что может
 сделать на огромной, многотысячной стройке партии
 ный комитет, весь штат которого состоит всего из
 двух ответственных работников и технического серве-
 тара! Да и двух-то работников поначалу не было; не-
 задало же моего приезда в Нурек сортушки парто-
 ма перебежал в Душанбе. Не сразу удалось мне найти
 ей замену, но все же удалось — небезопасно в Нурек
 для соратника секретаря Душанбинского горкома партии
 Бахмудзо Шукроров, с которым мы вместе когды-то ра-
 ботали в Ташкенте.

Бахмудзо пошел и впрямь в горном киндзаке, дано
 ямшился похотел, жмы трышно. После широкой посты-
 ны и гигантской техники и успешно его окончил.
 По напариванию ЦК Комсомола беспыбушки поехали в
 Ленинград провозжкать уяебу, был записан на торпе-

септаны?»

— Зачем? Разве мои стройки знают меньше дис-

на мой вопрос он ответил вопросом:

уже заштыри? — спросила я.

— А вы диссептаны скоро будете записывать или

к каждой из них причастен Севенард?»

уже заштыри около тридцати диссептаний. И почти

женер треста «Таджиккингинженерстрой» Всеволод

Давидов говорит: «На материялах Нурекской ГЭС

И тут вспомнилась мне, как год назад главный ин-

статья в журнале...

Даже телефонно иногда смотрю. Оубайкирова две

новато рассказывает Константин Владимирович.—

только не задерживают в Нуреке или тресте,— густ-

— Домой теперь прихожу вовремя. Как все, если

вет и работает в Орджоникидзаводе.

А что же Севенард-старший? Он по-прежнему жи-

же, та же анкара.
 этот молодой высокий человек. Но вель у него, похо-
 Владимирович руководит сложным комплексом, в вот
 принакинуть к тому, что теперь уже не Константин

И слышал Севенард-младшего и никак не могла

дический факультет. Юристом он, однако, не стал, пошел на партийную работу. Строительное дело для него было совершенно незнакомым. Спустя много лет с успехом вспоминал, что поначалу никак не мог уяснить себе разницу между двумя важными строительными терминами: створ (расположение плотины) и раствор.

Баймирзо приехал в самую горячую пору: необходимо было налаживать быт людей, приближалась зима, хотя и не особенно суровая в этих краях, но все же — зима. Нужны были тысячи кубометров дров, сотни тонн угля — топлива нурекчанам всегда недоставало. Были перебои со снабжением питьевой водой, полкустарная пекарня не обеспечивала население хлебом, все больше приезжало строителей с детьми, а в школах и детских садах не хватало для них мест. Из-за сильных снегопадов на перевале часто срывалось движение автотранспорта, доставлявшего в Нурек продукты, строительные и горюче-смазочные материалы. Комсомольцы построили ДЭС, но дизели были еще дореволюционного образца и нередко выходили из строя, а запасные части к ним достать было почти невозможно. Нужно было организовывать планомерную воспитательную работу в бригадах, на участках, в общежитиях.

Но прежде всего надо было как можно скорее побывать во всех первичных партийных организациях, познакомиться поближе с секретарями, с активом. В то время хотя и медленно, но партийные организации строительных участков, городских учреждений росли. А это означало, что, помимо всего прочего, надо было проявлять заботу об учебе молодых коммунистов, не имеющих партийной закалки. Уже тогда у нас родился замысел составить перспективный план организационно-партийной и партийно-политической работы. К этому решению, как выяснилось позже, мы пришли одновременно с партийными организациями Ленинграда, которые тоже начали переходить на перспективное планирование.

Работа в парткоме налаживалась благодаря дружным, общим усилиям. Секретари в первичных партийных организациях оказались в основном людьми, не имеющими опыта партийной работы. Пришлось провести серию семинаров с секретарями, с их замести-

телями, с председателями комиссий по контролю за деятельностью администрации строительных подразделений, промышленных предприятий, быта, торговли. Постоянной заботы требовала организация учебы коммунистов в кружках политического просвещения, а сотен беспартийных — в школах коммунистического труда, в кружках по экономике. В этом нам помогли коммунисты старшего поколения. Хорошо зарекомендовал себя в организации политического воспитания начальник отдела кадров строительного управления плотины Таисия Герасимовна Гамаюнова, юрист Михаил Степанович Часовских, прокурор города Нурека Давлят Боязович Абдул-заде, главный инженер строительства Николай Григорьевич Савченков, впоследствии управляющий трестом «Таджикгидроэнергострой», а ныне начальник строительства Рогунской ГЭС.

Неоценимую помощь в подготовке пропагандистских кадров оказал нам Душанбинский горком партии. С его помощью в 1962 году мы создали в Нуреке университет марксизма-ленинизма, который выпустил за время строительства сотни подготовленных руководителей кружков партийного и комсомольского просвещения, политлекторов и докладчиков. Нельзя здесь не вспомнить и об ученых Таджикистана, таких, как президент Академии наук республики, член-корреспондент Академии наук СССР Мухамед Сайфутдинович Асимов, академики Соли Ашурович Раджабов, Рауф Баратович Баратов, профессор Аблакул Базарович Базаров, и многих других, они регулярно приезжали в Нурек и читали лекции и доклады перед рабочими, занимающимися в университете марксизма-ленинизма.

Одним из самых активных помощников в партийной работе был Марк Леонидович Луньков, бессменный член парткома, а затем и Нурекского горкома партии. Луньков прекрасно знал стройку, людей, работавших на ней, обладал удивительным умением сходить с самыми разными людьми. Его коренастую фигуру можно было видеть повсюду: на плотине, в тоннелях, на стадионе, в школах. Марку Леонидовичу парткомом зачастую поручались самые сложные, порой очень деликатные дела, и он всегда справлялся с полученными заданиями.

Однажды из-за нерадивости линейных инженеров управления промышленного и гражданского строи-

тельства в Нуреке неправильно заложили отметки по укладке теплотрассы. Пришлось создавать комиссию из специалистов во главе с Луньковым, чтобы во всем тщательно разобраться, наказать виновников и исправить брак. Эта работа, надо сказать, требовала труда и терпения и, помимо всего прочего, большого мужества и принципиальности. Брак оказался большим. Почти 700 погонных метров теплотрассы пришлось заново переделывать перед самым отопительным сезоном.

Позже, когда партком был преобразован в Нурекский горком партии, к нам стали поступать сведения, что в управлении «Гидроспецстрой», где был начальником вообще-то весьма опытный инженер, дела идут плохо, управление лихорадит. Все усложнялось еще и тем, что «Гидроспецстрой» являлся самым крупным субподрядным подразделением стройки. Он занимался строительством всего подземного комплекса, в его ведении находились также все открытые буровзрывные работы. И вдруг мы узнаем, что полтора десятка молодых специалистов-инженеров решили расстаться с управлением, а некоторые уже уехали со стройки. Пришлось вновь создавать комиссию и опять под председательством Лунькова, ибо мы верили, что он сможет объективно разобраться во всем. Комиссия провела большую работу и доложила бюро горкома свои выводы.

Я лично относился с уважением к опыту и знаниям начальника управления «Гидроспецстрой». Но факты, как говорится, упрямая вещь, а комиссией было точно установлено, что он был зачастую груб и бестактен с подчиненными, порой просто-напросто игнорировал мнение своих коллег-инженеров, нередко оскорблял их на «планерках». Крутой нрав начальника столь важного управления был нам, в общем-то, известен, и мы не раз с ним беседовали на бюро. Работал он как вол, от зари до зари, толковый был инженер, но вот не мог сдерживать себя. Пришлось с ним распрощаться.

Активное и умелое вмешательство партийного комитета в самые насущные дела стройки привлекало к нам все новых и новых людей. Росту авторитета парткома способствовало и то, что членами бюро парткома были избраны люди принципиальные, отдающие

стройке все свое время и знания. Одним из них был председатель объединенного стройкома строительства Сафар Ниязов.

Сафар Ниязов был прирожденным профсоюзным работником. До Нурека он несколько лет возглавлял республиканский комитет профсоюза работников автотранспорта, шоссейных дорог и связи. Работу свою знал великолепно. Я не раз поражался тому, как он умудряется удерживать в памяти все многочисленные постановления, инструкции ВЦСПС и Совпрофа, положения трудового законодательства. Большой опыт и находчивость всегда помогали ему отыскать решение самых трудных проблем: в те нелегкие годы начала строительства он умел, например, организовать совместно с отделом народного образования горисполкома отдых и летний быт ребятишек, съехавшихся на стройку с родителями со всего Союза. Непокосимым он был и в вопросах соблюдения законодательства о труде, а ведь начало любой стройки обычно связано с большим количеством сверхурочных работ. Хорошо известно, что иные руководители подразделений в целях выполнения плановых заданий зачастую просто злоупотребляют этим.

Впоследствии С. Н. Ниязов более шести лет был директором Орджоникидзеабадского домостроительного комбината, поставил это предприятие «на ноги», а сейчас он — заместитель управляющего трестом «Таджикгидроэнергострой».

Большую помощь оказывал парткому и Шамсулло Юсупович Юсупов, заместитель начальника строительства по вопросам быта, торговли и материально-технического обеспечения. До Нурека он долгое время был на ответственной партийной работе. Познакомились мы с ним в Нуреке. Он позвонил мне дня через два после моего приезда и пригласил к себе.

Встретил меня представительный мужчина, лет пятидесяти, в ладно сидящем костюме, в белоснежной сорочке. И это в наших-то, нурекских условиях! «Франт, да и только», — решил я про себя.

Вошли в кабинет — осмотрелся. Кабинет как кабинет, только в углу лежит аккуратно свернутая постель, а рядом — раскладушка. Перехватив мой удивленный взгляд, Шамсулло Юсупович объяснил: здесь он работает и живет.

Я не могу не упомянуть и замечательного коммуниста и скромного человека, начальника отдела труда и заработной платы Бориса Ильича Шехтмана.

В первые годы строительства этот отдел играл огромную роль в создании устойчивого работоспособного коллектива. Возникали ежедневно десятки вопросов, связанных с нормированием и оплатой труда, и Борису Ильичу приходилось их решать, что он и делал очень успешно. Несмотря на большую занятость, Шехтман многие годы возглавлял партийную организацию штаба строительства — управления, добросовестно выполнял многочисленные поручения парткома и бюро горкома партии.

Конечно же, вся наша партийная деятельность была неразрывно связана с производственными делами. Главная точка приложения партийных сил — это производство, и воздействовать на него партийная организация может только через свои низовые звенья. В условиях разворачивающейся стройки на первом месте стояла проблема кадров. Вернее, проблема текучести кадров. Как с ней бороться?..

Уже на одном из первых заседаний парткома после долгих споров и обсуждений мы пришли к выводу: нужно готовить кадры самим. Решение, казалось бы, парадоксальное: всесоюзная стройка, известная всей стране, — неужели нет притока специалистов? Как правило, отделы кадров ударных строек буквально засыпаны предложениями!

Предложений и у нас было много, и множество людей стремилось на стройку. Но, во-первых, многие опытные специалисты не задерживались, так как мы не могли предоставить им и их семьям квартир. А молодежь была, в основном, без специальностей: ее нужно было учить.

Вскоре, в апреле 1963 года, пленум ЦК Компартии Таджикистана рассмотрел вопрос о задачах республиканской партийной организации в строительстве Нурекской ГЭС и определил генеральную линию нашей кадровой политики. Не где-нибудь, а в Таджикистане создается Нурекская ГЭС, так кому же, как не таджикам ее строить? На этом же пленуме первым секретарем ЦК Компартии Таджикистана това-

рищем Расуловым Д. Р. был выдвинут лозунг: «Строительство Нурекской ГЭС — дело всего таджикского народа!»

Уже с первых дней строительства в Нурек стали приходить люди из близлежащих горных кишлаков. В кишлаках было много мужчин, которым в маленьких горных колхозах не хватало работы. Но вся беда была в том, что по своим навыкам, по своей психологии это были дехкане, люди крестьянского труда. Надо было помочь им преодолеть робость перед мощной техникой, неуверенность в своих силах, научить их русскому языку.

Еще в конце 1962 года мы открыли учебный комбинат, в котором вчерашние животноводы, садоводы, табаководы Таджикистана стали учиться на каменщиков, штукатуров, взрывников, проходчиков, механизаторов широкого профиля. За парты этого необычного в здешних краях учебного заведения в первые же месяцы село более 300 человек.

Трудность состояла и в том, что первые преподаватели нашего комбината — рабочие, инженеры и техники, среди которых были русские, украинцы, представители других национальностей, — не знали таджикского языка. Поэтому обучение пришлось вести с помощью добровольцев-переводчиков. Их мы с огромным трудом выискивали на стройке. Вскоре ЦК Компартии Таджикистана по просьбе парткома начал присылать на стройку опытных инженерно-технических работников-таджиков, которые и составили со временем основу преподавательского коллектива комбината.

За годы строительства Нурекской ГЭС из местных жителей были подготовлены сотни специалистов различного профиля, многие из которых ныне трудятся на стройке Рогунской ГЭС.

Работа по созданию и закреплению кадров развернулась и в самих бригадах, на различных участках. Вспоминается такой пример. Комсомолец-строитель Василий Дегтярев набрал в свою бригаду коренных нурекчан, не имеющих специальности. Приятели его предупреждали:

— Гляди, Вася! Оскандалишься.

— Ничего, ребята. Все путем будет, — отвечал Василий.

Оказалось, что Дегтярев немного знал таджикский и со своими подручными разговаривал на их родном языке. Он обучал ребят профессии бетонщика, воспитывал в них качества, присущие современному рабочему человеку, и вскоре бригада его стала одной из лучших на стройке.

Еще Семен Константинович Калижнюк придавал большое значение привлечению на стройку высококвалифицированных специалистов. Особенно нужны были машинисты уральских скальных экскаваторов ЭКГ-4,6 с емкостью ковша в 4,6 и 5 кубометров, имеющих высокую производительность труда. Это машина-гигант общим весом свыше 200 тонн, работающая под напряжением в 6 тысяч вольт на одиннадцати электродвигателях. Она очень сложная. Калижнюк собирал машинистов со всех крупных строек страны, прося массу изобретательности для того, чтобы заполнить их. В Нурек приехали многие прославленные мастера своего дела: Леонид Самойлов, Прохор Полосухин, Николай Кольченко, Виктор Подменов, Раимжан Шарипов, Владимир Постников. Из соседней Дангары в Нурек приехал прославленный машинист Таджикистана Нисор Нигматов. Именно они собирали первые экскаваторы, доставленные по частям в Нурек в сложных условиях горных дорог, опробовали их на строительстве, они же первыми начали готовить себе учеников.

Леонид Николаевич Самойлов как-то заметил молоденького стеснительного паренька, устроившегося работать сторожем его экскаватора. Это был Абдулло Саидов, только-только расставшийся с родным кишлаком, находящимся высоко в горах. Самойлов разговорился с ним и выяснил, что Абдулло специально пошел в сторожа, чтобы быть поближе к машине, которая поразила его воображение. Леонид Николаевич взял Саидова к себе в ученики, а ныне Абдулло Саидов сам уже старший экскаваторщик, имеет учеников, пользуется большим уважением нурекчан, награжден высокими правительственными наградами за свой самоотверженный труд.

Надо сказать, что Леонид Николаевич Самойлов — личность удивительная. Он мастер на все руки. Освоил профессию краснодеревщика. Садовод-любитель. У нас в Нурекке одним из первых на голом пустыре

посадил фруктовый сад, а через несколько лет собрал там обильные урожаи винограда, гранатов, яблок, груш. Потом увлекся цветоводством. Сад Леонида Николаевича и сегодня гордость города.

Интересно сложилась судьба Нисора Нигматова. До Нурека он с тяжелыми экскаваторами дела не имел, работал на малых с емкостью ковша от 0,4 до 1 кубометра. Непривычно и страшновато было ему садиться за рычаги такой мощной машины, как «Уралец». Долго примеривался, прежде чем решиться. Помогли русские товарищи-машинисты. Заботливо, терпеливо обучали они его управлению экскаватором-гигантом. По характеру очень добросовестный, сердечный, исключительно трудолюбивый человек, Нисор Нигматов быстро освоился на новой машине, и год через два о нем заговорила вся стройка. Коммунисты оказали ему большую честь — избрали делегатом сначала на XVI съезд Компартии Таджикистана, а затем — на XXIII съезд КПСС. Как передовика производства его позднее направили учиться в Ташкентскую высшую партийную школу. Закончив ее, он трудился на посту председателя Пулисангинского кишлачного совета в Нуреке, а теперь он заместитель начальника управления по механизации в Рогуне.

Немало проблем предстояло решить и в связи с организацией на стройке базы тяжелых машин, или БТМ, как она сокращенно называлась. Нурек с первых дней начал получать МАЗ-525, а затем самосвалы БелАЗ-540 — машины-великаны грузоподъемностью до 27 тонн. По сравнению с этим гигантом — теперь все это знают, не раз видели на экранах телевизоров в репортажах со строек, — «Волга М-24» выглядит малюткой, едва вровень с колесами мощного самосвала БелАЗы к нам поступали, а вот в водителях стройки ощущала острый недостаток. Из-за этого многие машины простаивали. Партком и руководство строителей пробовали решить эту проблему, приглашая водителей с других строек. Приезжало их немало, но текучесть по-прежнему была высокой: кому-то не подошел климат, кто-то своевременно квартиру не получил. В год из 400—500 водителей, которые у нас были по штату, одна треть покидала стройку. Бились мы над этим долго. Посылали «ходовков» на строй-

ны, собирали местных водителей, проводили с ними беседы.

Решили мы и на этот раз основную ставку сделать на местные кадры. Однако дело пошло не сразу. Молодые ребята-таджики вначале робели перед машинами. Собрали мы их в горькоме партии, повели разговор, а они отмалчиваются,жимают плечами. Остались единицы, а нам было нужно человек 80—100 сразу, не меньше. Пригласили тогда на совет опытных «белазистов», водителей-асов, со стажем, таких, как А. Дудлин, И. Азбутов, Т. Калонов.

Туйчибой Калонов, узбек по национальности, проработал на машинах этого типа много лет, был опытным и смелым водителем. А это здесь необходимо, потому что профиль нурекских дорог весьма сложен. Крутизна подъема иной раз доходит до 8—10 градусов, а чуть в сторону — пропасть, куда и заглянуть-то страшно. Собственный вес самосвала около 27 тонн, с грузом — в 2 раза больше. Сиденье водителя возвышается над землей более чем на два метра, техническая скорость — 45 километров в час. Машина сложная, требует большого навыка в вождении. Сядешь на такую, даже имея опыт вождения, и с непривычки чувствуешь себя не очень-то уютно.

— Ведь как у нас повелось,— говорил нам Калонов.— Кончил новичок шоферские курсы, и его сразу же сажают на машину. Водителей не хватает, вот и рискуют. Чаще всего самосвал достается ему старый, разболтанный, который постоянно требует ремонта. Так и уходят из водителей. Что касается ребят-таджиков, впервые в жизни увидевших такую машину, то они просто боятся ее. Тут нужна сила примера!

Так мы и решили: вначале нужно выделить из молодых таджиков смельчака, пример которого мог бы увлечь и других. У нас в то время в Нуреке председателем городского комитета по физкультуре и спорту работал Бовбон Миров, молодой, горячий парень, заядлый спортсмен. Решил я с ним переговорить. Все красноречие свое употребил, чтобы уговорить парня сесть на БелАЗ.

Удалось. Бовбон пошел на курсы. Окончил их и начал работать. Вскоре он стал одним из лучших водителей БТМ. Потянулись за ним многие другие нурекчане.

Немало местных пришло и на другие участки работы. Бригадиром комсомольско-молодежной бригады стал молодой коммунист Файзулло Ашуралиев. Строители оказали ему большое доверие — выдвинули его кандидатуру в депутаты Верховного Совета республики, до этого он был избран в члены бюро ЦК комсомола Таджикистана. Уже в Нуреке закончил десятилетку, приобрел профессию экскаваторщика, вступил в члены партии. Коммунисты выдвинули его делегатом на XXV съезд КПСС.

Было время, когда никто из местных ребят не соглашался идти на подземные работы. Сказывались предрассудки и влияние верующих стариков. К тому же нашелся в ту пору один бродячий мулла, который развернул активную агитацию: нельзя таджику спуститься под землю, рано или поздно найдет он себе там могилу. И вновь с инициативой выступили сами таджики. Тавар Курбанов организовал первую в Нуреке бригаду проходчиков-таджиков, среди которых были Нур Ахмедов, Мурод Маджиков, Сами Сафаров, а позже — и десятки других. Поначалу они рыли штольни для взрывных работ, потом перешли работать в тоннели. И хотя им пришлось многому учиться, потому что уровень механизации у нас в тоннелях был чрезвычайно высок, они одолели все трудности и стали хорошими специалистами.

Таким образом, уже во второй половине 60-х годов, когда на строительстве Нурекской ГЭС открылся широкий фронт работ, у нас на участке тяжелых экскаваторов среди машинистов таджиков было уже около трети, а на бульдозерах и в автотранспортном хозяйстве — более половины.

Надо сказать, что к тому времени на стройке сложился дружный многонациональный коллектив. Шли мы к этому непросто. В первые годы прибегали даже к помощи «вербовщиков», но очень скоро от этого отказались. Горком принял решение организовать учебный комбинат. Учились в нем не только таджики, приезжали из соседних республик туркмены, узбеки, киргизы, закреплялись на стройке. Когда о Нуреке заговорила страна, к нам потянулись специалисты с Волги и Урала, из Украины и Белоруссии, с Дальнего Востока и из Сибири.

В первоначальный период строительства Нурекской ГЭС вплоть до образования горкома партком стройки входил в состав Орджоникидзебадского райкома партии. Главным направлением экономического развития района было сельское хозяйство. Преобладало хлопководство, животноводство, часть колхозов специализировалась на выращивании овощей и фруктов.

Помощь райкома партии стройке главным образом заключалась в подборе кадров обслуживающего звена на строительстве, а также в налаживании торговли, общественного питания, обеспечении стройки широким ассортиментом продовольственных товаров. Работники райкома частенько заглядывали на стройку, помогали наладить партийно-организационную и политическую работу. После памятного для меня отчетно-выборного партийного собрания на стройку часто приезжал первый секретарь райкома Василий Ермолаевич Захватов, человек динамичный, целеустремленный.

Строительство ГЭС непосредственно осуществляло Министерство энергетики и электрификации СССР. Все технические вопросы, а также вопросы организации производства, материального снабжения и финансирования в основном решались в Москве, в министерстве, за исключением разработки самого проекта Нурекской ГЭС, которая была сконцентрирована в институте «САОгидропроект» в Ташкенте.

Обеспечение строительства цементом, металлом, лесом, а также механизмами, промышленными товарами и продовольствием осуществлялось через Душанбе и находилось под непосредственным контролем ЦК Компартии и правительства Таджикистана. Председатель Государственной комиссии, лауреат Государственной премии СССР, один из прославленных гидротехников страны, Александр Алексеевич Беляков, в своей речи на митинге, посвященном пуску первого агрегата Нурекской ГЭС в 1972 году, говорил: «Трудно сказать, пустили бы мы досрочно первый агрегат Нурекской ГЭС, не будь постоянной, конкретной, активной помощи коллективу во всех вопросах со стороны ЦК Компартии Таджикистана, Совета Министров и вообще всей республики, ее народа!»

Частыми гостями в Нуреке были работники отдела партийно-организационной работы ЦК, инспекторы,

инструкторы, курирующие партийную организацию на стройке. Дольше всех нурекской партийной организацией занимался инспектор ЦК Компартии Таджикистана Александр Степанович Китаев.

Как-то, придя утром на работу, я увидел его идущим в горком партии с чемоданом в руках.

— Когда же вы приехали? — удивился я. — Только что? А почему не позвонили, послали бы за вами машину.

— Добрался рейсовым автобусом. И очень, скажу вам, полезно было прокатиться, — отозвался он. — Пока доберешься до места, получишь самую разнообразную информацию — от полетов космических кораблей до торговли колбасой в магазинах.

Забегая вперед, отмечу, что именно Александр Степанович привлек внимание нашей партийной организации к вопросу о росте рядов партии за счет женщин. Он же первым забил тревогу по поводу того, что наши первичные организации снизили работу по привлечению в партию молодых передовых рабочих.

С Китаевым было всегда интересно, с ним можно было поговорить обо всем, в том числе и о своих личных проблемах. Я знал заранее, что услышу в ответ дельный совет, меня не осудят за откровенность и не вынесут глубоко личные сомнения и заботы на всеобщее обсуждение. Со временем его приезды на стройку стали для меня необходимостью. У секретаря горкома партии, как правило, полно самых разных забот. И очень важно, чтобы старший товарищ по партийной работе проявил внимание, чуткость к твоей неудаче или успеху. Александр Степанович был для меня именно таким старшим товарищем: за недостатки и упущения спрашивал строго, но при любых обстоятельствах самым подробнейшим образом во всем разбирался.

Пристальное внимание ощущали мы и со стороны Министерства энергетики и электрификации СССР. На стройку часто приезжал начальник «Главвосток-гидроэнергостроя» Роман Петрович Носов. Мое первое знакомство с ним состоялось в октябре 1962 года.

Рассудительный, неторопливый в суждениях и выводах, Роман Петрович вместе со мной, а также с председателем горисполкома К. М. Миралиевым и заместителем начальника строительства Ш. Ю. Юсуловым

побывал вначале в общежитиях, обошел столовые и магазины, заглянул в городскую больницу и только потом поехал с С. К. Калижнюком на основные объекты начинающегося строительства. Основными объектами в то время были врезка подводящей выработки в первый строительный тоннель, закладка компрессорной станции на левом берегу Вахша и строительство обводной дороги вокруг Нурека, для того чтобы разгрузить центральную магистраль от грузового транспорта.

Разговор в парткоме сосредоточился на вопросах размещения прибывающих на стройку людей, питания, отдыха рабочих. Я сразу почувствовал тогда всю меру его опыта. Советы, которые Носов мне давал, были ясными, конкретными, реальными. Уже позднее я узнал, что Роман Петрович много лет проработал в аппарате ЦК КПСС. Можно было позавидовать его умению вести разговор со специалистами, с руководством стройки, работниками общественных организаций, с рабочими.

Неоднократно бывал на стройке министр энергетики и электрификации страны Петр Степанович Непорожний. Маршрут его был всегда примерно одинаковый: управление строительства — створ плотины — штаб стройки.

Приезд министра на стройку — большое событие для коллектива строителей и всего города. Первым делом, конечно, Петр Степанович заезжал к начальнику строительства и выслушивал краткие доклады его и главного инженера, потом ехал на объекты основных сооружений. Там — беседа со специалистами, с рабочими-строителями, а потом уже детальный разбор всех вопросов, связанных со строительством. Обычно во время своих приездов министр встречался в Доме культуры с рабочими и инженерно-техническим персоналом. Такие встречи, безусловно, представляли для всех огромный интерес, ибо краткие, точные и ясные разъяснения министра расширяли кругозор людей, проясняли все неясности.

Нам очень хотелось ознакомить Петра Степановича с проектом застройки будущего города и перспективами развития его окрестностей, выслушать его пожелания и попросить помощи. Однако времени всегда было в обрез, Петр Степанович неизменно отвечал:

«Обязательно посмотрим. Обязательно! Но потом, в следующий раз...»

Тогда мы пошли на хитрость. В очередной приезд министра договорились с одним аксакалом, чтобы он передал приглашение Петру Степановичу от жителей близлежащего кишлака посетить их.

И вот этот величавый седобородый старик по имени Файз в минуту делового разговора в кабинете начальника строительства объявился на пороге и, путая таджикские и русские слова, обратился к гостю:

— Дорогой вазири калон (то есть большой министр)! Почтенные люди кишлака Кибиль очень хотят познакомиться с хозяином такой большой стройки в наших краях. У нас, на востоке, так принято: получив приглашение — не будь неразумным, не обижай старых людей, прими это приглашение.

Петр Степанович хорошо знал обычаи таджиков, так как свою инженерную деятельность начал в Ленинabadской области еще перед войной. Он сразу принял приглашение.

Все жители кишлака вышли навстречу почетному гостю. После взаимных приветствий министра пригласили в дом, и там потекла неторопливая беседа за ппалой зеленого чая. Старый Файз сказал Петру Степановичу:

— Вы приехали к нам из сердца нашей Родины — Москвы, красивого города с высокими домами. Спасибо, что нашли время посетить нас. Люди говорят, что и Нурек станет прекрасным городом, какого еще нет в республике. В его новых домах будет электрический свет, хозяйке не надо будет варить суп на костре, потому что будут газовые плиты, а вода придет в каждую кухню. Это очень хорошо. Но что думает вазири калон о тех кишлаках, где нет электрического света, где люди ходят за водой за полкилометра на берег Вахша? Да и школы добротной с медпунктом тоже нет, нет магазинов, асфальтовых дорог и тротуаров?

Петр Степанович, почтительно выслушав старика, обернулся к руководителям строительства и сказал:

— Возьмите циркуль, обведите окружность вокруг Нурека в радиусе пятидесяти километров и дайте электричество во все кишлаки!..

А возвратившись в Нурек, Петр Степанович изъяс-

вил желание познакомиться с планом города. Он следил нам несколько дельных замечаний и помог подобрать отличных специалистов по жилищному строительству.

В январе 1963 года было принято решение об образовании Нурекского городского комитета партии. Состоялась первая городская партийная конференция, избравшая бюро горкома. Создание горкома партии было качественно новым явлением в жизни всего города и коллектива строителей. Оно стало как бы водоразделом между двумя периодами в жизни стройки — начальным, когда не хватало средств, строительных материалов и все продвигалось с большим трудом, и периодом наступающей зрелости.

Представитель ЦК Компартии Таджикистана В. Е. Новичков, выступая на этой конференции и определяя конкретные ближайшие задачи, четко охарактеризовал состояние стройки:

— Нурекская ГЭС — это комплекс сложнейших гидротехнических сооружений. Чтобы построить их, нужен крепкий высококвалифицированный коллектив. Сегодня есть все основания сказать, что такой коллектив с помощью партийной организации будет создан. Но вы не можете приступить к строительству плотины до тех пор, пока не отведете в туннели воды Вахша. Проходчики туннелей будут определять своей работой сроки пуска первых агрегатов. Партийная организация, управление строительства должны создать все условия, чтобы добиться высоких темпов проходки. Ничего нельзя сделать без крепкой производственной базы. В самый короткий срок надо наладить работу бетонного завода, построить гравийно-сортировочное хозяйство, чтобы не тратить время и деньги на перевозку песка и гравия из Душанбе, закончить строительство домостроительного комбината в Орджоникидзебаде, приступить к созданию центральных ремонтно-механических мастерских в Нуреке. Вы должны собрать в кулак все свои силы и направить их на самые важные участки. Самое большое зло — распыление средств. С нынешнего дня надо вести оценку работы не по количеству освоенных средств, а по введенным в эксплуатацию объектам...

Строители Нурекской ГЭС выходили на новые рубежи.

БУДНИ И ПРАЗДНИКИ

Впервые в мире.

Катастрофа в Айдахо. Можно ли привыкнуть к землетрясениям!

Транспорт будущего.

«Свершилось!..»

Дороги, которые нас выбирают.

Ночной аврал. «Добровольцы, вперед!..» «Подземный штурман».

Страницы из дневника.

Что человеку надо!

Член индийского парламента, профессор Хирен Му-керджи, побывавший на стройке у нас в Нуреке, оставил в книге для почетных гостей такую запись: «В Советском Союзе я воочию увидел плоды трудов Владимира Ильича Ленина. В прошлом отсталая страна Таджикистан ведет гигантские стройки по соседству с моей страной. Если наша молодежь преклонялась перед храмами, которые есть в Индии, то теперь пусть все преклоняются перед гигантским строительством Нурека, перед могуществом всего Советского Союза».

«Грандиозная, гигантская, колоссальная, уникальная...», «жемчужина Таджикистана», «чудо на Вахше» — эпитеты эти были рассыпаны во всех статьях и репортажах о строительстве Нурекской ГЭС. Встречаются они, конечно, и по отношению к другим нашим всемирно известным стройкам, но в приложении к Нуреку слово «уникальная» все же, быть может, подходит более всего.

Нурекская ГЭС — это гигантский подземный комплекс, в нем есть камеры, в которых можно было бы поставить 20-этажный дом с клумбами и спортивными площадками. Впервые в мире скорость воды в туннелях гидростанции достигла 55 метров в секунду, впервые были применены уникальные затворы, работающие при фантастических расходах воды в 2 тысячи кубометров в секунду и с напором 110 метров, впервые была создана железобетонная спиральная камера, впервые работали агрегаты с полным водяным охлаждением.

Нурекская ГЭС — это самая высокая в мире — 300-метровая — плотина объемом 53 миллиона кубометров, испытывающая давление воды в нижней своей части по 300 тонн на квадратный метр. Этот исполин выглядит так, будто между двух гор установили третью вершиной вниз. Плотины подобного типа можно наблюдать в нескольких странах. В США — это Оровил высотой 224 метра, у нас в стране — Чарвакская плотина (168 метров), во Франции — Сер-Понсон (122 метра). Асуанская плотина в Египте, сооруженная при технической помощи нашей страны, имеет высоту 120 метров.

Но уникальность — не просто знак отличия, краcочный эпитет. Прежде всего это означает неизведанность, неприменимость типовых решений, высокую степень инженерного риска. Уникальность для строителя означает неопределенность. Именно поэтому особенно жаркие споры разгорелись и велись на всем протяжении строительства — как проектировать, как строить, на что опираться. В стороне от этих дискуссий не мог остаться и партийный комитет: речь шла о проблемах отнюдь не академических, не об абстрактно-инженерных решениях, а о самой сути нашего общего дела. Мы не имели права оставаться безучастными наблюдателями. С другой стороны, совершенно ясно, что ни я, даже когда получу инженерный диплом, ни мои товарищи не могли бы выступать арбитрами в споре специалистов с мировыми именами. Нужно было искать свою, лишь партийному органу свойственную точку приложения сил. Но прежде, конечно, нужно было хорошо изучить проблему.

Уже при проектировании Нурекской ГЭС инженерная мысль столкнулась с вопросами, ранее не возникавшими в мировой практике гидротехнического строительства. Почти каждое из сооружений, входящих в состав гидроузла, даже принципы организации строительства и способы производства основных работ, явились, по существу, оригинальными и новыми задачами, которые приходилось решать коллективам проектировщиков и самим строителям. Необычность стройки заключалась уже в самом месторасположении гидроэлектростанции.

Когда обсуждался вопрос о строительстве Нурекской ГЭС, проектная организация разработала вари-

ант сооружения железнодорожной ветки к строительной площадке. От ближайшей железнодорожной станции Янги-Базар надо было проложить путь всего в 60 километров. Но эти 60 стоили многих сотен!

От перевала до Нурека склон хребта настолько крутой, что пришлось бы строить этот железнодорожный путь с очень большими уклонами, малыми радиусами кривых, ставить эстакады, пробивать немало туннелей. Дорога влетела бы в копеечку, а после завершения строительства оказалась бы незагруженной, по сути, ненужной.

Отказавшись от мысли построить железную дорогу, пришли к решению все грузы доставлять на площадку автомобильным транспортом. Но этих грузов надо было перевезти более двух миллионов тонн! И дело было даже не столько в том, что предстоял такой объем перевозок, сколько в габаритах грузов. Ведь по горным дорогам, по головокружительному «серпантину», предстояло везти панели жилых домов, мощные тяжелые механизмы, здесь должны были проходить бульдозеры, экскаваторы, доставляться оборудование для станции, в том числе рабочие колеса уникальных турбин, колоссальные по весу и мощности трансформаторы, для которых на Челябинском тракторном заводе заказали специальный трейлер. Чтобы перевезти эти трансформаторы, надо было сделать всего несколько ездов, но для этого следовало не просто расширить существующие дороги, но и основательно их реконструировать.

Нурекская ГЭС была единственной в своем роде стройкой хотя бы потому, что для доставки огромного количества грузов она не имела ни железной дороги, ни современного шоссе, ни судоходной реки.

Но дело далеко не только в дорогах. Возведение гигантского гидроузла в горных условиях еще несколько лет назад было невозможным, мы даже не могли поставить перед строителями подобную задачу. Только когда арсенал строителей обогатился современной горнопроходческой техникой, проложившей туннели Асуана и трассы железной дороги Абакан — Тайшет, когда появились тяжелые автосамосвалы-гиганты, прошедшие испытания в карьерах Кольского полуострова и Курской магнитной аномалии, когда мы обзавелись мощными скальными экскаваторами, кото-

рые вынимали граниты и базальты из оснований плотин Братска и Дивногорска — вот только тогда советская наука и техника смогла взяться за решение такой масштабной задачи, как строительство Нурекской ГЭС.

Если бы в начале 60-х годов, миновав главную улицу Нурека, мы направились к Вахшу, то обнаружили на его правом берегу полоску красноватой земли, по которой сновали ярко-желтые БелАЗы и бульдозеры, разравнивая площадку под здание станции и громаду плотины. Горы, изрезанные складками ущелий, вершины в снегах поднимались отвесными стенами над глубоким и тесным, теперь осушенным и скрытым в сыром полумраке каньоном. На одной из таких стен, если напяречь зрение, можно было бы заметить то вспыхивающую, то гаснущую не то точку, не то искорку. Там — флажок, установленный на уровне гребня будущей плотины.

Горные кряжи всегда поражают воображение. По ним и налегке, думается, невозможно вскарабкаться, а между тем можно было заметить, как, уцепившись каким-то чудом на этих скалах, стоят издали миниатюрные экскаваторы. И не просто стоят, а работают. К ним то и дело подходят самосвалы. Нагрузившись, они медленно ползут по склону горы и вдруг исчезают в пробитых в скалах отверстиях. Это выходы строительных туннелей. Как выяснилось во ходу дела, гораздо выгоднее пробивать туннели, нежели разравнивать и вести по кручам объездные дороги.

Далеко позади площадки и чуть справа за высокой дамбой (это нижняя перемычка высотой 18 метров) река вытекает прямо из горного хребта. Мощная водяная струя вырывается из отверстия в горе и обрушивается в прежнее русло, точно вода из уличной колонки в цементное ложе. Это выходной портал строительного туннеля.

По мнению ученых, когда-то здесь произошло землетрясение, и горный обвал преградил путь реке, заставив ее сделать петлю. Этим-то и воспользовались строители: пробили сквозь гору туннель, снова спрямив ее путь, и, поставив верхнюю перемычку, заставили Вахш течь сквозь гору. Туннель этот был пробит только для целей строительства и только на время строительства гидростанции, потому он и называ-

ется «строительным». В него направили реку, чтобы на сухом месте можно было насыпать плотину.

Перегородив реку верхней перемычкой, строители подняли уровень реки и заставили ее течь по туннелю. Приглядевшись, однако, и сегодня можно увидеть над выходным порталом первого строительного туннеля, откуда выливался Вахш, еще одно мощное отверстие. Это выходной портал второго строительного туннеля, а еще выше построили третий строительный туннель.

Но гидрологи предположили, что существует вероятность, хотя и очень незначительная, что река может понести такую массу воды, что не хватит и трех туннелей. В обычный летний паводок Вахш несет немногим более 3 тысяч кубометров воды в секунду. Нурекское водохранилище примет эту воду, и ничего страшного не произойдет. Ученые же подсчитали, что в случае необычно бурного паводка река может понести около 5 тысяч кубометров в секунду. В водохранилище накопится тогда более 10,5 миллиарда кубических метров воды, на которые рассчитана его чаша, и вот тогда может случиться катастрофа. Правда, ученые уверяли, что такой случай может произойти всего лишь раз в тысячу лет. Но кто может сказать, когда он произойдет? А вдруг в первое же лето после окончания строительства?

В расчете на этот случай и строился четвертый туннель. Во время переполнения водохранилища задвижки его затворов откроются и вода помчится в русло реки. Этот четвертый туннель был своеобразным предохранительным клапаном и для нурекского водохранилища.

За годы Советской власти гидротехническое строительство в нашей стране получило грандиозное развитие. У нас есть гидростанция мощностью более 5 миллионов киловатт, строится Саяно-Шушенская мощностью в 6 миллионов киловатт, работают над проектами гидростанций мощностью до 20 миллионов киловатт. Такого еще не знает ни одна страна в мире.

Гидротехнические сооружения — очень серьезные и ответственные сооружения. Гидротехника как наука насчитывает тысячелетия, но до сих пор еще далеко не совершенна. Объясняется это тем, что она имеет дело со сложнейшими явлениями, находящимися в теснейшей взаимосвязи; с гидравликой, геологией, гид-

рологией, инженерно-строительными науками, в которых еще немало неизученных вопросов. И конечно же, строительство в широких масштабах крупнейших гидроузлов в Средней Азии, таких, как Нурекская, Токтогульская или Червакская ГЭС, в инженерно-техническом отношении требовало совершенно новых проектных решений.

В мировой практике имеется довольно большой опыт возведения насыпных плотин. Однако существенной особенностью является то, что каждая строится из местных материалов, а у них, естественно, разные физические и химические составы грунтов. Плотины эти строятся, как правило, в сейсмически опасных районах, и потому необходимо учитывать, что же служит основанием плотины, какие породы залегают по ее бортам, какова их прочность и т. д. Вот почему проводились десятки опытов на устойчивость плотины Нурекской ГЭС в научно-исследовательских институтах Москвы, Ленинграда, Душанбе, Тбилиси. Вблизи Нурека на речушке Найзирак была возведена плотина в 50 раз меньше Нурекской, где с помощью глубинных взрывов имитировалось землетрясение до десяти баллов и таким образом определялись основные характеристики плотины при сейсмических явлениях.

Проблемам возведения уникальной плотины были посвящены многие совещания в Министерстве энергетики и электрификации СССР, в институте «Гидропроект» и непосредственно в Нуреке. Все это обезопасило плотину от трагических случайностей, которые имели место даже в недавнем прошлом.

5 июня 1976 года в долине реки Снейк в восточной части американского штата Айдахо произошла катастрофа: рухнула только что построенная плотина Титон и мощные потоки воды из ее водохранилища хлынули в долину, сметая все на своем пути. Катастрофа произошла в то время, когда плотина была закончена на 97 процентов, а водохранилище, рассчитанное на 385 миллионов кубических метров воды, заполнено на 80 процентов. Ущерб, нанесенный внезапным наводнением, был огромен. Потоки воды достигли городов, отстоящих от плотины на 100 километров. Были разрушены тысячи жилых домов и административных зданий, затоплены и размыты большие

площади плодородных земель. Только в одном графстве Мадисон, как писали газеты, ущерб оценивался в 559 миллионов долларов.

Что же привело к катастрофе? В основании плотины залегли породы, имеющие пустоты и значительную трещиноватость. Это обстоятельство вызывало опасения еще до постройки плотины. Более серьезное предупреждение поступило от геологов, которые возражали против строительства в связи с тем, что насыпная плотина находится в сейсмическом районе. Бюро мелиорации США пришло к выводу, что плотина неминуемо даст течь, поскольку используемый для нее грунт легко поддается разрушению. Однако строительные компании «Моррисон — Надсен» и «Питер Кьюнтт сан'з оф Омаха» игнорировали все эти предупреждения и добились выгодного контракта на 55 миллионов долларов. Прислушайся они к предупреждениям, титонской трагедии могло не быть.

В июле того же, 1976 года на канале «Эльбе-зайтенканал», что означает «боковой канал Эльбы», в ФРГ также прорвало плотину. В непосредственной близости от пересекающего шоссе моста, над которым проходит канал, разверзлась дыра 20-метровой ширины. Первые десятки тысяч кубометров воды из бассейна, вмещающего 5,5 миллиона кубометров, обрушились с шестиметровой высоты на прибрежную низменность. К вечеру более 15 квадратных километров территории уже были залиты водой. До поздней ночи колонны грузовиков подвозили к плотине мешки с песком. Но это были напрасные старания: на 30-километровом отрезке канала до следующего шлюза уже вытекла почти вся вода.

Этот 115-километровый водный путь соединял Эльбу с Центральным каналом ФРГ. Он сокращал путь движения судов от Гамбурга до Рурской области на 250 километров. Канал должен был обеспечить стабильно высокий уровень воды на этом участке, связывающем гамбургский порт, ГДР и Чехословакию. Чтобы построить его, потребовалось 8 лет. За это время экскаваторы вынули более 50 миллионов кубометров земли.

При церемонии открытия канала ораторы называли его «техническим чудом XX века». Действительно, некоторые технические решения делали ему честь.

Для того чтобы суда могли преодолевать 60-метровый перепад высоты между Центральным каналом и Эльбой, были возведены крупнейший в Европе шлюз в Уельцене и крупнейший в мире судоприемник в Шарнебеке, где суда водоизмещением до 1350 тонн поднимались и опускались всего за 3 минуты на 38 метров.

Между тем проект строительства канала не был бесспорным. Специалисты-транспортники, например, предупреждали, что создание этого «монстра» будет экономическим расточительством, а ряд специалистов высказывал опасения в прочности самого сооружения. Тем не менее проект был принят — не без нажима строительных фирм, мечтавших получить подряд, и крупных предпринимателей различных отраслей промышленности, заинтересованных в понижении стоимости перевозок из-за сокращения пути движения судов.

Еще весной местные жители сообщили властям о появлении трещин в плотине канала. Однако меры не были приняты. Среди причин катастрофы, между прочим, называли еще одну. Как писала газета «Гамбургер моргенпост», в ней виноваты «танки бундесвера, постоянно использующие для движения проходящий под каналом путепровод. Танковые колонны способствовали дополнительному сотрясению основания плотины...»

Все эти факты говорят о том, что возведение плотин, и особенно высотных, — не простое дело, а в условиях Таджикистана тем более.

Таджикистан — самый сейсмоактивный из континентальных районов Советского Союза. Хребты Тянь-Шаня и Памиро-Алая, их отроги, прорезавшие республику во всех направлениях, еще не успокоились, под ними бродят те самые тектонические силы, которые миллионы лет назад подняли их над равниной. Нурек как раз расположен между горами Тянь-Шаня и Памиро-Алая. Да и вообще 80 процентов территории Таджикистана входит в 8—9-балльные сейсмические зоны.

Говорят, человек ко всему привыкает. Нурекчане привыкли к землетрясениям. Частенько и я, сидя за работой, вдруг ощущал, как слегка дернуло стол и он мелко задрожал, будто по улице проехал тяжелый

самосвал. А вечером по радио передадут: сегодня во столько-то часов по местному времени в Нуреке ощущались толчки силой в три балла. Такое землетрясение, конечно, не только не причинит никаких разрушений, но даже не всеми замечается. Еще более слабые, силою в один или два балла, улавливают только приборы. И подобных толчков в Нуреке, как и в районе Душанбе, сотни. Горы, так щедро наделяющие Таджикистан большой гидравлической энергией, в то же время создают серьезную опасность.

Сильными считаются землетрясения в восемь и выше баллов по шкале Бофорта. Научные сведения о сильных землетрясениях в Таджикистане начали собирать примерно с 1895 года. Их отмечено около двух десятков. К счастью, эпицентры большинства из них были в безлюдных высокогорных районах.

Прогнозировать землетрясения сейсмологи пока не в состоянии, но вероятность их пытаются определять. Все это позволяет в какой-то мере предусмотреть меры борьбы с ними, проектировать сооружения так, чтобы они выдерживали толчки. Известно, что многие монументальные здания в Средней Азии выдержали многочисленные землетрясения, в том числе и катастрофические, о которых упоминается в сочинениях арабских, персидских и других авторов. Древние зодчие постоянно искали средства, повышающие прочность кладки и амортизирующие мощные толчки: скрепляли камни особым эластичным алебастром, делали специальные прокладки и многое другое.

В техническом проекте Нурекской плотины были учтены все экспериментальные и научно-исследовательские данные, полученные за многие годы различными научно-исследовательскими институтами. При проектировании плотины впервые была применена новая методика расчета устойчивости как отдельных элементов, так и плотины в целом — с учетом сейсмических воздействий, разработанная в «САОГидропроекте». Но расчеты расчетами, а необходимо было провести и соответствующие эксперименты. Нурек относился к 8-балльной зоне, и всех волновал главный вопрос: выдержит ли будущая плотина толчок такой силы?

Помимо тех опытов, о которых я уже упоминал, провели еще один. В качестве самой крупной модели

взяли действующую плотину в Грузии, на реке Иори, правда, она в 4 раза ниже Нурекской. Здесь проверяли влияние на плотину движущегося транспорта, ветра, других факторов. Выяснилось, что принятая конструкция плотины не только устойчива, но и обладает большими запасами прочности. Два года велись эксперименты на платформе и на полигонах. Было установлено, что гидроузел полностью гарантирован от всяких неожиданностей, даже если будут наблюдаться «крупные земляные лавины и разрушения выветренных скал», как характеризует сейсмология в своих описаниях землетрясения в девять баллов.

Потребовала совершенно нового подхода и технология строительства такой уникальной высотной плотины, как плотина Нурекской ГЭС. Необходимо было решить целый ряд проблем, которые возникли благодаря особым условиям строительства.

Основным и диктующим элементом в технологическом процессе возведения насыпной плотины являются укладка и уплотнение материала. Не только потому, что его нужно точно распределить и уложить соответствующим слоем, а прежде всего потому, что строители обязаны получить чрезвычайно высокую плотность материала, укладываемого в плотину. Трудность заключалась также еще и в том, что если для строительства невысоких плотин в стране у нас уже имелась вся необходимая техника, то для возведения высотной Нурекской плотины эта техника не годилась, а нужна была другая, принципиально новая.

И здесь работники управления механизации проявили себя подлинными изобретателями. Они сконструировали и изготовили целый ряд довольно сложных машин и механизмов. Они мечтали построить опытно-промышленную пневмотранспортную линию. Такая линия многие годы хорошо функционирует в местечке Шулавери Грузинской ССР: доставляет из карьера дробленую щебенку на бетонный завод. Что такое пневмоконтейнерный транспорт и в чем его преимущество? Сооружается линия из металлических труб диаметром 1200 миллиметров с соблюдением полной герметичности. Внутри трубы под воздействием небольшого воздушного давления движутся составы из вагончиков-контейнеров на резиновых колесах, которые автоматически загружаются и выгружаются

на погрузочной и разгрузочной станциях. Скорость движения вагончиков доходит до 35—40 километров в час. Движение контролируется и управляется одним человеком — оператором с центрального пульта линии контейнерного пневмотранспорта. Этот вид транспорта почти бесшумный, не требует топлива и не выделяет, следовательно, ни газа, ни пыли. По сравнению с автотранспортом потребность в людях на линиях контейнерного пневмотранспорта сокращается в 10—12 раз, себестоимость перевозки также в несколько раз ниже.

Инициатором этого дела в Нуреке был главный технолог строительства Владимир Иванович Рымаревич. Семидесятилетний инженер-механик, преодолев множество открытых и скрытых препятствий, добился приказа министра энергетики и электрификации СССР о строительстве в Нуреке экспериментальной линии контейнерного пневмотранспорта.

Позже В. И. Рымаревич вместе с начальником строительства Ю. К. Севенардом разработали оригинальную идею принципиально нового способа строительства плотин в горных ущельях. Суть ее заключалась в следующем. В непосредственной близости от центральной оси плотины, или створа, как ее называют гидротехники, на склонах ущелья сооружаются шахты, размеры и количество которых зависят от высоты плотины и заданной интенсивности работ. Каждая шахта соединена напорным и сбрасывающим водоводами с верхним и нижним бьефами строящейся плотины. На водоводах устанавливаются запорные приспособления, с помощью которых шахта может сообщаться с верхним или нижним бьефом строящейся плотины.

Шахта заполняется водой по закону сообщающихся сосудов. В ней находится на плаву металлический понтон, который может подниматься или опускаться вместе с поступающей или уходящей из шахты водой.

На дне шахты понтон через герметически закрывающиеся ворота загружается грунтом, после чего вместе с поступающей в шахту водой поднимается вверх. Там материал с понтона перегружается на транспортер или автотранспорт и с их помощью через штольню подается на строящуюся плотину. Приве-

денные авторами проекта расчеты показывали, что строительство высотных земляных плотин с большими объемами работ может быть значительно сокращено во времени.

В силу разных причин идеи эти на строительстве Нурекской ГЭС осуществлены не были. Однако они несомненно могут и должны быть воплощены в жизнь на строительстве Рогунской и других подобных ей станций.

Серьезным и малоизученным вопросом при строительстве высотных плотин с ядром из суглинка является воздействие внешней среды. На строительстве Нурекской ГЭС в весенние и осенние месяцы, когда шли ливневые дожди, по техническим условиям запрещалось вести отсыпку этого материала в тело плотины, так как исключалась всякая возможность его планировки и укатки. А таких месяцев в году набиралось четыре, а то и все пять. Вот и возникла мысль навесить над центральной частью строящейся плотины специальную «крышу». Она могла быть либо монолитной, либо сборной, заполненной сжатым воздухом или газом, например гелием. Оба эти варианта были предложены главным инженером строительства Николаем Григорьевичем Савченковым, главным технологом Владимиром Ивановичем Рымаревичем и главным механиком Львом Павловичем Файнбергом. Расчеты подтвердили, что все затраты на возведение подобной крыши окупятся с лихвой, едва строители получат возможность вести отсыпку плотины независимо от атмосферных условий. Для строительства будущей Рогунской ГЭС вопрос о «крыше» над плотинной имеет особое значение, ибо осадков там выпадает значительно больше, чем в Нуреке.

Творческого подхода требовал и монтаж турбин. В Нуреке были установлены гидрогенераторы, обмотка статора которых имеет непосредственное охлаждение дистиллированной водой. Генераторы с таким охлаждением есть лишь на Красноярской ГЭС. Система непосредственного охлаждения обмотки водой значительно усложняет конструкцию, но в то же время позволяет строить очень крупные машины, что дает большую экономию.

В Красноярске первый опыт пуска генераторов с охлаждением проходил с определенными трудностями.

ми. В Нуреке же были новые конструктивные решения, которые страховали от неудачи. Боясь возможной аварии, Министерство энергетики и электрификации СССР требовало осуществить пуск первой машины без водяного охлаждения. Тем не менее эксплуатационники Нурека настояли на своем и провели пуск удачно. Вопрос был принципиальный: если бы нурекчане осуществили пуск без охлаждения водой, то генераторы с турбиной и временным рабочим колесом не смогли бы нести нагрузку более 100 тысяч киловатт, а с водяным охлаждением они несли нагрузку до 140 тысяч киловатт каждая машина. Разница весьма значительная, а главное — был преодолен своеобразный психологический барьер, и сегодня этот опыт нашел широкое распространение.

Впервые в отечественной практике был осуществлен пуск первых трех гидротурбин с временными рабочими колесами, которые проработали от двух до пяти лет.

Нурекский опыт был повторен на строительстве самой крупной в мире ГЭС — Саяно-Шушенской.

Впервые в мировой практике на Нурекской ГЭС были применены мощные шаровые затворы диаметром 4,2 метра, рассчитанные на давление в 400 метров водяного столба. Затворы таких параметров нигде раньше не применялись. Затвор уникален как по своим габаритам, так и по весу — около 600 тонн. Уникален он и по технологии изготовления. Нурекские гидростроители и эксплуатационники принимали самое деятельное участие в доводке конструкции. После монтажа были проведены специальные испытания затвора, выявлен ряд недоработок. Была предложена новая схема управления, которую принял завод-изготовитель. Шаровым затворам Нурека, по заключению Минэнерго, был присвоен государственный Знак качества. А группе специалистов — Государственная премия Таджикской ССР.

Многое сделали нурекские эксплуатационники в совершенствовании гидроагрегатов Нурекской ГЭС. Возглавляемый главным инженером ГЭС Александром Кузьмичом Мельниковым технический персонал гидроэнергетиков Нурека только по усовершенствованию различных узлов гидрогенераторов внес более ста предложений, которые были приняты заводом-из-

готовителем «Уралэлектротяжмаш» и учтены при выпуске остальных агрегатов для Нурекской ГЭС.

Сегодня, когда Нурекская ГЭС вступила в строй, когда дают ток все ее девять агрегатов, когда неподалеку строится еще более мощная, еще более поразительная Рогунская ГЭС, мне приходят на память слова одного журналиста. В самый разгар стройки, мечтая о сегодняшнем дне, он писал: «Не будет шума, кроме приглушенного рокота Вахша в нижнем бьефе, который, возможно, будет похож на рокот молодого ручья, все набирающего и набирающего силу под лучами жадного солнца. Уйдет внутрь, скроется навсегда сложная техническая душа сооружения. А что будет думать человек, ничего не знающий о строительстве станции, когда он увидит ее такой? Окинет рассеянным взглядом, чуть подогретым любопытством? Ведь если даже он даст себе труд познакомиться с техническим «нутром» сооружения, вряд ли оно его заинтригует — к тому времени возникнут «объекты» и похлеще, помудренее. Ни гладкий бетон, ни спокойный гул генераторов не расскажут о человеческом «нутре» стройки — о том, каким кипением радостей, страстей, озарений, злости, возмущения непорядками, какими ошибками судеб оплачен этот тихий итог...»

28 марта 1966 года. Ровно в полдень Пулисаягинское ущелье потряс мощный взрыв, который разметал во все стороны перемычку, ограждающую входную часть строительного туннеля нижнего яруса от Вахша. Река ринулась по новому руслу через огромный подземный лабиринт длиной 1626 метров.

Свершилось!..

Событие это готовилось долго. Сроки перекрытия Вахша и отвода воды по подземному сооружению несколько раз переносились. Вызвано это было тем, что по мере развертывания стройки стремительно возрастали и объемы работ. Надо было срочно принимать меры по «лечению» бетона в первом строительном туннеле, широким фронтом вести цементационные работы. Только на выходном портале предстояло пробурить скважин общей длиной почти в пять километров и закрепить анкеров общей протяженностью

в два километра. Много времени отнимала вырубка наплывов и выступов с поверхности туннеля. Поверхность бетона должна была быть гладкой, чтобы вода текла по подземной трубе с заданными в проекте скоростями.

Случалось и так, что досадные мелочи — неожиданные, часто не зависящие от рабочих — перерастали в большие проблемы, снижали производительность труда. То оказывалось, что инструментальная расположена далеко от рабочих мест и много времени тратится на пустую беготню. То не подвозили вовремя необходимые материалы. Не жалели государственных средств некоторые начальники и мастера участков: готовится, например, взрыв в туннеле и еще неизвестно, когда и сколько придется вывозить породы, а машины из гаража уже вызваны. И дремлют шоферы за рулем в ожидании работы, а им это ничегонеделание отмечают в путевке как «хозяйственные работы».

Немало таких вопросов поднималось ежедневно на планерках и летучках, но требовались и более решительные действия. Горком партии и партийный актив возглавили борьбу с неоправданными простоями, затяжными перекурами, низкой производительностью труда. Коммунисты Нурека отлично понимали, что успех дела зависел от сплоченности людей, от их энергии, от четкого взаимодействия всех звеньев стройки. Необходимо было покончить с раскачкой и ссылками на объективные причины, хотя они и были, нужна была строгая дисциплина и четкая организация труда.

Заседания бюро проходили бурно. Резкая критика не раз звучала в адрес стройкома. Соревнование между бригадами и участками в «Гидроспецстрое» лишено наглядности: нет стендов с показателями, Досок почета. Выполнение коллективного договора за прошлые годы не проверялось, нового до сих пор не существует. Никто не работает с рационализаторами. Плотник Сунцов изобрел станок, выполняющий шесть операций, но внедрить его не может. Многие рабочие в бригадах уже овладели смежными профессиями, но на практике их не применяют. На складах не хватает материалов. Кто-то посетовал, что нет черенков к топорам. Над ним посмеялись:

— Что ж, коль нет черенков к топорам, значит, перекрытия не будет...

— А вы не смейтесь,— обиделся рабочий.— Такие вот пустяки и сказываются на главном — на росте производительности труда!..

Мы хорошо понимали, что главный недостаток заключался в неорганизованности. То и дело приходилось сталкиваться с простоями техники в туннелях, ненужным трудом проходчиков, перетаскивающих с места на место машины и механизмы. Если раньше гидроспецстроевцы оправдывали низкие темпы работы отсутствием механизмов или материалов, то в канун перекрытия Вахша на это ссылаться было уже нельзя. Однако случалось, что целые бригады «загорали», ожидая, пока соседи дадут им возможность работать. Каждой бригаде, каждому звену необходимо было четко определить свою роль в период завершения работ в туннеле. А условия были нелегкие: фронт работ в туннелях сузился, на маленьких площадках скапливались люди, техника. Начальникам участков надо было проявлять особенную расторопность и изобретательность в подготовке резервного фронта работ.

По инициативе бюро горкома был разработан новый график, по которому малое перекрытие Вахша намечалось в марте 1966 года. Он обсуждался на каждом участке строительства туннелей, в каждой бригаде и всеми был поддержан. Входной портал первого строительного туннеля следовало закончить к середине февраля, а выходной — к концу месяца. К 25 февраля должна была быть сдана камера аварийных затворов.

Стройка жила в предпусковой «лихорадке», я вместе с членами бюро и работниками горкома пропадал на разных ее объектах.

Чаще других бывал в первом строительном туннеле. Здесь работало более 900 человек: бригады бетонщиков «Гидроспецстроя», монтажники из «Гидромонтажа». На предельной скорости носятся в огромном туннеле мощные автосамосвалы — вывозят взорванную породу. То тут, то там на всем протяжении туннеля можно видеть инженеров, техников, проектировщиков, ведущих контроль за производством работ.

С секретарем парторганизации гидроспецстроевцев Александром Васильевичем Поповым прошли весь туннель от выходного портала до входного. Остановились побеседовать с ребятами из бригады Ивана Сорвилова. Настроение у всех приподнятое, люди веселы, перебрасываются шуточками. Иван Сорвилов дома почти не бывает. Днюет и поцует в туннеле и начальник участка Леонид Сидорин, похудел, зарос щетиной. Отмечаю себе в блокнот: «Сдадим в эксплуатацию первый строительный — выхлопочу Сорвилову и Сидорину путевки, пусть отдохнут».

Со вторым строительным дело обстояло хуже. По расчетам гидроспецстроевцев, его могли закончить в мае 1966 года. В атмосфере общего подъема родилась идея: в марте этого же года произвести перекрытие с обрушением направленным взрывом правобережной подпорной стенки, за которой было заскладировано 600 тысяч кубометров суглинка, гравия и камня. Для пропуска паводка подключить недостроенный туннель. Забетонировать свод, лоток и часть стены там, где порода слабая и ненадежная, а на выходе заложить временно бетонную пробку, спуская воду через подходные штольни. Однако из бесед с проектировщиками стало ясно, что едва ли это возможно. Главный инженер проекта Сигизмунд Антонович Боровец считал, что скала в некоторых местах плохая и подвергается быстрому разрушению, а следовательно, не исключены обвалы стен и просадка свода туннеля.

Начальник строительства, им был тогда Константин Владимирович Севенард, стоял на том, чтобы идти на риск, так как при благоприятном пропуске паводка по такой схеме строители могут на шесть-семь месяцев раньше срока начать строительство плотины. В сентябре 1965 года он изложил соображения в горкоме партии. Бюро постановило: коль нет единого решения по такому принципиальному вопросу между руководством строительства и главным инженером проекта, пригласить в качестве третьей стороны специалистов из Минэнерго СССР.

Вскоре на стройку прибыли А. А. Беляков — заместитель председателя научно-технического совета министерства и И. Л. Сапир — главный инженер «Главвостокгидроэнергостроя». Тщательно изучив положение дел на месте, большая группа специалистов во

главе с представителями Минэнерго поехали в Душанбе докладывать Центральному Комитету Компартии Таджикистана и правительству республики свои выводы. Было решено в марте, в период маловодья, взорвать перемычку перед первым строительным туннелем и пустить через него воду. В осушенное русло завезти камень, гравий и суглинок, сделав своего рода небольшую плотину. Поверхность этой плотины спланировать и покрыть, подобно шахматной доске, бетонитами весом до десяти тонн каждый, надежно скрепив их между собой мощными тросами и арматурной сталью. И уже через эту переливную плотину и готовый к тому времени строительный туннель пропустить паводок 1966 года.

Встреча Нового, 1966 года — года, в который намечалось перекрыть Вахш, — была особенно памятной. Мы с женой отправились в Диссабурскую среднюю школу, где в актовом зале собрался большой коллектив строителей. Было шумно и весело. Члены объединенного стройкома, и особенно Анна Павловна Рудченко, сделали все, чтобы подготовить интересную программу этого праздничного вечера. Меня попросили сказать строителям несколько слов. О чем говорить? У всех на уме было одно: «Даешь перекрытие Вахша!» Настроение было великолепное. Приятно находиться среди людей, с которыми тебя связывает большая, трудная, но прекрасная цель.

После Нового года ритм работы на створе начал стремительно нарастать. Скоро наступил день, когда Государственная комиссия приняла туннель первого яруса и дала разрешение на его эксплуатацию. На импровизированную пресс-конференцию собрались в клубе Нурека члены комиссии, руководители стройки, журналисты, рабочие. Событие было знаменательное. В толще горы на глубине 300 метров проложен более чем полутораклометровый туннель, площадь сечения которого равнялась 103 квадратным метрам!

Строителями Нурека был сделан первый важный шаг, одержана первая крупная победа. Предстояло сделать еще в 10 раз больше, но значение этой победы было велико...

И вот — взрыв на перемычке...

Целую неделю перед тем над Нуреком лил дождь. Но погода не испортила праздничного настроения.

Город украсился транспарантами, флагами, лозунгами. На долю комендантов общежитий и работников пищеблоков выпали особые хлопоты: в Нурек ехали и ехали люди, всех нужно было разместить, накормить, обогреть. А в это время взрывники, мокрые и грязные, вели зарядку скважин. На двенадцать часов следующего дня был назначен взрыв перемычки.

Словно по заказу, с раннего утра тучи над Нуреком разорвало, и выглянуло щедрое южное солнце. Из Душанбе прибыли руководители ЦК КП Таджикистана и правительства республики. Народ повалил к реке, к Пулисангинскому ущелью. А еще раньше туда уехал автобус с представителями комиссии и взрывниками. Больше всего людей собралось у выходного портала туннеля — там, откуда, пройдя сквозь толщу горы, должна была вырваться после взрыва мощная струя вахшской воды. Тысячи людей облепили берег. Юркие мальчишки вскарабкались даже на одинокую чинару, высившуюся неподалеку. Щелкали фотоаппараты, играл оркестр.

Оставались считанные минуты. Наступила тишина, слышен был только мерный шум Вахша.

Но вот наверху, в горах, появилось небольшое серое облако и донесся глухой щелчок. Это был сигнальный, предупредительный взрыв. А спустя несколько секунд над острой сизой вершиной, за которой прятался створ плотины, вздыбился вулкан дыма, камней, щебня. Горы задрожали, разнося многократное эхо мощного взрыва.

Полетели вверх шапки, каски, строители кинулись в объятия друг к другу. Стоящий неподалеку от меня пожилой колхозник сказал своему соседу:

— Теперь Вахш потечет сквозь гору. Сказка!

Все уставились на портал, но вода в нем не показывалась. Знающие люди посмеивались над недоверчивыми, поддразнивали их. Вот показалась слабая струйка воды, потекла, но тут же сникла. Потом она снова появилась, начала вспухать, а вскоре грязная, вспененная вода вырвалась наружу и, выплевывая камни, суглинок, с грохотом обрушилась в русло.

А через восемь месяцев, 3 ноября 1966 года, в канун 49-й годовщины Великого Октября, был произведен взрыв подпорной стенки.

В 22 горизонтальные камеры и в 86 вертикальных

скважин, расположенных под подпорной стенкой, было заложено 325 тонн взрывчатки. В десять часов утра взрывник Тавар Курбанов — член Президиума Верховного Совета республики — замкнул взрывную электросеть. Раздался взрыв такой силы, что вызвал в Нуреке и в ближайших кишлаках землетрясение силой в пять — шесть баллов. 250 тысяч кубометров суглинка, гравия и камня с большой точностью легли в основание будущей высотной плотины Нурекской ГЭС. Перекрытие Вахша состоялось!

Как быстро летит время, как быстро меняются люди! Дело выявляет основы характеров, дело заставляет взрослеть, ответственность за общее дело становится мощным стимулом роста.

Еще совсем недавно Нуритдин Юсупов и Шариф Мирзоев были колхозниками, занимались садоводством, выращивали хлопок на трудных землях Таджикистана, теперь же стали замечательными квалифицированными бетонщиками, мастерами своего дела, чьи бригады заложили в выходной портал туннеля около четырех тысяч кубометров конструктивного бетона!..

А Федор Мороз! Фронтовик, десантник, шахтер, прошедший выучку на шахтах Воркуты, поселившийся незадолго до начала стройки в Душанбе, где собирался осесть, он, услышав про Нурек, не выдержал — приехал. Взял в руки перфоратор и спустился в нурекские туннели. Да, подходы к первому туннелю долбили тогда еще перфораторами, отбойными молотками. Крепь ставили деревянную, как в шахтах. Даже хвоей пахло. А лес для Нурека везли издалека, из Сибири.

Пройти десять метров в нурекском туннеле — это считалось рекордом, это был отличный результат. Так начинали. Да и само горное дело в Нуреке было так же молодо и ново, как и все в этих труднодоступных местах: и стройка, и строители.

Директору строящейся ГЭС И. Г. Чеснокову не было еще сорока, всего двадцать лет было начальнику участка строительного управления плотины Семену Лашенкову, ставшему впоследствии главным инженером стройки, немногим более двадцати — Владимиру

Васильеву, начальнику технического отдела дирекции строящейся ГЭС, тридцать семь — начальнику огромного строительного управления «Гидроспецстрой» Н. В. Минакову.

Выпускнику Тульского горного института Виталию Кривоногову разрешили самому выбирать место будущей работы — он был отличником. Не колеблясь, назвал он Нурек. За ним потянулись его однокурсники Владимир Сафонов, Евгений Махов, Борис Иевлев, Виктор Нефедов, Аркадий Баранов. Все они начали работать горными мастерами в «Гидроспецстрое» и очень скоро стали настоящими специалистами.

Большую помощь при подземных работах оказала нам горная наука. Деревянная крепь была заменена на арочную, проходили испытания разные типы анкеров, на смену малопроизводительной буровой установке СБУ-2 пришли прекрасные машины СБУ-4. Нурек стал своеобразной всесоюзной испытательной базой для гидростроителей-подземщиков.

Если бы в 1966 году заглянуть в любой из нурекских облицованных бетоном сводчатых подземных коридоров, уходящих в чрево горы, то можно было бы обнаружить своеобразную выставку строительной горнопроходческой техники. Здесь и туннельные экскаваторы на гусеничном ходу, и пневмоподатчики — специальные машины, которые поднимают стальные арки под самую кровлю, и породопогрузочные машины, напоминающие те, что убирают снег на улицах, и совершенно мудреные установки с задранными вверх хоботами наподобие счетверенных зенитных пулеметов. Это бурильные установки СБУ-4. Они бурят шпур в стене для зарядки взрывчаткой. На этих машинах стоят первые порядковые номера заводского выпуска.

Благодаря новейшей горнопроходческой технике уже в первые годы строительства проходка была полностью механизирована. Бурение, взрыв, потом подъезжают породопогрузочная машина, экскаваторы, самосвалы — породу вывозят, а пневмоподатчики уже ставят металлическую опалубку. За сутки туннель продвигается вперед на три метра.

Но не всегда так: вот рядом проходит зона разлома. Несколько дней уже бьются люди — скала ползет, свод валится. Приходится его укреплять. Проход-

чки бурят шпур, закачивают туда раствор и затем загоняют «гвозди» почти полутораметровой длины — анкеры. Предварительно в эти же отверстия закачивается бетон, вместе с анкером он намертво схватывает ползущую породу...

В сентябре 1969 года бригаде Федора Логиновича Мороза было предложено показать, что можно сделать при новой технологии и современной горнопроходческой технике. И он показал: за месяц бригада Федора Мороза прошла 167 погонных метров горной выработки в туннеле сечением 6 на 11 метров. Труд почетного нурекчанина, заслуженного строителя Таджикистана, был отмечен высокими правительственными наградами.

Другой строитель, Владимир Данилов, предложил усовершенствованную систему для проведения укрепительной и заполнительной цементации в условиях горного гидростроения. Прежде об этом думали мало. Ведь в основном в стране велись работы по возведению равнинных электростанций. Сложные геологические условия Нурека потребовали огромного объема цементационных работ. Проводили их поначалу «дедушкиным» способом. Оба берега Вахша изрезаны вдоль и поперек туннелями, породы рыхлые, их приходилось «пропитывать» бетоном. До предложения Данилова в каждую штольню, галерею, туннель качали этот жидкий цементный раствор. Владимир предложил устроить единый растворный узел с расходящимися во все концы рукавами-трубами, а в центре — пульт управления и комплекс измерительных приборов. Причем вся система датчиков и приборов создавалась им едва ли не в одиночку. Противников у него было вначале много, но он сумел, с помощью партийного комитета, добиться признания своего метода и построить в Нуреке этот растворный узел.

Система Данилова вскоре заинтересовала строителей Токтогульской ГЭС, и он уехал туда. Приглашали его и на Ингури, на Зею, в Саяны...

Жизнь большой сложной стройки редко укладывается в параметры технологических схем, волей стихии или драматического стечения обстоятельств не-

редко взламывается мерное чередование рабочих смен — и ярко, крупными драгоценного металла сверкают на изломе подлинный героизм и величие духа.

В один из осенних дней экскаваторщик Николай Григорьев перегонял мощный ЭКГ-4 по раскисшей от дождя горной дороге. Она причудливо вилась по краю кручи, внизу бурлила река. Все шло хорошо, но вдруг на одном участке дорога «поползла» — из-под машины посыпался в пропасть грунт. Одно неверное движение — и 200-тонная громада экскаватора полетит в Вахш. Немудрено было растеряться, почувствовав смертельную опасность, выскочить из кабины. Но Николай Данилович проявил удивительное хладнокровие. Действуя точно, умело, он преодолел осыпающийся участок дороги и спас экскаватор.

В другой раз произошла поломка на водонасосной станции. Вахш грозил затопить насосы, и тогда весь город и вся стройка надолго остались бы без воды. На ликвидацию аварии спешно направили опытных слесарей и бульдозериста Юрия Ложкина: он должен был — для подстраховки — подновить земляную насыпь, отделявшую водонасосную станцию от реки. Думали, что работы там на час-полтора. Но вода в Вахше все прибывала, размывала преграду, рвалась к насосной, где работали люди. Почти сутки длилась упорная схватка человека с ошалевшей рекой. Три смены подряд Юрий Ложкин не выпускал из рук рычагов машины и довел дело до конца. Вместе с ним самоотверженно трудились водопроводчики жилищно-коммунального управления.

А то, что случилось накануне перекрытия Вахша, в ночь с 15 на 16 марта 1966 года, запомнилось всем. Шли последние приготовления к перекрытию, проходчики заканчивали работы в первом строительном туннеле. Зима в Нуреке была в тот год солнечной и сухой, но метеорологи предупреждали, что природа себе верна: что не доделала зимой, сполна возьмет весной или летом. Так оно и случилось. С начала марта зарядили дожди. Воды в Вахше резко прибавилось. Мощные его потоки устремились на искусственную перемычку перед входным порталом туннеля. Она оказалась под угрозой размыва: вода с силой ударила в перемычку, насосы не успевали ее откачивать.

С каждым часом положение становилось все более угрожающим.

Руководители строительства приняли решение остановить работу в туннеле, вывели оттуда людей. А Вахш свирепствовал, бурные волны уносили галечник, суглинок и камень перемычки. Надо было принимать срочные меры.

Мощные прожекторы с берега, едва пробиваясь сквозь завесу дождя, освещали небольшой пятючок земли, на который непрерывно прибывали машины, механизмы, строители. Было принято экстренное решение — наращивать перемычку перед входным порталом. Туда двинулись три десятка тяжелых самосвалов. Началась жестокая борьба за сохранение перемычки. В предотвращении катастрофы участвовали сотни строителей из разных подразделений: механики из управления механизации, прорабы строительного управления плотины, электрики с участка энергоснабжения, гидроспецстроевцы.

Натужно рыча, все шли и шли самосвалы. За какой-то час с небольшим была создана практически новая дорога для подъезда к перемычке. А из туннеля проходчики под руководством механика А. Кулаева вытаскивали строительные механизмы.

Создалась напряженная обстановка и на выходном портале туннеля. Подмыло трансформаторную подстанцию. Электрики подрезали провода — и едва успели. Крайний передвижной трансформатор рухнул в воду. Один из электриков, подстрахованный тросом, прыгнул за ним в бурную реку. Ему на помощь бросились еще двое. Главному инженеру строительства Д. Е. Никитину пришлось проявить всю свою сообразительность, чтобы оказать людям помощь и вытащить их из реки. Но спасли и трансформатор. Двое суток шла борьба со стихией, и люди победили.

Нужно уточнить: молодые люди. Иногда совсем юные. Более двух с половиной тысяч комсомольцев было среди нурекских строителей. Трудились они и на проходке туннелей, и на рытье котлованов, и на планировке первых улиц города, и на строительстве первых домов. Молодежь всегда составляла в Нуреке две трети коллектива строителей.

А как они работали! На проходке туннелей отличалось комсомольско-молодежное звено, в которое

входили Юрий Михеев, Алеша Игнатьев, экскаваторщик Александр Кислов, Анас Гапсаламов, Александр Быковский, Дмитрий Сапурин. Возглавлял это звено секретарь комсомольской организации «Гидроспецстроя» горный техник Владимир Таякин. Приехав в Нурек, он работал сначала в забое рядовым проходчиком, потом стал сменным мастером.

То, что Володя Таякин перешел на третий участок звеньевым, не было случайностью. На этом участке решили добиться, чтобы весь цикл — от бурения шпуров до крепления арок — осуществлялся за одни сутки. Это было очень непростой задачей. Но комсомольцы были уверены, что смогут с ней справиться. Руководство «Гидроспецстроя» поддержало молодых проходчиков, и они перешли на новый режим работы. Создали четыре звена, каждое на правах бригады. Во главе звеньев поставили самых опытных — Ф. Мороза, П. Шкурдникова, В. Таякина и М. Дикарева. Третий участок «Гидроспецстроя» успешно выполнил план полугодия, скорость проходки составила более 40 метров в месяц.

Особенно отличалось звено Михаила Дикарева. В 1962 году он пришел в отдел кадров и заявил: «Хочу строить туннели!» Его приняли в бригаду Федора Мороза. Миша освоил горнопроходческое дело быстро. Но он хорошо понимал, что мало иметь трудовой опыт, нужны знания. Поступил в политехнический институт. Учась на втором курсе, он представил инженерно обоснованные расчеты новой технологии проходки туннелей, из которых следовало, что можно проходить в месяц не 40, а до 80—100 погонных метров! Будучи студентом политехнического института, Миша увлекся философией и поступил на заочный факультет Ленинградского университета. В минуты перекуров в забое он штудировал учебник немецкого языка — мечтал читать Гейне в подлиннике. Несомненно, Мишу Дикарева ждала впереди большая, яркая жизнь, но трагический случай (он погиб во время работы) оборвал ее в самом начале. Когда в Нуреке будет создан музей трудовой славы, там среди самых известных героев уникальной нурекской стройки будет назван и Михаил Дикарев, который успел так много сделать за свою короткую жизнь...

Привычно и в то же время удивительно емко слово «мастер». Мастерство приходит обычно с возрастом, с опытом. Мне довелось встречать на своем пути много мастеровитых людей, но всегда наиболее глубокое впечатление производило это качество в людях молодых.

В те дни, когда завершалось строительство двух турбинных водоводов и мы готовились к пуску первого агрегата Нурекской ГЭС, возникла трудноразрешимая ситуация. Нужно было обеспечить работу одного водовода, а схема сооружений была запроектирована так, что второй турбинный водовод невозможно было отключить от первого. До пуска оставалось не более трех суток, а в горизонтальной части турбинных водоводов осталось еще около 40—50 тонн различных металлических конструкций, которые строители не успели демонтировать. По техническим же условиям поверхность водоводов должна была быть абсолютно гладкой. Вставал вопрос — как их оттуда вытащить? В турбинных водоводах оставались всего лишь небольшие люки для эксплуатационников.

Выход был один: разрезать весь оставшийся металл на куски весом не более 30—40 килограммов и извлечь через эти люки. Нужны были специалисты-газорезчики, требовались смелые, ловкие люди, которых не испугала бы работа в очень сложных условиях.

После обсуждения положения в штабе стройки пришли к выводу: нужно создать бригаду из добровольцев.

Среди газорезчиков был молодой парень по фамилии Ишустин. Он первым сноровисто пролез через люк, осмотрел все вокруг, подзарядил свой аппарат, каким-то чудом прилепился к стенке водовода и начал работать. Куски металла так и отваливались один за другим. Их только успевали подхватывать и вытаскивать наружу. Показательным было мастерство сварщика: ни одного лишнего движения!

Объявили перекур, Ишустин выбрался наружу, уселся в уголке, вынул из кармана сверток и начал перекусывать.

Я подсел к нему. Спросил:

— Давно, Саша, в Нуреке?

— Второй год.

— Откуда родом?

— Из Волгограда.

Начал расспрашивать, где он научился так искусно работать. Оказалось, что сварочное дело привлекало его давно. После школы пошел на завод. Там и стал сварщиком.

К вечеру, когда я вновь приехал к водоводам, Ишустин был еще там. Его хотели подменить, но он категорически отказался уходить.

Около 20 часов провел Александр в водоводе. Закончил работу уже под утро, часа в четыре...

Нурек был кузницей не только рабочих, но и инженерных кадров. Сюда съезжались молодые специалисты со всех концов страны — ехали выпускники институтов из Грозного, Куйбышева, Львова, Горького, Полтавы, Одессы, ехали опытные рабочие с Головной ГЭС из Туркмении, бригадир Король приехал в Нурек из Грузии, с ХрамГЭС, а механик его участка Иван Солдаткин — с Абакан — Тайшета. Все в Нуреке были «откуда-то». Из Братска и Дивногорска, из Темир-Тау и из Голодной степи...

Маркшейдера Анну Ивановну Кильдюшевскую в Нуреке называли «подземный штурман». Взобравшись на гору на том или другом берегу, можно было обнаружить зацементированные в скалы металлические штыри — реперы. Они обозначали определенные точки, по которым вычисляли высоту над уровнем моря, широту и долготу. Это были путеводные «маяки» при прокладке подземных лабиринтов. Но раньше так строили только очень короткие туннели. А такой великан, как первый строительный туннель, пришлось сооружать в несколько приемов: поначалу вели боковые подходные штольни — их было три, одновременно начинали вести проходку с обеих сторон, и во всех этих четырех отрезках вели проходку до встречи — до «сбойки». «Работаем с аптекарской точностью», — бывало, говорила Анна Ивановна. По нормативам допустимая «несбойка» — 16 сантиметров, а в наших туннелях погрешность была не более 16—18 миллиметров!

Анна Ивановна — ветеран Нурека. Она приехала туда в июле 1961 года и была единственным маркшейдером на все управление «Гидроспецстрой». И участковым, и главным. Работать приходилось по 12—16 часов в сутки. «Когда увидела проект, — вспоминала она, — он меня покорило сразу и навсегда!»

Позже с разных концов страны съехались в Нурек другие специалисты-маркшейдеры. Собралось их под начальством Кильдюшевской в новом отделе 14 человек. Были тут и люди с опытом, и молодые специалисты, только что получившие дипломы. Но всем им нужно было приобретать новые навыки — навыки работы в условиях Нурека, где они вели туннели больших сечений и большой точности. А вся ответственность ложилась на плечи Анны Ивановны Кильдюшевской. Работали и вычисляли все вместе, но потом, поздней ночью, чтобы не обижать коллег, она садилась снова за стол и проверяла все расчеты.

Женщины, проработавшие на подземных работах свыше 7 лет, имеют право ухода на пенсию в 45 лет. За плечами Анны Ивановны — более 20 лет работы на подземных выработках. Но она и не думала о пенсии.

Нелегко сложилась у нее личная жизнь. Муж погиб в 1943 году в боях на Орловско-Курской дуге. Осталась с малолетним сыном на руках. После войны встретила человека, полюбила, вышла замуж. В 1949 году потеряла и его. Второму ее сынишке было около двух лет. Но никакие удары судьбы не смогли сломить эту мужественную женщину!..

Ко времени перекрытия Вахша разительно изменился Нурек. Каждое утро по его центральной улице — проспекту имени Ленина и по узким, кривым улочкам бывших кишлаков Лангар, Диссабур, где располагались наши строительные, так называемые палаточные, городки, идут на работу проходчики, бульдозеристы, экскаваторщики, электрики, шоферы, слесари, монтажники, взрывники. Ушла тишина из глухого горного кишлака. Днем и ночью грохочут в Пулисангинском ущелье взрывы — мощные, гулкие, раскатистые. Они давно уже стали привычным фоном всей жизни.

Вот тянется по дороге колонна автомашин. И вдруг встала, замерла. Чумазая братва-шоферня, кляня задержку, вылезает из душных кабин поразмять ноги, покурить, а заодно «почесать языки». Причина остановки — люди с красными флажками, оцепившие местность и запретившие движение. Это взрывники, или, как говорят в Нуреке, «люди Бахтина», начальника взрывных работ. Приходится ждать, пока где-то

далеко в стороне взвевается столб камня и пыли, прогремит взрыв и люди с флажками исчезнут с дороги.

В незапамятные времена, когда еще на месте Средней Азии было разлито море, в береговой его части откладывались пески и различные наносы. С течением времени они превратились в песчаники и породу, называемую алевролитом, из которой и состоят в основном горы вокруг Нурека и которую ничем, кроме взрыва, не возьмешь.

Когда приблизишься к створу плотины, первое, что замечаешь,— это как из подходов штолен один за другим выныривают самосвалы, доверху груженные горной породой, и сваливают ее в Вахш. А на вершине горы экскаваторы — они работают на прокладке новых дорог, ведущих к гребню будущей плотины. Строятся дороги и к другим горным выработкам, к будущим объектам ГЭС. Метр за метром строители продвигаются вперед. С огромными усилиями они подбираются к проектным отметкам. Дороги эти — стартовая площадка в наступлении на Вахш. Отсюда, с большой высоты, мощные автосамосвалы сбросят вниз десятки миллионов кубометров горных пород.

Как уже упоминалось, общий объем перевозок на строительстве Нурекской ГЭС был огромен, а поэтому вопросы, связанные с состоянием дорог и использованием автомобильного транспорта, имели чрезвычайно важное значение.

При возведении крупной земляной плотины надо разработать, как говорят строители, материал в карьерах, доставить его в плотину, распределить по плотине, уложить с соответствующим уплотнением и, наконец, проверить качество этого уплотнения. Вот пять основных операций, которые выполняют строители при возведении такого рода плотин.

Главная из них — доставка материала. При засыпке такой плотины, как Нурекская, мы пользовались, образно говоря, «чайными ложками», хотя речь идет о 27-тонных самосвалах.

В чем недостаток автомобильного транспорта? Прежде всего в том, что он требует хорошей дороги. В Нуреке почти полуметровый бетон, уложенный на более или менее укатанном основании, БелАЗы превращали буквально в мешанину уже через 10—12 месяцев. И если бы этот бетон не был защищен асфаль-

тобетонным покрытием еще на 20—25 сантиметров, то наши дороги на грузки не выдержали бы.

Следует сказать, что в специфических географических условиях Нурека вопрос наведения дорог стал одним из самых сложных во всем комплексе проблем строительства ГЭС. Для того чтобы повысить производительность труда тяжелых самосвалов, необходимо было организовать кольцевой проезд транспорта — проезд нужно было делать односторонним. Но при этом возникали дополнительные сложности. При высоких темпах отсыпки плотины расстояние между машинами настолько уменьшается, что вступает в противоречие с техникой безопасности, с правилами дорожного движения. На многих участках горной трассы обгон был невозможен, и потому нередко скорость передвижения транспорта диктовал наименее опытный водитель.

Очень трудно было и содержать дороги. Если летом в Нуреке не поливать дороги через каждые полчаса, то пыль настолько густая, что водители не видят впереди идущий транспорт. Мы быстро убедились, что мазутные, масляные и все прочие поливы дорог не приносят пользы. Поливать нужно только водой, хотя в этом случае качество покрытия резко ухудшается, увеличивается тормозной путь, возможны случаи заноса автомобилей. Время от времени дороги нужно не просто поливать, но и промывать. Материал, особенно суглинок, неизбежно выпадающий из кузовов машин, при увлажнении превращается в жидкое тесто. И его можно смыть только сильной струей воды. Поэтому летом ежемесячно лишь для полива дорог выделялось не менее четырех автомобилей БелАЗ, переоборудованных в водовозы, а также семь-восемь автомобилей КраЗ, имеющих систему напорного полива. Перевозка воды в Нуреке, таким образом, исчислялась сотнями тысяч тонно-километров, что по объему сравнимо разве что лишь с завозом материала для плотины.

И последнее обстоятельство, которое нужно было постоянно учитывать, — это зависимость автотранспорта от метеорологических условий, а они в Нуреке чрезвычайно сложные. Водителям приходилось работать, когда в кабине было от 40 до 50 градусов тепла. Выдерживал человек, но не выдерживала машина — перегревалась.

На строительстве Нурежской ГЭС было немало пер-
воклассных водителей большегрузных машин. Среди
них — Анатолий Степанович Дудлин, взявший на себя
обязательство выполнить восьмую пятилетку в три
года и сдержавший слово. За трудовые успехи он был
награжден орденом Трудового Красного Знамени.
Однако справедливости ради надо отметить и другое:
все в Нуреке, в особенности на базе тяжелых машин,
или БТМ, как сокращенно ее называли, считали, что
Дудлин — фигура своеобразная. Действительно, ветер-
ан стройки, человек колоссальной работоспособности,
он был малообщительным, почти не принимал участия
в общественной жизни.

Зато очень любили на БТМ другого ветерана строй-
ки, водителя первого класса Федора Сычева. Он поль-
зовался в среде шоферов большим авторитетом. Хоро-
шо знал машину, обучил своему искусству многих мо-
лодых ребят.

Был известен на базе и водитель-таджик Курбомод
Ходжалиев. Относились к нему с особым уважением.
Один из первых местных жителей, севший за баранку
такой махины, как БелАЗ, он и сам быстро освоился,
и немало земляков подготовил, «отстажировал» на
своей машине. За прямоту характера, честность и от-
крытость водители неоднократно избирали его членом
партийного бюро. Общественных поручений у него
всегда было много, но не помню ни одного случая,
чтобы он на это пожаловался.

Хорошо знал я и водителя Валерия Малых. Уже
после того как я уехал из Нурека, у меня завязалась
с ним оживленная переписка. В письмах Валерия
четко проявляется его рабочая сообразительность,
умение мыслить по-государственному:

«Здравствуйте, Павел Иванович! Не отвечал на
ваше письмо, хотел дождаться пуска шестого гидроаг-
регата, потом ответить. Мы со своей задачей справи-
лись. Сейчас отсыпает нижний бьеф плотины. На верх-
ние отметки почти не возим. Вчера, то есть 14 декабря
1977 года, была пробная прокрутка агрегата. 19-го пу-
стим. Пусковой накал спал. Многие организации, в том
числе и мы, перешли на нормальный график, с выход-
ным воскресеньем. Просто не верится, что у нас будет
выходной! Надолго ли? Ведь последние полтора года

на каждое воскресенье — приказ. Люди очень устали. Да и летом были ограничены отпуска...

Вы спрашиваете, в чем секрет успешной работы экипажа водителей? Нужны взаимопонимание и уважение друг к другу. Вот у нас в экипаже заведено так: лучше я отремонтирую машину, а напарник пойдет на линию. И каждый из нас думает так, а потому машина всегда исправна. Основное, конечно, — это отличное знание и понимание техники. Мы заранее чувствуем, когда выйдет из строя тот или иной агрегат. За день, за два до этого его меняем или ремонтируем, это сокращает простои из-за неисправности. Даже наши ветераны (некоторые) не могут подобрать себе экипажа. Такие люди думают только о своем рубле. Чем длиннее, тем лучше. Получается так, что рвач ищет рвача. И находит. Как правило, у них машины работают без ремонтов гораздо меньше, чем можно. Машину-то некогда качественно отремонтировать, рейсы нужны, деньги! Такие, к сожалению, еще есть. По этой причине многие агрегаты не «выхаживают» установленного срока. А наказаний за несвоевременный вывод агрегата из строя нет. Вот и получается, что 3—4 двигателя и столько же коробок передач у нас приходится в год на «списочный» автомобиль.

Что касается причин текучести кадров — вопрос очень сложный, вряд ли смогу исчерпывающе на него ответить.

Что говорят цифры? За одиннадцать месяцев этого года к нам на базу устроилось около 750 человек, но почти столько же и уволилось. Какие же убытки несет государство из-за текучести! На «белазиста» нужно учиться даже опытному водителю минимум полгода, а начинающему — целый год. Возьмем простого «вербовочного» водителя. Первое, что ему покажут, — это расчетную книжку А. С. Дудлина. Заработок 600—700 рублей! Но никто ему не скажет, что эти деньги заработаны за 45 смен! Обещают квартиру. Человек едет, надеется. И вот приехал, устроился на работу. Дают ему машину 3-й категории — бесхозную, наполовину разукомплектованную. Что в итоге? Заработка — нет, скорого жилья — тоже. Поживет в общежитии, помучается и уезжает. Давно замечено: кто продержится первые полтора-два года, тот остается на стройке надолго, работает. Почти естественный отбор!..»

Нурекская стройка собирает вокруг себя людей с разными характерами, с разным отношением к жизни, здесь в том, чтобы привести их всех к единому знаменателю — полной отдаче сил, знаний, умения всякого общему делу. И в том, что нам это во многом удавалось, большая заслуга таких людей, как Валерий Малах, Усехи в строительстве Нурекской ГЭС во многом зависели от толковых, высококвалифицированных специалистов-руководителей. Кардовыми вопросами немало приходилось заниматься горному. Какие основные критерии при выдвижении руководителей? Одаренность, творческий и организаторский потенциал человека, перспективность. Немало ущерба приносит людям, выдвинутые на руководящие посты по совершенно иным мотивам. А это бывало. Да и сейчас бывает. Один — «менекклатурный», у человека, мол, большой опыт, пусть трудится. На все ловоды о профессиональной непригодности ответ один: «Большой опыт руководства». Выходит — дело само по себе, а руководство само по себе?

Бывает, защита некоторых руководителей, говорят: «Что вы, товарищи, от него требуете? Человек у нас недавно, вот присмотритесь, притрется как следует, тогда и начнет обороты наращивать». Или: «Так ему же, товарищи, тяжело, не успевает. Больше помогать надо!»

С этим можно согласиться. Но только в случае, если работник действительно способный. Тогда не жаль ни времени, ни труда, рано или поздно опыт придет, человек овладеет навыками организатора, навыков хозяйственного или партийного руководства. Но тут имеет место нечто общее с андреево-жакостинским методом, отставшему от жизни, бездельному, безответственному. А подобное отношение еще, к сожалению, бывает. Такой руководитель не обязательно развалит порученное дело, возможно, даже и не затормозит, но и вперед его не продвинет. Дело вернется по инерции, без его вмешательства. Иной раз, глядя на такого, думаешь: «Эх, здесь бы инстинктивному человеку сидеть, как бы оно пошло, дело-то!»

А есть руководители иного темперамента: светятся,

проявляют «кипучую» деятельность, без конца «информируют» вышестоящих товарищей о том или ином деле, которое они «провернули» «по вашему указанию». Такой «энергичный» руководитель только и знает, что теребить подчиненных бесконечными указаниями и распоряжениями, работать же самостоятельно не может...

Мы привыкли считать копейку. Каждый хозяйственник анализирует доходы и убытки. Снижение себестоимости, экономия материальных и денежных ресурсов, рентабельность — все поддается точному учету. Но ни самый опытный бухгалтер, ни даже совершенное счетно-решающее устройство не определяют меру морального и материального ущерба, который наносят подобные руководители.

Насколько быстрее мы могли бы решить конкретные задачи по строительству Нурекской ГЭС и города Нурека, если бы руководство общественной и производственной жизнью во всех ее звеньях велось на строгой научной основе! Нередко на бюро, на пленумах горкома, на заседаниях горисполкома, на планерках в управлении строительством мы возвращались к этой теме — эффективность руководства. В правильном, умном руководстве — ключ к решению многих задач. Ведь цель зачастую может быть достигнута не затратами крупных материальных ресурсов, а продуманной расстановкой сил, точной координацией своих и субподрядных служб.

Как-то в управлении «Гидроспецстрой» и управлении по сооружению здания ГЭС партбюро распространило среди рабочих и служащих анкету: «Какие черты характера вы цените в вашем руководстве? Требования. Справедливость. Культурность. Умение находить общий язык с рабочими. Доброжелательность. Большой практический опыт. Каких качеств вы ждете от вашего руководителя?» Результаты опроса дали интересный материал для раздумий. В одном из коллективов рабочие в подавляющем большинстве высказали пожелание, чтобы их руководители обладали всеми без исключения перечисленными качествами. В другом на первое место поставили умение найти подход к человеку, внимание, чуткость.

Именно такие руководители и задавали тон в строительных коллективах Нурека...

1963 год стал годом рождения Нурекского горкома партии. Все вопросы партийно-организационной работы отныне можно было решать в самом Нуреке. Огромная строительная база, располагавшаяся и за пределами Нурека, была подчинена теперь Нурекскому горкому.

Аппарат горкома партии был небольшим. При его создании руководствовались главным принципом — подобрать людей деловых, знающих специфику партийной работы, знакомых с производством. И это в основном удалось.

Круг деятельности партийных комитетов всегда был широк, а в современных условиях особенно. Как спланировать работу, чем заняться в первую очередь, в чем суть основной работы с кадрами, с партийным активом, как развивать критику и самокритику? Десятки сложнейших вопросов приходится ежедневно решать партийному работнику. Ему необходимо много знать, глубоко разбираться в капитальном строительстве, производстве, экономике, технике, а главное — в людях.

13 января 1963 года состоялась первая городская партийная конференция. После отчетного доклада парткома стройки, с которым я выступил перед делегатами, начались прения. Выступления были острыми, принципиальными, справедливыми. Многие в них совсем не ласкали мой слух. Не отрываясь от бумаги, я писал и писал, фиксируя многочисленные предложения поднимавшихся на трибуну ораторов. Учеба партактива. Наглядная агитация. Кружки партийного просвещения и вечерний университет марксизма-ленинизма. Учеба молодежи в вечерней школе, в политехническом институте, в энергостроительном техникуме. Рост рядов КПСС и работа с молодыми коммунистами. Подготовка кадров хозяйственных работников. Строительство жилья и улучшение условий для культурного отдыха трудящихся. Озеленение города, работа в общежитиях. Говорили, конечно, и о самом важном: о дальнейшем развитии строительства, о производственных неурядицах, о внедрении НОТ.

Выступавшие словно бы спрашивали партийных работников: нашли ли вы свое место в сложном, бурлящем коллективе строителей, не утонули ли в текучке, мелочах, сумели ли отыскать самое главное? Ведь пер-

вый долг партийных руководителей — вникать в жизнь людей по существу, не отделяться постановлениями и протоколами. Городская партийная конференция еще раз направила о главном в работе — добиваться крепчайшей связи с народом...

Вспоминая годы работы в Нуреке, долгие годы тревог и надежд, торжества и бессилия, растерянности и веры, я заглядываю в свой старый дневник и в который уж раз перелистываю его испещренные записями страницы...

«4 сентября 1962 года. Состоялось расширенное заседание парткома по вопросу жилищного и культурно-бытового строительства. Разговор был долгим. Все больше ощущаю необходимость постоянно быть среди людей, знать рабочих в лицо, по имени и отчеству. К сожалению, многие хозяйственники и особенно такие, как начальник и главный инженер СУ, прорабы и мастера участков находятся от людей после трудового дня на почтительном расстоянии. Изменить это положение — одна из первоочередных наших задач...

5 сентября. Обсудили вопросы идеологической работы на общем партсобрании. Выступления в основном боевые, довольно откровенные. Хорошо.

16 сентября. Был на створе. Познакомился с экскаваторщиком Мальцевым Андреем Владимировичем, депутатом Верховного Совета Узбекской ССР. Неспokoйные люди, эти строители. Жил в Узбекистане, неплохо зарабатывал, был обеспечен всем необходимым. Но услышал про Нурек, не утерпел, приехал...

16 ноября. Профсоюзная конференция. Откровенный, нелицеприятный, смелый, резкий разговор обо всем. И — никаких авторитетов! «Кроют» начальника строительства, его заместителя, вообще начальство. Интересно, когда слушаешь выступления рабочих, сразу становятся ясны недостатки и упущения. И сразу бросается в глаза нередкое еще расхождение наших слов с делами. Действительно, пустяковые вопросы решаются неделями. Например, за добрый десяток дней не могли обеспечить баню вениками, месяцами не выполняются заявки на табуретки, платяные шкафы. Скверно работает вся служба быта и торговли...

26 февраля 1963 года. Партийно-хозяйственный актив управления «Нуректаджикгидрострой». В Душан-

бе, в Театре имени В. Маяковского, собрались строители Нурека, Головной и Центральной гидростанций, домостроители Душанбе и Орджоникидзеабада. С докладом выступал К. В. Севенард. Актив показал всю боеспособность гидростроителей республики.

Штукатур Наталья Алексеевна Карнаушенко. Сколько в ней огня, силы и удивительного беспокойства за дела в Нуреке! Красивая душой, смелая женщина. Государственный ум!..

14 июля. В Нурек приехал заслуженный деятель искусств Азербайджанской ССР С. Салим-заде. На встрече с нурекчанами подарил им три картины. Его примеру последовали художники Хошмухамедов и Фуфугин. Вот он и заложен — первый кирпич в будущий музей изобразительного искусства в Нуреке...

22 июля. Состоялся первый городской слет бригад, борющихся за звание коммунистического труда. Зал был переполнен. Ясно ощущаю, как коллектив становится на ноги. Повышается дисциплина, люди все теснее группируются вокруг горкома партии. Выступления деловые, конкретные...

1 января 1964 года. На редкость теплый ясный день со снежком. Гуляли с женой по городу. Нурекчане приветливы, радостны. Важно расхаживают дружинники. За весь день доставлены в милицию только двое пьяных. Это несомненно результат работы партийной и комсомольской организаций, всего актива строителей...

11 января. В Нуреке перебои с отоплением. А сантехники уверяли, что все будет в порядке. Говорили об этом не раз на планерках. А что в результате? Решили создать чрезвычайную комиссию по наведению порядка с котельным хозяйством во главе с главным механиком строительства Л. П. Файнбергом. Посмотрим, что получится. Файнберг взялся охотно и горячо...

21 июня. Сессия городского Совета. Избран новый председатель — Б. Ш. Шукуров. С почетом проводили Карима Мирзалиева. Он назначен управляющим делами ЦК КП Таджикистана...

Нурек обретает свое лицо. Но многого еще не хватает. Например, нужен срочно стадион. Молодежь бьется за это, требует. Во главе этого дела Марк

Луньков, член бюро горкома. Без хороших активистов было бы невозможно работать.

4 октября. Василий Дегтярев сколотил бригаду из коренных нурекчан. Учит их премудростям строительного дела, и они уже делают успехи. А сам может две смены подряд работать, если нужно. Рабочие его любят, и это, конечно, хорошо. Но вот две смены прогулял, ночь не был дома. Сорвался. Почему? Говорят, в семье нелады...

Мало знаем людей, мало их изучаем. Парторгам надо над этим ой-ой как задуматься. Научились создавать общественное мнение вокруг различных проступков. Еще больше научились громить с трибун собраний нерадивых деятелей, иной раз громить без разбора. Это не так уж трудно, здесь не требуется большого ума. А надо больше умения и деликатности для того, чтобы выискать в человеке светлое, доброе. Это тонкое искусство, но им обязан владеть каждый партийный работник. Надо разобраться с Василием...

10 ноября. Партийному руководителю доверена самая ответственная, самая важная работа — работа с людьми. Святая святых его деятельности — увидеть настоящего человека, суметь показать его другим так, чтобы люди поняли: вот кто лучший из лучших, на кого следует равняться! А еще важнее растить таких людей, делать все для того, чтобы «огонек» инициативы, новаторства разгорался у них в пламя высокой гражданственности и трудового патриотизма. Есть ли у нас в Нурекѐ такие? Есть, и немало.

21 ноября. Опять в Нурекѐ горячая пора. Начался отопительный сезон, а с отоплением срыв. 4 ноября разбирались с этим на бюро. Строго предупредили главного инженера сантехников Елисеева и начальника СУ ГЭС Деговцева. Положение, однако, мало изменилось.

Вновь собрали бюро. Резкая постановка вопросов возымела действие. Сегодня объезжали котельные. Почти порядок. Да, не перевелись еще «обещалкины». Мало бить себя в грудь и обещать. Надо уметь выполнять не только партийные решения, а и свои обещания. Нельзя терпеть производственную «хлестаковщину», мириться с пустыми обещаниями и поспешными заверениями.

11 декабря. Часто приходится видеть, как над чертежами сложных сооружений Нурека вместе со специалистами склонились и наши рабочие, ведут разговор на равных с главным инженером строительства, директором ГЭС. Какими же разносторонними знаниями должен обладать сегодняшний рабочий человек!

Сегодня машинисты скальных экскаваторов — люди с десятилетним или специальным техническим образованием, и это уже обязательное условие. Монтажники и особенно наладчики турбин и гидроагрегатов — специалисты высшей рабочей квалификации. Человеку без образования там просто делать нечего. Это не просто рабочие, это рабочие-инженеры. И партийный работник должен уметь раскрыть характер такого рабочего, отмеченный приметам современной эпохи, нашего героического времени.

17 января 1965 года. Прошла III городская партийная конференция, а вместе с нею отошли в прошлое заботы, беспокойства, хлопоты, бессонные ночи, связанные с подготовкой и проведением конференции. Отчет, кажется, получился. Острые углы не сглаживал, о недостатках не умалчивал, говорил прямо, без хитростей. Досталось и руководителям горисполкома за срывы в торговле, и директору совхоза за плохое обеспечение строителей ранними овощами, и заведующему гороно за плохую подготовку школ к учебному году. Виктор Емельянович Новичков, заместитель председателя Совета Министров республики, обратил внимание на неудовлетворительное качество строительно-монтажных и особенно отделочных работ на объектах гражданского и культурно-бытового строительства, на низкие темпы возведения подземных сооружений. Наставили «синяков» и мне. И правильно. Недаром поговорка гласит: «Друг скажет прямо, а недруг промолчит или похвалит».

Члены горкома вновь выдвинули мою кандидатуру на пост первого секретаря...»

Партийная работа в строительных коллективах имеет свои особенности, связанные со спецификой труда. При возведении промышленных предприятий и объектов на стройке заняты тысячи людей, входящих в подразделения различных министерств и ведомств.

На объектах работают одновременно или поочередно бригады бетонщиков, проходчиков, арматурщиков, каменщиков, плотников. Коммунисты из этих бригад входят в парторганизации отдельных строительных управлений. В целях создания нормального режима партийной жизни на объектах создаются временные партийные группы. В этих условиях на партийную организацию стройки ложится серьезная ответственность за концентрацию сил на главных направлениях строительства. Силами какого-либо одного строительного управления тут дела не решишь — нужно постоянно видеть общую цель, чувствовать плечо товарища-смежника.

Образование в Нуреке городского комитета партии позволило сконцентрировать общие усилия, быстро и правильно определять главные направления.

Чтобы сосредоточить усилия коммунистов на главных направлениях, горком проводил общие собрания актива, на них определялись конкретные задачи, вскрывались недостатки. После таких собраний коллективы бригад и участков всегда лучше ориентируются в делах, видят сильные и слабые стороны своих «смежников», а партийная организация стройки, претворяя в жизнь заповедь «строить быстро, хорошо и дешево», получает возможность проводить в массах большую организаторскую и идейно-воспитательную работу, направленную на выполнение государственных планов и социалистических обязательств.

Как правило, на стройке хуже, чем на заводе, организация труда. Здесь чаще перекуры, длинные обеденные перерывы. На стройке, к сожалению, все еще много простоев, прогулов, невыходов на работу.

Как-то приехал я в бригаду Геннадия Трегубова, которая монтировала крупнопанельный дом. Время около одиннадцати часов дня, а на объекте тишина: стоит без движения башенный кран, крановщица спустилась вниз, читает книгу, а бригадир с пятью монтажниками в тени под деревом выясняют отношения с мастером. Трегубов — отменный специалист, ветеран стройки, член горкома партии.

Спрашиваю:

— Почему стоите?

Геннадий Трофимович, кивая на мастера, сердито отвечает:

— Известное дело почему. Работаем по принципу: Ванька дома — Петьки нет, Петька дома — Ваньки нет!. Неделю простояли потому, что не подвозили межпанельную прокладку. Теперь подвезли столько, что на два таких дома хватит.

— А почему же опять стоите?

— Другая причина появилась. Надо заканчивать монтаж второго этажа, нужны панели, а нас заваливают конструкциями четвертого, последнего, этажа. Вот и придется дом сдавать под отделку только месяцев через девять-десять, а то и позже. Ребята нервничают, злятся на мастера, на бригадира, на все начальство...

— Ну а как с заработком?

— Мастер натягивает нам среднюю, — нахмурился Трегубов. — Подходишь к кассе за получкой, стыдно кассирше в глаза смотреть!..

Да, к сожалению, подобные явления еще нередки. В чем же причина? В головоотяпстве и неорганизованности диспетчерской службы, производственных отделов строительных подразделений? А может быть, иные ответственные работники не умеют дорожить минутой?

Потеря одной лишь минуты в день каждым рабочим в условиях Нурекской стройки была равнозначна невыходу на работу двадцати человек. За минуту на такой стройке грузится, вывозится и укладывается в плотину до 17—20 кубометров грунта, вырабатывается и кладется до одного кубометра бетона, в разные конструкции устанавливается до двухсот килограммов арматуры.

Работники горкома выяснили, что в некоторых строительных подразделениях каждый рабочий в течение года теряет в среднем 20—25 рабочих дней, половина из них — в результате дополнительных отпусков и по болезни. Эти выводы нас насторожили.

Мы создали комиссию и провели выборочную проверку пятидесяти человек. Оказалось, что половина из них действительно нуждаются в лечении и тщательном медицинском наблюдении. Были и такие, что получили травмы, связанные с нарушением техники безопасности. Остальные же страдали особой болезнью — она давала о себе знать после аванса или

получки. Один из таких «больных», 33-летний холостяк Михаил Калинович, разоткровенничался:

— Вкальваю на совесть дней двадцать в месяц, остальные — мои. Зарабатываю по 350—370 рублей, да еще прихватываю на стороне сотню-другую, так что всегда при деньгах. А в магазинах коньяк и водка, колбаса, сыр и хлеб не переводятся. С семьей не живу, вот уже три года как разошелся. Детям посылаю деньги, как положено. Врачи у нас в поликлинике хорошие, внимательные. Измерят давление, а оно у меня после капитальной попойки всегда сто девяносто на сто. Гипертония, значит!..

Обобщенные материалы комиссии были предметом принципиального разговора в горкоме партии с участием командиров подразделений и всего врачебного «корпуса». Особый разговор, в котором принял участие министр здравоохранения Таджикистана И. А. Саженин, состоялся и с медиками.

Речь шла о выдаче больничных листов «Михаилам Калиновичам». Имея профсоюзный стаж более 8 лет, такие горе-работники ничего не теряют. Пей, гуляй, все равно в день получки в ведомости сумма зарплаты твоей будет такой же, как тогда, когда ты работаешь.

Изучили мы вопрос и о дополнительных отпусках. Было установлено, что иногда они давались без обоснованных причин, без всякой в том надобности. Выяснились курьезнейшие факты. Одна работница участка энергоснабжения два года подряд брала к отпуску еще по месяцу для выезда в другой город с целью ухода за тяжелобольной матерью, которая, как оказалось, пребывала в прекрасном самочувствии, чем и поразила всех, приехав как-то в Нурек. Когда сослуживцы этой работницы на вечеринке, созванной по случаю приезда матери, спросили гостью о здоровье, она ответила, что за свои сорок шесть лет еще не узнала, какого цвета больничные листы.

В другом случае дипломированный сварщик, монтажник высокой квалификации, имея собственную легковую автомашину, во время дополнительного отпуска разъезжал по Таджикистану в поисках «левого» заработка.

Когда в городском комитете партии был накоплен большой материал, мы созвали хозяйственных руководителей, секретарей партийных организаций и пред-

седателей построечных, заводских и местных комитетов, чтобы выслушать их объяснения и посоветоваться о мерах борьбы с этим злом. Суждения были самые разнообразные. Одни искренне считали, что, для того чтобы бороться с потерями рабочего времени, нужно наказывать виновников рублем — делать вычеты из зарплаты, «резать» премиальные. Другие ратовали за то, чтобы сокращать нерадивым отпуска, ввести отработку за прогул в выходные и праздничные дни. Третьи предлагали еще более «оригинальные» варианты — прогульщикам и пьяницам выдавать зарплату не из общей кассы и не в дни общей получки. Открыть для них особую кассу. Эта касса должна быть сколочена из досок, покрашена черной краской, а на ней висели бы фотографии забулдыг. Кстати, такие меры кое-где уже практиковались, хотя они противоречили трудовому законодательству.

Некоторые командиры производства, не имеющие достаточного опыта, настаивали на дополнительных дисциплинарных санкциях, пренебрегая законодательством о труде, а сами не употребляли даже имеющуюся у них в руках власть. Самое строгое наказание для работника — увольнение из подразделения — они считали неэффективным, ибо по собственному опыту знали, что уволенный из-за нехватки рабочей силы тут же находит место в соседнем подразделении, благо, что его не трогают, не выгоняют из квартиры, которую он получил по месту бывшей работы. При этом хорошо известно, что заменить уволенного не так просто. Вот и получается, что администратор, прибегнув к крайним мерам, наказал себя, собственное управление!

Где же выход? Как вести борьбу со злостными нарушителями трудовой дисциплины, борьбу за экономию рабочего времени?

На участке «Спецгидроэнергоремонт» разработали комплексный план — о нем рассказали секретарь партийной организации Лев Кузьмич Комков и начальник участка Юрий Михайлович Инюшин.

Весь участок работал по бригадному методу. Новичков принимают только по согласию всего коллектива бригады. Бригада сама решает, как поощрить отличников производства, как наказывать нарушителей трудовой и общественной дисциплины. Получить но-

вую квартиру или улучшить жилищные условия можно только с ведома бригады. Не случайно поэтому дисциплина в этом подразделении всегда была на должном уровне. Отсутствовали прогулы и опоздания. Производительность труда — одна из самых высоких в системе всесоюзного треста «Спецгидроэнергоустановка». Если первый агрегат был собран и поставлен под промышленную нагрузку за три месяца, то последний, девятый, всего за тридцать с небольшим дней.

Комиссия горкома также установила, что иные хозяйственники «стригут купоны» с прогульщиков, используя их «долг» производству в своих целях. В самые напряженные дни, когда надо «тянуть» месячный или квартальный планы, они, эти учтенные и неучтенные прогульщики, зная за собой вину, безропотно отработают «долг», не посчитаются со временем, не потребуют доплаты за сверхурочные. Ради этой «выгоды» иной раз делались поблажки прогульщикам, утаивалось подлинное количество прогулов.

О том, что потери рабочего времени иногда скрываются линейными инженерно-техническими работниками, мы в горкоме знали. Поэтому в условия соревнования подразделений стройки за получение переходящего Красного знамени горкома партии и горисполкома был введен пункт: «Прогулы целосменные и вообще прогулы». При равных хороших показателях соревнующихся коллективов предпочтение отдавалось тем, у которых было меньше прогулов.

Вскоре мы заметили, что положение с трудовой дисциплиной начало заметно улучшаться. Однако бывало и так, что, стараясь получить переходящее Красное знамя, кое-кто шел на обман бюро горкома партии, утаивал подлинное количество прогульщиков. За это мы строго наказывали.

Люди всегда видят грубые нарушения трудового законодательства со стороны администрации, поэтому какая-то часть нерадивых работников не считала и себя обязанной строго соблюдать правила трудового распорядка. Они заявляли, что если руководство не выполняет свои обязанности перед рабочими, оговоренные трудовым договором, то оно теряет моральное право строго требовать этого и от рабочих.

В этом была своя логика. Значит, нужно было сделать выполнение администрацией коллективного до-

говора таким же обязательным, как и соблюдение трудового законодательства всеми работниками...

Нурекский горком с первых дней своего существования возглавил борьбу за наиболее эффективное использование рабочего времени. Ведь рабочая минута, рабочее время — это категория, как известно, не только материальная, но и нравственная.

Для того чтобы бороться с простоями, мы попытались их внимательно проанализировать.

По нашим наблюдениям, наибольшие потери времени бывают, как правило, в начале смены и в последний ее час.

Рабочая смена у проходчика начинается вовремя, если у него есть воздух, транспорт для вывозки взорванной породы, погрузочные механизмы, крепеж. Не будь хотя бы чего-то одного в начале смены — простой неминуем.

Экскаваторщики часто простаивают из-за того, что отключена электроэнергия или нет транспорта, который подвозит их к месту работы. Рейсовые или ведомственные автобусы высаживают рабочих далеко в стороне от рабочего места из-за невозможности подъехать к нему. В жаркое летнее время по горным тропам трудно добираться машинисту до своего экскаватора. Поэтому вполне целесообразно в условиях большой стройки иметь служебные мотоциклы, мотороллеры или в крайнем случае мопеды для индивидуального пользования.

Объем Нурекской плотины — 52 миллиона кубометров. Весь галечник, камень, суглинок и фильтровые материалы завозились автосамосвалами МАЗ-25 и БелАЗ-540. Эти машины сжигают за смену большое количество дизельного топлива и масла. Закономерным было требование водителей тяжелых автосамосвалов организовать дозаправку не на основной базе горюче-смазочных материалов, а на ходу — на линии или в местах погрузки и разгрузки перевозимых материалов. Осуществить такие требования было трудно, так как специальных заправщиков горючим и техническим маслом с большой емкостью цистерны не было. Их автомобильная промышленность не выпускала. Местные умельцы приспособляли для этой цели списанные автосамосвалы, к кузову которых приваривалась емкость собственной конструкции.

Большие потери времени из-за тяжелого транспорта и из-за невыносимой жары. В летнее время температура в кабине самосвала доходит до 50 и выше градусов по Цельсию. Шоферы нередко сидят за рулем в плавках и босоножках, а вместо традиционной строительной каски на голове у них сомбреро или соломенная шляпа. И приходится простаивать, давая двигателю охладиться.

Не поддаются никакому учету потери времени теми работниками, кто не приобрел нужного опыта, сноровки, ловкости, не обладает минимально необходимой оперативностью и организованностью.

Например, те же водители тяжелых самосвалов. Было не более 25—30 процентов таких, кто мог трудиться высокопроизводительно. Остальные работали ни шатко ни валко. И дело тут совсем не в лени, не в отлынивании от работы. Просто многие водители, работавшие ранее на легковом транспорте, на автобусах и грузовиках малой грузоподъемности, сев за руль тяжелого самосвала, терялись. Это понятно, ведь груженный БелАЗ на горной дороге — это не ЗИЛ-130 или ГАЗ-24.

Известно, что в системе Министерства гражданской авиации существует непреложный закон: прежде чем экипажу ИЛ-18 пересесть на современный лайнер ТУ-154 или ИЛ-62, его доучивают или переучивают. Не всегда подобное делается на современной крупной стройке, где работают БелАЗы-540. Частенько шофер с автомашины с бензиновым двигателем прямо пересаживается на современный крупный самосвал, работающий на дизельном топливе. Ну и, естественно, ему с ним трудно управиться. А жаль, так как потери рабочего времени, издержки производства в данном случае очень велики. Только в системе Минэнерго работает более 3 тысяч БелАЗов, и далеко не все экипажи укомплектованы хорошо знающими эти машины водителями.

И что еще бесспорно: для работы на дизельных автомашинах с большой грузоподъемностью шоферов надо не набирать, а отбирать. Это должны быть мужчины с отличным здоровьем, с крепкими нервами, прекрасно знающие технику...

К числу эффективных мер, снижающих потери времени, относятся и организационные улучшения в работе столовых и буфетов.

В специфических условиях гористой местности очень трудно найти место «привязки» вместительного предприятия общепита. Вот и получается, что в крохотной столовой на 50—70 мест обедают до 500 человек. Создается толчея, нервничают и посетители, и работники кухни.

Вопрос этот важнее, чем кажется на первый взгляд.

Так повелось, что на каждой стройке временные предприятия общепита строятся по местным проектам. Причем эти проекты выполняются подчас неспециализированными проектными организациями, без учета достижений в этой области. И столовая получается допотопной, в ней преобладает обременительный ручной труд, нет надлежащей вентиляции, а иногда даже горячей воды.

Как правило, пункты питания строятся разной вместимости, порой без учета числа питающихся в них людей, без современной компактной, удобной мебели. Ведь столовая — это не только место приема пищи, но и место кратковременного отдыха рабочего человека.

Министерство торговли СССР со своими проектными и научно-исследовательскими институтами могут и должны, думается, разработать, спроектировать и изготовить оригинальные типовые конструкции столовых — для разных регионов страны и разныхстроек, с учетом природно-климатических условий. Необходимо предусмотреть максимальную автоматизацию и механизацию отдельных процессов, отказаться от громоздкого кухонного оборудования, которое за последние десятилетия почти не претерпело изменений.

Помню, с какой завистью мы смотрели документальные кадры, рассказывающие о столовых Волжского автозавода, где рабочий может пообедать за 10—15 минут. Работа столовой по вазовскому типу, бесспорно, помогла бы экономить не только минуты, но и часы, оказала бы влияние и на рост производительности труда...

Вскоре после создания горкома Нурекская партийная организация приступила к осуществлению чрезвычайно важного и перспективного дела. Речь идет о планах социального развития коллектива.

Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев в Отчетном докладе на XXV съезде КПСС указывал: «Практика партийных организаций подсказывает нам путь, следуя по которому мы можем добиться повышения ее эффективности. Это — комплексный подход к постановке всего дела воспитания, то есть обеспечение тесного единства идейно-политического, трудового и нравственного воспитания с учетом особенностей различных групп трудящихся».

В конце 60-х годов ЦК Компартии Таджикистана специально рассмотрел на одном из своих пленумов вопрос о широком проведении социологических исследований в республике. Сдвиги в партийной работе коснулись и самой молодой партийной организации — Нурекской. В 1972 году у нас работала большая группа ученых-социологов Уральского центра АН СССР во главе с доктором философских наук, профессором Л. Н. Коганом и кандидатом философских наук Т. С. Мочульской.

Эта работа прояснила для партийного руководства строительства ряд важных вопросов — причины текучести кадров, к примеру, которая являлась для нас самой крупной проблемой в то время. Мы считали, что причины эти кроются в низких зарплатах, в необеспеченности жильем, в трудностях акклиматизации. Однако социологи обратили наше внимание и на другие обстоятельства, которых мы почти не принимали в расчет. Например, человек покидает стройку, потому что предложенная ему работа оказалась не по душе, а в просьбе перевести на другую работу ему отказали. И такая причина: поиски условий для продолжения образования. У нас, в Нуреке, кроме средних общеобразовательных школ были еще школа рабочей молодежи, техникум, филиалы Ташкентского железнодорожного и Душанбинского политехнического институтов. Выяснилось, что этого далеко не достаточно, и мы часто теряли молодежь, потому что не могли предоставить ей возможность получать образование по иному профилю. Стройка наша — всесоюзная комсомольская, и результаты проведенных исследований обязали нас внимательнее отнестись к проблемам молодежи.

В год у нас случалось до 350 свадеб. Для города с населением в 27 тысяч человек цифра немалая. А хозяйственные руководители часто отказывали только что образовавшейся семье в необходимом жилье, внимании, и, помучавшись, молодожены отправлялись на поиски более благоприятных условий.

Серьезный материал для раздумий дали исследования и по организации культурного досуга горожан. Работа эта была значительно улучшена. Увеличили число кружков при Доме культуры, создали балетную студию, расширили музыкальную школу, повысили уровень физкультурно-спортивной работы. Духовная жизнь города стала разнообразней и содержательней.

Изучению и анализу подверглись и такие темы, как социальные последствия научно-технического прогресса и улучшение условий труда рабочих на производстве, роль ИТР в партийно-политической и культурно-массовой работе, и целый ряд других.

Результаты социологических исследований и практические рекомендации широко освещались в городской многотиражке «Норак», в республиканской прессе. Обобщенные данные социологов стали шире использовать при проведении партийных собраний, пленумов, на сессиях исполкома горсовета; они служили научной основой для принимаемых решений.

Главным итогом содружества партийных, общественных и хозяйственных организаций с сектором социологии Уральского центра АН СССР явился тщательно разработанный план социально-экономического и культурного развития Нурека на 1973—1976 годы. Период этот был выбран не случайно. Год 1973-й был для нас годом пуска третьего агрегата, завершившего ввод в действие первой очереди Нурекской ГЭС. На 1977 год был намечен пуск следующих агрегатов второй очереди.

Нельзя сказать, что все сразу наладилось. Перспективным планом развития наши общественные и хозяйственные руководители заинтересовались далеко не сразу. Многие поначалу восприняли его формально. На партийно-хозяйственном активе выяснилось, что некоторые решения и рекомендации парторганизаций, отделов исполкома, профсоюзных и комсомольских организаций оказались малоэффективными. Объясняя-

лось это тем, что социологические исследования, проводимые в Нуреке, носили нередко сугубо теоретический характер, результаты их подавались наукообразным языком, труднодоступным для широкой аудитории. Интересные по тематике исследования не раскрывали всей сложности и глубины зарегистрированных явлений и процессов, ибо проводились они от случая к случаю.

Для устранения этих недостатков в Нуреке был создан городской штаб. Наши шефы — социологи оказывали нам систематическую помощь в подготовке кадров, которые были бы способны на должном уровне осуществлять намеченный план развития и контролировать его выполнение в других сферах. Однако и этого оказалось недостаточно.

На своем опыте мы убедились в том, что такой стройке, как Нурекская ГЭС, необходимы специалисты-социологи, способные квалифицированно провести исследования по тем или иным актуальным вопросам. Нурек испытывал дефицит в полноценной и точной информации о морально-психологической атмосфере в коллективах, о социально-политической активности трудящихся, о характере духовных запросов, степени их удовлетворения. Конкретные социологические исследования, проводящиеся на строго научной основе, значительно повышают эффективность усилий партийных организаций по выполнению народнохозяйственных задач...

Успехи нурекских гидростроителей складывались из кропотливой повседневной работы. Естественно, что горком партии имел к этой работе самое прямое отношение.

Как-то один ответственный работник ЦК КПСС, будучи у нас в горкоме, заметил:

— Видно, что люди навещают вас часто: перила блестят, а ступеньки-то вон как истерты!..

Верно, в горком партии идет много людей, что само по себе есть свидетельство авторитета партии, широкой связи ее с народом. Но порой, вспоминая вопросы, с которыми приходилось сталкиваться, невольно задумываешься: а всем ли нужно было идти непременно в горком?

Почему в горком идет рабочий, чья семья при распределении не получила квартиры? Группа шоферов, которым, по их мнению, недоплатили? Труженики совхоза и рабочие из кишлака Новый Туткаул, в домах которых нет света? Семья, добивающаяся места в детсаде? Да потому, что дела этих людей не решились в объединенном стройкоме, в отделах огромного аппарата управления строительством, в отделах горисполкома, в горно. Да, горкому часто приходилось заниматься вопросами, которые могли бы и должны были бы решаться в других инстанциях.

Происходило это потому, что кто-то уходил от ответственности, ожидал санкций «сверху». В результате смешивались функции, путались обязанности, и в этой неразберихе кое-кому удавалось вовсе не работать, а только «поднимать вопросы» и жаловаться. Очень это плохо, когда по всем более или менее трудным вопросам люди вынуждены доходить «до верхов». Очереди в приемных горкома поредеют, если все руководители, которым доверена работа с людьми, будут решать вопросы быстро и кардинально, без оглядки на вышестоящие органы.

Впрочем, и в горкоме у нас далеко не всегда все было ладно.

...Только что прозвучали заключительные слова отчетного доклада. Я закрыл папку, спустился с трибуны и занял свое место за столом президиума очередной партийной конференции.

Каждого из делегатов, а их сегодня собралось более 250, я знаю в лицо, и вот сейчас ряд за рядом вижу как бы всю нашу строительную площадку.

В первых рядах — коммунисты управления «Гидроспецстрой». На долю этого коллектива приходится одна из труднейших задач строительства — пробить в горах Нор и Сандук около 40 километров подземных туннелей и подходных штолен.

В центре зала — коммунисты управления земельно-карьерных работ. Это они в узком каньоне старого русла Вахша заложили бетонное основание высочайшей в мире плотины.

За ними — делегаты завода железобетонных изделий и стройдеталей, делегаты управления промышленного и гражданского строительства, домостроительного комбината, управления сантехнических работ. Их

объединяет общий труд: одни изготавливают панели, другие собирают из панелей дома, третьи оборудуют их внутри...

Один за другим поднимаются на трибуну проходчики, сантехники, бетонщики, бригадиры, штукатуры, начальники участков.

Вот на трибуне Ростислав Григорьевич Паньков, директор завода железобетонных изделий и строительных деталей, член горкома. Говорит ровно, спокойно, не торопясь. Потом вдруг обрушивается на меня с такой критикой, что во мне возникает протест: да неужели дело только в секретаре горкома, неужели лишь я — причина всех недостатков на заводе? А ведь и помогал им и кое-что подсказывал!

Стоп, говорю себе. Да, бывал на заводе, не раз приглашал директора и секретаря парторганизации к себе в горком, но сумел ли помочь с внедрением НОТ? Посоветовал ли, как, какими путями идти в этом новом для них деле? Прав Паньков. Надо не только контролировать выполнение решения бюро горкома о переходе на новую систему планирования и экономического стимулирования, но и уметь помочь в трудную минуту. И на смену возмущению критикой приходит трезвое ее понимание: правильно говорит директор, без предвзятости, от души.

Опыт приходит трудно. Все мы — и я, и секретари горкома партии Додихудо Рахматович Рахматов, Анатолий Николаевич Малинов, члены бюро, работники аппарата горкома партии — часто бываем в первичных парторганизациях и с людьми спаяны крепко. Но, судя по критике, не все посещения первичных парторганизаций приносят желаемые результаты.

Коммунисты Нурека... Множество нитей связывает их с горкомом. То прямые, то путаные, то прочные и надежные, подобно многожильному стальному тросу, то едва уловимые, пунктирные. Живые нити эти тянутся из парторганизаций сюда, в горком. Иногда не доходят, видно, обрываются по пути, и нужен острый глаз и чуткая душа, чтобы вовремя нащупать место обрыва и восстановить эту живую связь...

И в личных беседах, и на собраниях мы осуждаем таких работников, которым достаточно добиться тех или иных, подчас незначительных, успехов, чтобы почитать на лаврах. Ведь то, что нынче считается дости-

жением, завтра уже пройденный этап. Так вот, о самокритичности — все ли у нас в достаточной мере обладают этим качеством? Неразвитостью этого качества и объясняется терпимость к недостаткам, прежде всего своим собственным. Человек жестко говорит об упущениях в работе транспорта, торговли, коммунальных служб — критикует всех, только не себя. Часто приходится еще наблюдать такое.

На всем протяжении строительства ГЭС наш коллектив справлялся с выполнением государственного плана по освоению капиталовложений и плана в целом. И все же отдельные участки работы были подвержены хроническому застою. В свое время некоторые руководящие работники управления «Нурекгэсстроя» критиковали проектировщиков за медленное выполнение проектно-сметной документации по благоустройству города и критиковали справедливо. Но вот по большинству микрорайонов проекты давно уже выданы, а вертикальная планировка, ирригация все еще не готовы. Отговорка нашлась — заказчик не оплачивает работы. Так бы и тянулось, не вмешайся горком...

Листаю страницы отчетного доклада на VI партийной конференции в Нуреке. Дата ее проведения — январь 1971 года. В 1970 году был утвержден пусковой график, по которому в 1973 году должен был быть пущен первый агрегат Нурекской ГЭС. Какие проблемы стояли тогда перед нами? Что волновало строителей Нурека, городскую партийную организацию в целом?

Свой пятилетний план по строительно-монтажным работам строители Нурекской ГЭС завершили к 6 ноября 1970 года, освоили за оставшиеся до конца года месяцы еще 9 миллионов рублей. Главный итог — в течение трех лет пятилетки в Нуреке были полностью завершены работы подготовительного периода и с 1967 года развернулись работы на основных сооружениях гидростанции. В тело плотины было завезено более 5 миллионов кубометров материалов. В здание ГЭС уложено 92 тысячи кубометров бетона и железобетонных конструкций. Почти закончены горнопроходческие работы по подземному комплексу первой очереди. Коллективом участка «Гидромонтаж» завершён монтаж первой тысячи тонн стальной облицовки тун-

нелей пускового комплекса. За 1968—1970 годы в городе были введены в эксплуатацию тысячи квадратных метров жилья, сданы такие объекты, как хлебозавод, комбинат бытового обслуживания, холодильник и другие культурно-бытовые объекты.

В отчетном докладе на VI конференции было подчеркнуто, что в партийной организации города 72 процента коммунистов непосредственно участвуют в строительстве. Этот авангард определял лицо стройки. Имена многих коммунистов-производственников были известны не только в Нуреке, но и за его пределами. Именно в партийных группах зародились такие замечательные начинания, как скоростная проходка туннелей или движение за экономию горюче-смазочных материалов на участке тяжелых машин.

Во многих коллективах стремительно росла производительность труда. В бригаде проходчиков Ф. Мороза за период с 1968 по 1970 год она выросла более чем на 20 процентов. Одно время на стройке говорили о том, что бригада Мороза, которая шла на покрытие рекорда проходки, установленного бригадой В. Крашенникова в мае 1968 года, была поставлена якобы в особые условия. Да, в момент «взятия высот» — пожалуй. Но и после рекорда бригада Ф. Мороза в течение ряда лет стабильно перекрывала нормы выработки, наращивая при этом темпы. Секрет был в том, что этот коллектив постоянно искал пути для совершенствования мастерства, рабочие успешно осваивали смежные профессии, новую технику.

Почему же стиль этой бригады не стал достоянием других? Ответ один — неумение распространить передовой опыт. И виноваты в этом были партийная организация гидроспецстроевцев и руководство управления. Почти шесть лет средние скорости проходки росли в организации очень незначительно, а о скоростном бетонировании, о развернутом фронте работ пока можно было только мечтать. Именно поэтому «Гидроспецстрой» в целом не выполнял план по росту производительности труда.

Недостатки в распространении передового опыта имелись почти во всех подразделениях стройки. Устранение их было одной из важнейших задач городской парторганизации. Скромными были наши успехи и на пути внедрения режима экономии. Основные «болез-

ни» — плохое использование рабочего времени, неэффективная эксплуатация мощной строительной техники. Общие потери времени на базе тяжелых машин, например, составляли до 40 процентов. Более чем на 10 процентов недогружались машины в карьерах, что при пересчете на кубометры означало, что в тело плотины могло быть дополнительно завезено до 180 тысяч кубометров гравия в год.

Не лучше обстояло дело и с другой строительной техникой — экскаваторами, бульдозерами. Главная ссылка здесь была на отсутствие фронта работ, и конечно же все забывали, что отсутствие этого фронта — прежде всего свидетельство неспособности отдельных производителей правильно организовать работу в забое, в карьере, в котловане. Предъявлять жесткие требования к командирам производства, добиваться принципиальной, строгой оценки каждого такого простоя — вот в чем заключалась главная задача коммунистов.

Один из наиболее действенных рычагов для выполнения этой задачи — последовательное внедрение внутрихозяйственного расчета во всех звеньях строительства. К сожалению, этот метод в Нуреке так и не получил должного распространения.

Значительные сложности возникали при проведении работ, относившихся к пусковому комплексу первой очереди — это было с тревогой отмечено на пленуме горкома партии.

Например, в «Гидроспецстрое» план строительномонтажных работ в 1970 году был выполнен только на 80,1 процента. Не росла у них производительность труда, был допущен перерасход фонда заработной платы. При этом никаких особых причин для плохой работы у этого управления не имелось: фронт работ достаточный, снабжение материалами хорошее, обеспеченность техническими и людскими ресурсами удовлетворительная. Причины заключались в низкой трудовой дисциплине, в том числе и среди инженерно-технических работников, в большой текучести кадров, плохом использовании техники. Заключались они и в том, что половина личного состава управления использовалась на вспомогательных работах. Качество бетонных работ было низким, на устранение брака отвлекались значительные силы. А самая главная причина,

как считал горком, крылась в отсутствии целенаправленного и грамотного инженерного руководства коллективом.

Конечно, нельзя было не признать вины и за горкомом партии, который, проявляя обеспокоенность положением дел в этом коллективе, действенной помощи оказать ему, однако, не сумел. Вина горкома была и в том, что оказалась не на высоте и первичная партийная организация «Гидроспецстроя»: все в ее жизни выглядело благополучным — на собраниях выносились решения, поднимались важные вопросы, но не для исправления сложившегося положения, а для видимости «серьезной работы».

Пленум горкома партии с чувством удовлетворения отмечал значительные улучшения в работе управления гражданского строительства. Многие недостатки в благоустройстве и архитектуре города, выявленные комиссиями Госстроя и Госгражданстроя СССР, были устранены. Значительно улучшилась работа в микрорайонах по благоустройству, были введены в эксплуатацию многие ранее заброшенные объекты, успешно решались вопросы качества жилищного строительства.

В выступлениях на конференции многие коммунисты поднимали вопросы, имеющие большое общественное значение, обращали на них внимание горкома партии, предлагали увязать их с задачами народного хозяйства всей страны.

Машинист экскаватора В. Ф. Буянов подверг резкой критике руководство «Нурекгэсстроя» за невнимание к нуждам управления участка механизированных работ. Он говорил о том, что отсутствие ремонтной базы для тяжелых бульдозеров и необходимого электрооборудования для экскаваторов и запасных узлов отрицательно сказывается на работе всего участка. А между тем руководство стройки прекрасно знает об этом и на партийном собрании механизаторов еще в прошлом году обещало исправить положение. Но обещания остались обещаниями. Экскаваторный же участок является одним из важнейших звеньев в отсыпке плотины, и его работа должна быть ритмичной, налаженной...

Давно разрешены проблемы, о которых шла речь, хранятся в архивах протоколы наших конференций, но

без них сегодня невозможно представить, чем наполнились будни Нурекской партийной организации.

С болью, страстью, гражданской и партийной заинтересованностью всегда говорили делегаты партийных конференций о делах на производстве, выдвигали предложения, критически осмысливали недостатки. Не обходилось, впрочем, и без пустых речей.

Поощряя в людях вкус к слову, мы, думается, еще недостаточно воспитываем в них вкус к делу. В какую порой говорильню превращается иное собрание! А ведь слово правомерно только тогда, когда за ним стоит дело, когда это слово рождено выношенной, убежденной мыслью.

Подчас мы с излишней легкостью доверяем пустому обещанию, облеченному в красивые слова. Как часто на иных совещаниях берут слово «записные» краснобаи, так овладевшие мастерством пустопорожней болтовни, что порой забываешь поинтересоваться: а соответствует ли деятельность оратора тому, о чем он так эффектно разглагольствует?

На одной из планерок треста «Таджикгидрострой» в 1967 году в течение часа обсуждался вопрос о неудовлетворительном ходе строительства Орджоникидзебадского авторемонтного завода. В прениях по этому вопросу выступили три начальника управлений, два начальника участков, четверо ответственных работников треста. Дело же, оказывается, тормозилось из-за отсутствия арматуры сечением 14 миллиметров. Ждали ее два месяца, но она так и не поступила. Было решено заменить ее другой, сечением 20 миллиметров. Сразу все сдвинулось с мертвой точки. Так ли уж необходимы были для этого два месяца и обилие слов?

А как показательно «дело о трубе»!

Много месяцев велись кабинетные баталии о том, какую дымовую трубу поставить для котельной авторемонтного завода — металлическую или кирпичную? Стояли работы по воздуховодам — не было металла. Управление производственной комплектации металла больше не выделяло — управление «Сантехмонтаж» дважды перебрало нормы. Действительно, металла получали, да израсходовали на другие объекты. Кирпича было вдоволь, но кому-то из руководства захотелось видеть трубу только металлической! Так зави-

Взрыв в зоне плотины.
1972 год

Проходчик Р. Талибов

хоть отбавляй, партийная работа не налажена. Вся партийная жизнь держалась на редких энтузиастах. Опыт партийной работы был у меня тогда невелик. А тут — Нурек, со своей массой его технических дел, еще плохо налаженной производственной жизнью! Было отчего мне, новоиспеченному секретарю парткома, заволноваться...

Со всеми своими мыслями, сомнениями и пришел я в ЦК компартии республики к заместителю заведующего строительным отделом Анне Васильевне Фадеевой. Человек чуткий, корректный, опытный специалист, она, заканчивая долгий и очень интересный разговор, сказала: «Опыт всегда приходит в деле, он — дело наживное. Работайте, учитесь, пополняйте свой «багаж», и все будет в порядке!..»

И я учился. Учился у своих товарищей-соратников нурекчан, учился, когда приезжал на заседания бюро Орджоникидзеабадского райкома партии, учился, когда приглашали меня на совещания, заседания актива и бюро, пленумы ЦК Компартии Таджикистана. Примечательно, что работники партотдела, члены бюро, разбирая конкретный опыт, учили нас не копировать его, а побуждали перенимать его творчески, критически, применительно к своим условиям.

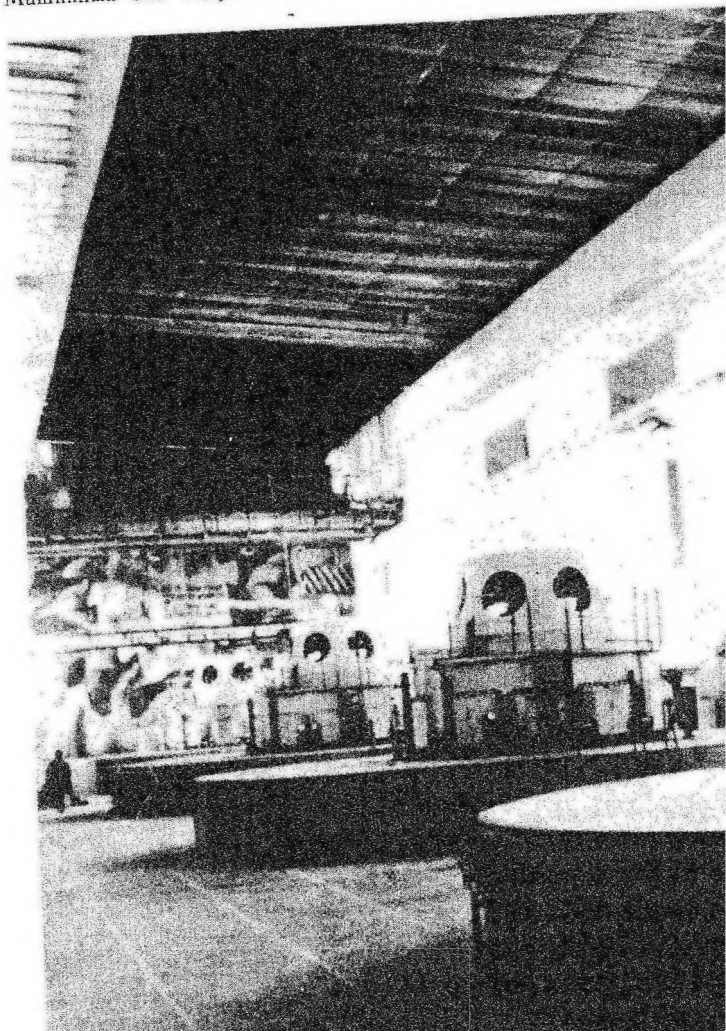
Особое место в моей жизни, в жизни руководства Нурекской партийной организации занимали посещения строительства представителями ЦК Компартии Таджикистана.

Часами ходили мы по объектам большой стройки, встречались с командирами производства, с парторганами, бригадиром, рабочими. Нередко отправлялись в рабочие общежития, посещали места, где люди отдыхают, обедают, проводят свободное время. Такие встречи очень помогали мне и моим товарищам по партийной работе, обогащали нас внутренне, будоражили, не давали «закиснуть».

Приехал как-то секретарь ЦК Компартии Таджикистана Султан Бабаевич Эргашев. Побывал в туннелях, на бетонном заводе, на базе тяжелых машин, на строительстве домов в Нуреке. Он умел и любил подолгу и обстоятельно беседовать с инженерами, рабочими, мастерами, начальниками участков.

Пришли на встречу с ним члены бюро горкома, руководители стройки. Я был спокоен, предполагал, что

Машинный зал гидроэлектростанции

товарищ Эргашев нас сегодня похвалит, потому что показатели по выполнению плана у нас были довольно высокие, план по вводу жилья мы выполнили, наладили соревнование между подразделениями, обновили наглядную агитацию, были успехи и в проведении идеологической работы.

Однако Султан Бабаевич начал свою беседу с вопросов: почему управление земельно-скальных работ выполняет план только за счет вскрышных работ? Сколько руководителей подразделений стройки занимается в вечернем институте марксизма-ленинизма? До каких пор горком партии будет мириться с перерасходом цемента для производства бетона? Что делают коммунисты, чтобы быстрее завершилось строительство стадиона в Нуреке?

— Знаю, что план строймонтажных работ вы выполняете и закончите год с хорошими показателями, — сказал, подводя итоги, Султан Бабаевич Эргашев. — Приятно отметить, что всерьез взялись за строительство жилых домов, понравился мне и ваш детский сад «Петушок». Недавно инструктор, который у вас побывал, рассказал мне об интересных примерах партийно-организационной работы: Я имею в виду и проведение ударных недель в честь городов-героев, и то, что вы торжественно подводите итоги работы подразделений в центре города, в присутствии тысяч строителей и с трансляцией этого события по всей стройке. Чрезвычайно важным представляется мне открытие шестимесячной школы-семинара молодого коммуниста и многое другое. А вот в хозяйственной деятельности у вас еще много недостатков. Нужно думать о выполнении не только строймонтажных работ, а всяких работ, без разделения на выгодные и невыгодные. Вот управление земельно-скальных работ «Уральцами» грузит на самосвалы легкий грунт на месте будущего 9-го карьера и с ходу валит его в Вахш. Быстро, удобно, выгодно! И в то же время не выполняет работы по рытью траншей на объектах управления промышленного и гражданского строительства! В общем хорошо работает коллектив бетонного завода и вместе с тем допускает на один кубометр бетона до 20 килограммов перерасхода цемента. Замечу еще то, что за многое беретесь, но далеко не все до конца доводите. Забросили, например, такой важный объект, как стадион

для молодежи! В футбол играть негде, нормы на значок ГТО у вас в городе не сдашь!..

После беседы с Эргашевым по-иному уже взялись за дело. Стали еще требовательнее к руководителям управлений, к секретарям партийных организаций. При подведении итогов квартала или года более скрупулезно рассматривали каждую цифру, каждый процент выполнения, подробно анализировали показатели как генподрядчика, так и субподрядных организаций стройки, старались разглядеть: какой ценой выполняются эти показатели? Запасались цифрами и об использовании механизмов, о посменной их загрузке, об уровне трудовой дисциплины в коллективах вплоть до ознакомления с донесениями горотдела милиции о фактах правонарушений рабочими этих подразделений...

В жизни секретаря парткома или горкома нередко возникают и такие моменты, когда просто необходимо откровенно поделиться с кем-либо из руководства, рассказать обо всем, что тебя угнетает, волнует, не дает покоя. И такая возможность у нас всегда была. Я часто бывал в Душанбе, заходил в отделы ЦК, где меня очень радушно встречали.

Спустя год после начала работы в Нуреке вновь побывал у первого секретаря ЦК Компартии Таджикистана товарища Расулова.

— Почему так долго не заходил? — спросил Джабар Расулович. — Рассказывай, как живешь, как работается.

Я начал рассказывать. Джабар Расулович слушал очень внимательно. Больше часа рассказывал я о трудностях в работе, о положении дел в зарождавшемся коллективе, о срывах в снабжении строительными материалами, о трудностях быта, о сложностях в организации культурно-массовой работы. Джабар Расулович делал пометки в блокноте.

В конце нашего разговора товарищ Расулов сказал, что Центральный Комитет внимательно отнесется ко всем вопросам, поднятым мною, и постарается помочь. Уже прощаясь, неожиданно спросил:

— На чем, секретарь, ездешь?

— Партком имеет автомашину ГАЗ-69, — отвечаю.

— А сколько же прошел ваш «газик»? — поинтересовался Джабар Расулович.

— Около полумиллиона километров. Но ничего — пока бегают.

Я уже уходил из ЦК, когда меня попросили зайти к управляющему делами ЦК.

— Вы что, не могли сами мне сказать, что вам нужно поменять автомашину? — спросил он меня.

— Помилуйте! — удивился я. — Я не жалуясь на свой транспорт! Он меня устраивает. А в чем дело?

— Пришлите завтра своего шофера с доверенностью на получение новой машины, — смягчился управляющий делами. — Об этом распорядился Джабар Расулович...

Очень важными были для меня встречи и со вторым секретарем ЦК Александром Ивановичем Шитовым. В самом начале своей работы в Таджикистане он приехал на городскую партийную конференцию в Нурек. Конференция ему понравилась.

— Ну, с такими людьми можно работать! — удовлетворенно заметил он.

Почти за полтора десятилетия моей работы в Нуреке не помню ни одного случая, чтобы наше обращение в ЦК за помощью осталось без внимания. Поддержкой ЦК Компартии Таджикистана определялись многие успехи в работе Нурекского горкома, в деятельности Нурекской партийной организации.

Чаще, чем в других отделах, бывал в отделе партийно-организационной работы. Сюда заходят партийные работники со своими радостями и огорчениями, удачами и неудачами. Как на исповедь, бывало, идешь к заведующему отделом Ивану Федоровичу Дедову. Всегда внимательно и заинтересованно выслушает, даст дельный совет, поможет уйти от ошибки в работе, особенно в делах по подбору кадров. К этому опытному работнику можно зайти по любому вопросу, выговориться. Он всегда выслушает собеседника, не посмотрит на часы и не будет форсировать разговор, если почувствует, что к нему обратились с важным общественным или личным делом.

Не могу не сказать здесь, хотя бы коротко, о тех, с кем трудился бок о бок в самые разные периоды нурекской стройки.

Аппарат горкома был сравнительно небольшим. При его создании руководствовались прежде всего принципом — подобрать людей деловых, знающих осо-

бенности партийной работы. Заведующие отделами и инструкторы в основном были люди опытные, а для некоторых Нурекский горком стал их первым шагом по нелегкой стезе партийной работы.

Вторым секретарем горкома вначале был Файзали Муминович Муминов. Он пришел к нам работать из аппарата ЦК Компартии Таджикистана. Человек скромный, исполнительный, опытный, он по семейным обстоятельствам вскоре был вынужден вернуться в Душанбе, а там перешел на хозяйственную работу. На смену ему приехал Додихудо Рахматов, до этого трудившийся в одном из сельских райкомов. Свою работу он очень любил и хорошо знал ее. Впоследствии в порядке повышения был переведен на должность заведующего отделом Кулибского обкома партии.

Значительно позднее секретарем горкома по промышленности и строительству начал работать Анатолий Николаевич Малинов — нынешний первый секретарь Нурекского горкома партии. В юношеские годы Анатолий Николаевич трудился в колхозе электриком, но мечтал продолжить образование. Поехал в Ленинград, пытался поступить в горный институт, но с первого захода попытка не удалась. Тогда пошел на завод, работал и упорно готовился. На следующий год поступил на заочное отделение, а затем перешел на дневное. После окончания попросился в Нурек. Зачислен был на должность технолога в туннельном управлении. Работал старательно, проявляя инициативу, быстро завоевал в своем коллективе авторитет. Товарищи избрали его секретарем паркома. И здесь он себя также хорошо зарекомендовал. Горком партии направил его на заочное отделение Высшей партийной школы, которую Анатолий Николаевич успешно закончил.

Антонина Кузьминична Кручинина проработала более десяти лет заведующей общим отделом горкома. В структуре любого партийного аппарата это самая кропотливая и хлопотная работа. Подготовка материалов к заседаниям бюро, пленумам, собраниям партийного актива, общее делопроизводство. Одна работа с секретарями первичных партийных организаций отнимает уйму времени и сил. Тем более приятно мне отметить на страницах этой книги, что Антонина Кузь-

минична являлась для всех нас примером исполнительности и аккуратности в делах.

Под стать ей в этом отношении была для всех нас и заведующая сектором партийного учета Надежда Максимовна Козлова, которую по праву можно было именовать «профессором своего дела». Работу свою она знала до тонкостей, да и стаж у нее был на этом поприще немалый: в общей сложности более двадцати лет!

Много добрых слов заслужили другие наши работники — заведующие отделами Антонина Павловна Алексеева и Мурод Ерович Еров. Они с большим желанием работали в партийном аппарате, успешно закончили Высшую партшколу.

Из других сотрудников я бы назвал еще Анну Панченкову, которую мы пригласили работать в горком с участка «Гидромонтаж», где она трудилась крановщицей. Она отлично знала рабочую среду, обладала прекрасным качеством легко и быстро сходитьсь с людьми, проникаться их нуждами. Столь же легко и быстро она вошла и в наш коллектив. Работая у нас, А. Панченкова начала учиться заочно в Самаркандском университете, а закончив его, была утверждена на должность заведующей кабинетом партийного просвещения горкома. Позднее ее выдвинули на работу в Кулябский обком...

ГЛАВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Огонек в горах. «Нужен ли город Нурек!..» База будущего. Помощь с неожиданной стороны. Людские судьбы. Украденная невеста. Интервью с хулиганами. «Я знаю: саду цвезть!..»

По-таджикски Нурек или, точнее, Норак означает «огонек». Кишлак Огонек славился лишь сочными гранатами и 50-градусной жарой. Сегодня Нурек — город энергетиков, один из самых красивых городов Средней Азии.

Еще совсем, казалось бы, недавно вся равнина вдоль берега Вахша площадью в 8—10 квадратных километров была перерыта траншеями, всюду высились горы камня, песка, железобетонных конструкций. Оазисы зеленых насаждений сменялись пустырями. То тут то там стояли башенные краны подобно гигантским колодезным журавлям. Поначалу всего лишь два микрорайона застраивались многоквартирными кирпичными зданиями, на юго-западе города был раскинут временный палаточный городок для приезжающих строителей станции. Рядом с ним путаным лабиринтом стояли деревянные домики, которые в Нуреке именовали «юртами». В юртах и палатках жила в основном молодежь да некоторые рабочие семьи, ожидавшие своей очереди на квартиру в благоустроенных домах.

В самом центре, на территории будущего зеленого парка, возводились здания большого кинотеатра на 800 мест, Дома культуры, строилась поликлиника; ближе к палаточному городку на юго-западе планировался стадион — ныне гордость строителей Нулека: со служебными помещениями, раздевалками, комна-

тами отдыха. У подножия гор, на въезде в Нурек, был заложен комплекс подсобных предприятий: хлебозавод, склады, холодильник. Здесь же на отшибе от города работал завод железобетонных изделий, на другом конце города строились автобаза, огромные корпуса центральных ремонтных механических мастерских. В Нуреке уже были построены три школы, клуб, летний кинотеатр, три детских сада, чайханы и столовые, несколько магазинов. В то время будущий город существовал большей своей частью лишь в генеральном плане застройки, но некоторые улицы уже получили свои названия: проспект Ленина, имени 40-летия республики, Комсомольская, имени С. К. Калижнюка...

Теперешний Нурек не узнать. Внешне строг и одновременно уютен его центр с внушительными зданиями управления «Нурекгэсстроя», универсама, кинотеатра, Дома культуры, с фонтанами на зеленом прямоугольнике травяного ковра, стелющегося до берега Вахша, с тридцатиметровой стелой, воздвигнутой в честь нерушимой дружбы народов нашей Родины. Мозаичная фигура всадника украшает торец здания «Нурекгэсстроя», голубоватой мозаикой расцвечены стены Дома культуры. Перед ним — огромная глыба красно-коричневого алевролита, своеобразная, сработанная самой природой скульптура, как бы олицетворяющая трудовой подвиг строителей уникальной ГЭС на Вахше. Торцы жилых домов обращены к фонтанам, украшены национальной чеканкой на больших алюминиевых листах. Словом, в Нуреке есть все, что создает «лицо» города, его неповторимость и красоту.

Правда, еще и сегодня сохранились такие поселения, как Диссабур или Лангар, но скоро жители переедут оттуда в новые благоустроенные дома.

В последнее время в Нуреке построено здание Дома связи, по-новому распланирован парк города, заложены новая набережная, спортивный комплекс, библиотека, в которой разместится уникальное нурекское собрание книг. Однако развитие города даже и сейчас значительно отстает от потребностей жителей. Связано это с результатами давних просчетов в его строительстве.

Человек — вот мера всех вещей и дел. Строительство — для человека. При всей беспорядочности этого по-

ложения практически осуществить его удастся далеко не всегда.

Современная энергетика собирает на свои строительномонтажные площадки огромные армии людей разных специальностей. Им приходится подолгу работать в труднодоступных таежных или горных районах. Так что же, жить им в палатках-временках? Или с первых же дней — в хорошо оборудованных поселках и городах? Если возводить города, то как их использовать по завершении строительства электростанции? Какие сопутствующие производства должны развиваться в новых центрах энергетике? Все это важные и актуальные вопросы. Урок Нурека позволяет еще раз внимательнее в них вдуматься.

Сегодня споры о судьбе Нурека давно позади. Город есть и будет успешно развиваться. Однако было время, когда вопрос: «Нужен ли будет город Нурек?» — стоял весьма остро.

До сих пор бытует еще представление о гидростроителях, как о рыцарях палаточного быта и временок. Нурек тоже начинался с этого, и нурекчане никогда не забудут первых комсомольцев, обосновавшихся во временках Лангара, Сари-Боло — окраин будущего города. Но сколько жить палаточным городкам? Сколько должен длиться временный быт?

Спору нет, если стройка длится три — пять лет, а район не имеет перспективы хозяйственного освоения, можно и нужно идти на временки, снабжая их возможно большими бытовыми удобствами. Но как быть, если стройка длится десять — пятнадцать лет? Можно ли все эти годы лишать строителей элементарных удобств? Можно ли лишать детей строителей качелей, горок, бассейнов-лягушатников? На смену «теории временок» приходит трезвый и серьезный расчет: текучесть кадров обходится дороже, чем качели, фонтанчик и даже современное здание Дома культуры!

Одно из достижений Нурека в том, что его опыт позволил в будущем осуществить принцип организации строительства, к которому наконец пришло Министерство энергетики и электрификации СССР, имеющее богатейший опыт организации новостроек «с нуля». Саяно-Шушенская ГЭС — стройка без палаток, а строители Токтогульской ГЭС возвели поселок Каракуль, в

котором быт — на уровне городских стандартов. Рогунская ГЭС строится без юрт и времянок.

Строительство Нурекской ГЭС, начатое в 1960—1961 годы, закончится в 1981—1982 годах. И именно существованию города Нурека, а не времянкам Лангара и Сари-Боло мы обязаны тем, что четверть коллектива гидростроителей, участников пуска последнего агрегата Нурекской ГЭС,— это люди, прибывшие сюда почти два десятка лет назад, а половина этого коллектива имела за плечами по пять и более нурекских лет. Это кадровые высококвалифицированные специалисты, которых Нурек воспитал и привязал к себе. А ведь в предпусковой период, в 1971—1975 годы, коллектив строителей достигал своей пиковой численности — одиннадцати с половиной тысяч человек!

Начиная с 1976 и по 1979 год на строительстве основных сооружений гидроузла наступил следующий этап — достройка плотины, ввод оставшихся шести агрегатов. С 1978 года коллектив строителей начал постепенно сокращаться, люди переводились на соседние Рогунскую и Байназыкскую ГЭС, строительство которых тогда только начиналось. Таким образом, город Нурек сыграл и продолжает играть роль базы гидростроителей Вахшского каскада.

Ко времени развертывания работ на новых двух ГЭС комплекс подсобных предприятий, расположенных в Нуреке, становится особенно ценным: здесь был освоен ремонт большегрузных автосамосвалов, туннельной техники, экскаваторов, всех тех механизмов, с помощью которых таджикским гидростроителям предстоит решать очередные задачи на новых электростанциях.

В 1969 году Госстрой Таджикской ССР рассмотрел и утвердил генеральный план перспективного развития города Нурека до 2000 года, по которому было намечено строительство ряда промышленных предприятий с целью трудоустройства нурекчан после окончания работ по сооружению Нурекской ГЭС. Работники Госплана республики утверждали, что у них не возникает вопроса, как занять население Нурека.

Развитие Нурека неразрывно связано с дальнейшим формированием и развитием всего Южно-Таджикского территориально-производственного комп-

лекса. Параллельно со стройкой в Нуреке осуществлялось строительство Таджикского алюминиевого, Вахшского азотно-тукового и Яванского электрохимического заводов. После пуска первых агрегатов Нурекской ГЭС многие считали, что избыток электроэнергии в республике составил около полутора миллиардов киловатт-часов в год. Но строящийся завод без остатка «съедает» этот избыток, а ввод в эксплуатацию Таджикского алюминиевого завода на полную мощность вместе с электрохимическим требуют подключения мощностей Рогунской ГЭС.

Возведение Рогунской ГЭС должно было занять большую часть коллектива кадровых гидростроителей Нурека. Опыт сибирских гидростроек показывал, что сохранение такого коллектива дает неоценимый экономический эффект. Но бывали моменты, когда возникало опасение, что коллектив мы можем потерять. Опасность такая остается и поныне. Это объяснялось тем, что в некоторых плановых организациях создавалось ошибочное впечатление, будто бы с вводом первых агрегатов Нурекскую ГЭС можно считать чуть ли не законченной. А ведь плотина Нурекской ГЭС была в то время возведена всего лишь наполовину, наполовину были освоены и общие капиталовложения, а мощности станции введены были всего лишь на одну треть. Нурекскую ГЭС необходимо было строить и строить форсированно. Достаточно было сделать «перерыв» на год-два между пиком работ в Нуреке и началом строительства Рогуна, как нелегко сложившийся коллектив квалифицированных гидростроителей мог распасться.

ЦК Компартии Таджикистана и правительство республики, горком партии, руководство строительства не могли не волновать эти вопросы. Мы отлично понимали, что процесс создания территориального комплекса нелегко, конфликтен, многие аспекты его планирования и управления строительством еще не вполне ясны. Ждут исследования многие социальные проблемы, возникающие при его рождении, вопросы организации связей между сельским хозяйством и индустрией, между различными министерствами и организациями самого комплекса. Если черты таких территориально-производственных комплексов, как Ангаро-Иркутский и Братский, Западно-Сибирский или

Саянский, более или менее определились, то у нас в Таджикистане все только начиналось. Ответы на десятки острых вопросов рождаются в преодолении ошибок, в борьбе и столкновении мнений. Понимая все это, мы решили проявить инициативу и разобраться в этих вопросах досконально. И вот тут мы получили неоценимую помощь с неожиданной стороны.

Установление дружеских связей литературно-общественных и политических журналов со строителями крупнейших промышленных объектов, с рабочими коллективами заводов и фабрик стало в нашей стране традицией. Примечательно, что речь идет не о формальном «шефстве», а о подлинной дружбе писателей с рабочими, инженерами, руководителями и партийными работниками. Такие крепкие и плодотворные связи сложились и у нас с журналом «Дружба народов». Этому предшествовало заключение договора о сотрудничестве между редакцией и коллективом строителей Нурекской ГЭС. Работу эту журнал проводил совместно с Союзом писателей Таджикистана и его печатными органами — журналами «Садои шарк» и «Памир».

Главный редактор журнала «Дружба народов» Сергей Алексеевич Баруздин горячо поддержал идею широкого обсуждения всего круга проблем по Южно-Таджикскому комплексу. С этой целью редакция «Дружбы народов» пригласила за свой «круглый стол» руководителей союзных и республиканских организаций, от которых так или иначе зависело развитие Южно-Таджикского территориально-производственного комплекса.

Встреча эта состоялась в мае 1974 года в Москве в Центральном Доме литераторов имени А. А. Фадеева. Материалы «круглого стола» были опубликованы в седьмом номере журнала за 1974 год. Сергей Алексеевич Баруздин спустя некоторое время писал мне:

«...Что касается первой реакции на наш «круглый стол» в № 7 «ДН», то она весьма положительная. Уже из многих ведомств, куда мы послали журналы, были звонки. Судя по всему, читают, взвешивают, размышляют... Я говорю всем, что мы ждем конкретных ответов! Думаю, что и душанбинцы (в частности, ЦК) должны сказать свое слово».

В декабре 1975 года состоялся второй «круглый стол», но уже в Нуреке. На нем присутствовало свыше 30 специалистов. Он был посвящен более узкой теме — тому, как Южно-Таджикский ТПК завершил девятую пятилетку и что ему даст десятая пятилетка. Оба наших «круглых стола» вызвали многочисленные отклики. В редакцию и в горком партии пришли письма из различных министерств и ведомств. В них отмечалось, что поднятые вопросы имеют большое значение для разработки эффективных планов по использованию быстро растущих ресурсов Южного Таджикистана. Руководители министерств и ведомств отмечали своевременность затронутых проблем, благодарили журнал за проделанную интересную работу. В своем письме в редакцию журнала «Дружба народов» первый секретарь ЦК Компартии Таджикистана товарищ Д. Р. Расулов отметил, что в республике с полным основанием считают «редакционную коллегию журнала, всех его работников, причастных к данному делу, активными участниками крупных и уникальных строек Южно-Таджикского территориально-производственного комплекса».

Надо сказать, что отношения коллектива строителей Нурекской ГЭС и редакции журнала «Дружба народов» этим не ограничивались. В нашем договоре было сказано, что на стройке будет организовано соревнование за награды журнала, в свою очередь нурекчане-строители станут ежегодно награждать «рабочей премией» полюбившиеся произведения, опубликованные в журнале. В условиях этого соревнования было сказано, что при подведении итогов принимаются во внимание не только производственные показатели, но и то, как его участники повышают свой культурный уровень, как способствуют украшению своего города, как ведут общественную работу. Премиями были специальные дипломы, учрежденные редакцией «Дружбы народов», и годовые подписки на журнал.

Среди награжденных за минувшие годы — многие коллективы, бригады, лучшие строители. Всех перечислить невозможно, но награды доставались действительно лучшим из лучших. Соревнование получило очень широкое распространение. Награду журнала получила, например, бригада проходчиков Героя Со-

циалистического Труда В. Н. Остапова, лауреатами «дружбинских» премий стали многие водители, бетонщики, штукатуры, техники, инженеры. Премию журнала получил старейший инженер «Нурекгэстроля» В. И. Рымаревич, один из наших рационализаторов, большой любитель книг, самодеятельный композитор Н. М. Постников и другие.

Из актива нурекских любителей литературы создавалось жюри по присуждению ежегодной «рабочей премии» лучшим произведениям советской литературы, опубликованным в журнале «Дружба народов». Первым ее лауреатом стал К. Симонов. Члены жюри также присудили премии С. Дангулову за роман «Кузнецкий мост», В. Жалакявичусу за киноповесть «Кентавры», В. Тендрякову за повесть «Затмение», Н. Думбадзе за роман «Закон вечности», Ю. Семенову за повесть «ТАСС уполномочен заявить».

Редакция журнала была инициатором создания в Нуреке уникальной библиотеки с автографами советских и зарубежных писателей, произведений выдающихся государственных и политических деятелей нашей страны и зарубежных стран. Библиотеке Нурека подарил шеститомник своих сочинений и книги «Малая земля», «Возрождение» и «Целина» Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Леонид Ильич Брежнев, прислали свои книги руководители нашей партии и государства А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, А. Я. Пельше, М. А. Суслов, В. В. Щербицкий, видные деятели международного коммунистического движения — Янош Кадар, Ле Зуан, Густав Гусак, Васил Биляк, Долорес Ибаррури, президент Финляндии Урхо Калева Кекконен и многие другие. Нурекская библиотека хранит экземпляры с дарственными надписями Михаила Шолохова, Константина Федина, Николая Грибачева, Шарафа Рашидова, Валентина Катаева, Степана Щипачева, Мирзо Турсун-заде и многих, многих советских писателей. Сегодня это собрание книг насчитывает свыше десяти тысяч томов. Как отозвались о нем работники Государственной библиотеки имени В. И. Ленина, подобного не найдется, наверное, во всем мире.

А что принесло содружество журналистам и пи-

сателям, творческому активу журнала «Дружба народов»?

Об этом говорить труднее, но невозможно даже представить, чтобы не дало плодов близкое знакомство советских писателей с людьми Нурека — какая здесь россыпь характеров, судеб!

Да, мера всех вещей и дел — человек. И об успехе любого свершения можно верно судить хотя бы и по тому, как это отразилось на людях: стерлись, потускнели они от будней или же в атмосфере творческого, созидательного труда открылись новые грани их натур, укрупнились личности, окрепли души...

«Посоветуйся с Кузьмичом»... Такие слова услышал я однажды на монтажной площадке участка «СпецГЭМ», что располагалась в правой части строящегося здания ГЭС. Я поинтересовался: кто же это такой — Кузьмич? Оказалось, секретарь парторганизации участка Комков. Решил узнать об этом человеке подробнее.

Подсобный рабочий Брянского паровозного депо, помощник машиниста, машинист паровоза, слушатель Центральных технических курсов при Народном комиссариате путей сообщения, начальник депо, четыре года затем проработавший в братской Монгольской Народной Республике, — таковы вехи жизненного пути Льва Кузьмича Комкова. На лацкане его пиджака — орден Трудового Красного Знамени МНР, медали нашей страны. До Нурека Лев Кузьмич работал старшим инженером на строительстве Братской ГЭС, а узнав о предстоящем пуске в 1972 году двух первых агрегатов в Нуреке, прибыл сюда.

Уже в первых разговорах было видно, что Лев Кузьмич — человек принципиальный, решительный и настойчивый в достижении намеченной цели. Но есть в его характере и такие черты, которые, на мой взгляд, особенно необходимы секретарю партийной организации, изо дня в день работающему бок о бок с людьми: простота, общительность, душевная чуткость.

Однажды обсуждалось персональное дело коммуниста Сергея Б. Слесарь-электрик, парень начитанный, неплохой; но вдруг запил. Мнения разделились. Одни считали, что Сергей заслуживает самого серьезного наказания, другие были настроены более миролюбиво — исправится, мол, не все еще потеряно. Всех

интересовала позиция Комкова. Знали, что Сергей почти одновременно со Львом Кузьмичом пришел на участок работать и был многим ему обязан. Связывали их узы товарищества и взаимного уважения.

Лев Кузьмич потребовал сурового наказания молодого коммуниста, и собрание его поддержало. Однако с собрания Комков и Сергей пошли домой вместе. О чем они говорили, неизвестно, но было ясно, что секретарь сумел найти нужные слова. Отношения между ними остались прежними.

Руководитель экономического кружка как-то рассказал Комкову, что Анатолий Колоколов, бригадир ведущей монтажной бригады, стал пропускать занятия — видимо, решил бросить учебу. Лев Кузьмич после смены подошел к Анатолию, спросил, верно ли то, что про него говорят.

— Верно, — ответил Анатолий, — какая тут учеба? Жена часто болеет, дети неухоженные, квартира неблагоустроенная. Да и поздновато учиться, 30 лет стукнуло!

— Ну вот что, — решительно заявил Лев Кузьмич. — В старики не записывайся! И за жену не прячься. Ты — бригадир, и учиться тебе необходимо хотя бы поэтому. А насчет квартиры — хорошо, что напомнил...

Парторг пошел в местком, к начальнику участка и убедил, что Колоколову нужно выделить квартиру в числе первых. Через несколько недель семья Колоколовых справила новоселье, а бригадир продолжал заниматься в экономической школе.

Лев Кузьмич, разбираясь в том или ином житейском случае, всегда стремится связать личные интересы каждого человека с интересами коллектива. И это принципиальное отношение Комкова к людским нуждам и судьбам помогало разрешать самые, казалось, неразрешимые конфликты.

В Нуреке хорошо знают бригадира турбинистов Анатолия Шильникова, ныне лауреата Государственной премии СССР, высококвалифицированного рабочего. Был момент, когда Шильников надумал уйти с участка. С ним беседовали начальник участка, председатель месткома, друзья по работе. Обратились к Комкову: «Выручай, Лев Кузьмич! Поговори с Шильниковым, тебя он послушает».

Комков не сразу приступил к разговору. В отделе труда и зарплаты он узнал, что в последние месяцы в бригаде упали заработки из-за отсутствия фронта работ. Шильников по этому поводу не раз обращался к главному инженеру, но тот не захотел его даже выслушать. Лев Кузьмич заставил руководство участка навести порядок, и конфликт был исчерпан. Шильников остался на участке...

Чем больше партийный комитет имеет надежных активистов — мыслящих, общительных, авторитетных, тем легче проводить среди людей партийную политику, влиять на все процессы, протекающие в коллективах. Нам в условиях строительства такого гидроузла, как Нурекский, с его высокой на первых порах текучестью кадров, необходимо было иметь костяк среди специалистов, которые своими знаниями, эрудицией помогали бы спланировать в единый «производственный кулак» огромный коллектив людей с разными характерами, разным уровнем образования, разных возрастов, разной национальностью, часто со сложными жизненными биографиями. Один из таких людей — Владимир Данилов.

Я уже упоминал о его замечательной идее «централизовать» большой фронт цементных работ из единого растворного узла. Во время проектирования этого центрального узла он неоднократно приходил в горком партии, рассказывал о будущей установке, советовался, просил помочь. Данилов знал, что здесь его поддержат, отнесутся со вниманием. И не ошибся. Но не все у него ладилось, не все шло гладко.

Как-то он пожаловался мне, что у него есть нерешенные проблемы по автоматическому дозированию составных частей смеси в будущей установке. Нужен был толковый электрик. Я ему посоветовал поговорить с Иваном Машковым, парнем, умеющим думать. Данилов послушался и привлек Машкова в свою группу. Потом привлек Новицкого и Ефимова. И началась творческая деятельность «ударной группы» по проектированию центрального растворного узла. Позднее работами группы заинтересовался инженер Юрий Васенко, и стало их пятеро.

Владимир Данилов — инициатор зарождения в условиях Нурекского строительства совершенно новой и необычной профессии, которая на гидротехни-

ческих сооружениях в горных условиях оказалась очень нужной.

Колеса на своем «газике» по извилистым горным дорогам, я не раз встречал коренастого, плотного бегуна. Пот с его лица лил градом, но он, слегка наклонившись вперед, одинаково легко двигался и с горы, и на подъем. Это и был Володя Данилов. Ко времени переезда в Нурек он дважды был чемпионом Советского Союза по высокогорным восхождениям. Идея привлечения мастеров-альпинистов для очистки от камней склонов гор в районе основных сооружений Нурекской ГЭС родилась именно у Данилова. Он настоял, чтобы в Нурек пригласили заслуженного мастера спорта по альпинизму В. А. Галустова, совершившего свыше шестисот высокогорных восхождений. Галустов побывал на высочайших вершинах Советского Союза: пиках Победы и Коммунизма, 44 раза поднимался на Казбек. Галустову дали на выучку три десятка молодых ребят, преимущественно таджиков, привычных к горам, но не знавших техники альпинизма. Он сделал из них альпинистов, совершил с ними восхождение на 4 тысячи метров по Гиссарскому хребту. Эти люди потом, взбираясь на скалы возле створа плотины, прокладывали первые тропки бурильщикам, дорожникам.

А главное — они должны были сделать нурекские горы безопасными. Повсюду на склонах висят «живые» камни, готовые от ничтожного сотрясения сорваться вниз. Дождь прошел, выпал снег — и камни приходят в движение. Порой достаточно пролететь куропатке, чтобы сорвался камень, за которым понесется целая лавина. Альпинисты Галустова и делали на склонах «оборку» камней, в особенности после взрывов: рассыпавшись цепью, они поднимались или спускались на веревках и сбрасывали «живые» камни вниз. Работа эта очень опасна. Здесь нужны большая смелость, мужество, твердая воля. Это уже не спорт, это будничная, но особая работа. У Галустова обучались технике скалолазания многие взрывники, проходчики, рабочие других профессий, потому что часто это было им просто необходимо... Мне было очень приятно узнать, что среди тех, кто отправился покорять пик Ленина в честь 110-й годовщины великого вождя, были и двое наших скалолазов. Это — рабочий

из Нурека Ш. Хафизов и ныне монтажник Рогунской ГЭС мастер спорта Ю. Янович.

За тринадцать лет работы в Нуреке с какими только людьми не сводила жизнь, какие только судьбы не открывались!

В 1961 году приехал на стройку человек, биография которого привела в изумление даже выдавших виды кадровиков. В далеком прошлом вор, впоследствии фронтовик, ставший за боевые заслуги и отчаянную храбрость кавалером ордена Красной Звезды, двух орденов Славы, медали «За боевые заслуги», он снова сорвался, был осужден, отбыл положенный срок и вот теперь стоял перед нурекскими управленцами, ожидая решения своей участи.

В заключении этот человек, назовем его Петр Иванович, работал на совесть, стремясь примерным поведением заслужить прощение. Его освободили досрочно. Решил податься в Таджикистан, где после войны осели сестры. Устроился работать в Пянджскую районную пекарню — приняли туда без неприятных расспросов, не побрезговав его прошлым, как это было в других местах. Женился, родилась дочь. Но работа не нравилась, не по характеру была.

А в газетах в то время много писали о Нуреке. Попало это ему на глаза, и что-то дрогнуло в сердце. Пронзила мысль, что человеку такой судьбы, как у него, и поворот к лучшему необходимо совершать столь же резко. Раздумывал недолго: отправился в Нурек. Недели через две вернулся домой загоревший, запыленный, с блеском в глазах, заявил семье: «Собирайтесь, поехали!»

Штольня, где начал работать Петр Иванович, была подходной к будущему первому строительному туннелю. Более половины ребят в бригаде Василия Ковалева, как и сам бригадир, щеголяли в гимнастерках: демобилизовались недавно со срочной службы. Любому из них он годился в отцы. Многим казалось странным, что этот крепкий, рослый человек, фронтовик, отчего-то прячет глаза, а улыбка и вовсе редко трогает его губы. Но скоро все разъяснилось. Петр Иванович не стал скрывать, что о подземной профессии проходчика имеет представление не больше, чем о гробницах египетских фараонов. Не стал скрывать и причин, приведших его к ним, молодым, на обуче-

ние. Откровенность его вызвала такую горячую волну ответных чувств, что и сейчас он не может вспоминать об этом без волнения. А чувства ребят объяснились просто: им страстно захотелось помочь пострадавшему вконец человеку начать новую жизнь.

Учеником он оказался прилежным. Бригада специализировалась на укладке бетона. Поначалу он трудился на изготовлении деревянных щитов для опалубки, затем прибыла техника, и новичок начал осваивать опытные образцы автопогрузчика и бетонной «пушки». Испытывал он ее на входном портале второго строительного туннеля, и в обделке свода этого туннеля, стен верхнего уступа вряд ли найдется площадка, которой не коснулись бы его руки.

Стремительно менялась вся жизнь Петра Ивановича. Он перевез вскоре семью из кибитки в новый дом, жена его не могла нарадоваться — и не столько новоселью, сколько чудесам, которые творила с ее мужем полюбившаяся работа.

Повезло ему и на учителей. Начальником участка, в который входила его бригада, в 1964 году стал Михаил Иванович Бородин, приехавший в Нурек с Урала из Кизеловской шахты, где ему удалось вывести в передовые самый тяжелый забой. Молодой инженер был по-боевому задорным, но и в меру терпеливым. Год спустя Петр Иванович, выдвинутый на участке Бородина в бригадиры, прилежно перенимал у своего молодого учителя его не по годам богатый опыт. Ныне он — один из самых уважаемых людей в Нуреке.

Многим Нурек выпрямлял ломаные биографии, помогал обрести себя, найти место в трудовой жизни. Среди них был и Пирназар Т. Родился он в горном кишлаке Кулябской области, в семье районного партийного работника, воспитавшего в своих детях уважительное отношение к людям, к труду. Окончив Кулябский педагогический институт, Пирназар около трех лет преподавал в школе родной язык и историю. Проявились у него журналистские способности, и молодого учителя пригласили на работу в районную газету. Показал он себя здесь не только как литсотрудник, но и как неплохой организатор.

Скоро Пирназар Т. стал первым секретарем комсомольской организации в своем районе. О нем заго-

ворили в ЦК ЛКСМ республики. Предложили перейти в соседний Аральский район, комсомольская работа в котором была не на высоте. Потом активного комсомольского работника направили на учебу в Ташкентскую Высшую партийную школу. В Ташкенте он успешно пробовал себя в литературе: писал стихи. После окончания партийной школы Пирназар Т. вернулся в родной район, начал работать заведующим отделом райкома. Всегда отзывчивый, веселый, деятельный, он быстро завоевал авторитет среди колхозников. Жена, дети, родители не могли нарадоваться на Пирназара.

Но вот как-то пригласили его на плов с обильным угощением. Последовали потом другие приглашения. Завелась компания дружков, с которыми он стал встречаться все чаще и чаще. Скоро его стали замечать подвыпившим уже и на работе. Дома участились семейные ссоры. В райкоме, естественно, не могли мириться с этим, и ему пришлось уйти. В сентябре 1964 года Пирназар Т. появился у меня в кабинете и чистосердечно рассказал обо всем, что с ним произошло. Не сказал только о самом главном — теперь его уже тянуло к выпивке, это приобрело уже форму заболевания.

Не зная о том, сколь сильна его пагубная привычка, мы, приняв во внимание его опыт работы, образованность, чистосердечное раскаяние, рекомендовали на профсоюзную работу. Первое время он оправдывал наши надежды, но потом стали случаться с ним странные вещи: в рабочее время он исчезал вдруг бесследно, нередко видели его в городе в компании забулдыг и пьяниц. После долгих уговоров и бесед пришлось все же с ним распрощаться.

Можно представить, каково было его жене, троим его детям, его старику-отцу, так много отдавшему сыну. Падение Пирназара Т. было стремительным. Ушел из дома, куда-то уехал, но вскоре возвратился опустошенный, потерянный, больной от систематических пьянок.

Пирназар Т. устроился на работу в пожарную охрану. В доме сложилась гнетущая обстановка. Жена днем и ночью плакала, из семьи ушел достаток. Все, что он получал, тратилось на водку и уплату долгов своим же дружкам. Напрасны были просьбы отца,

не помогали вызовы в партийный комитет, критика товарищей по работе.

Перепробовав все меры воздействия, мы отправили его в наркологическое отделение республиканского психоневрологического диспансера для принудительного лечения. Лечение помогло. Когда Пирназар Т. вернулся в Нурек, мы устроили его диспетчером в одно из подразделений стройки, начали постепенно приобщать к общественной жизни, заказывали ему статьи в местную печать. Так в семью вернулся отец, а в коллектив нурекчан квалифицированный специалист.

Но все же гораздо характернее для атмосферы Нулека другие люди и другие судьбы.

Владимир Никитович Остапов приехал в Нурек в январе 1962 года, когда стройка только начиналась. Смуглый, худощавый, немногословный, он в беседе с начальником вновь организованного управления «Гидроспецстрой» попросил отправить его на строительство туннелей. Его зачислили в штат и назначили бригадиром. Горнопроходческое оборудование в те времена в Нуреке было весьма нехитрым: отбойный шахтерский молоток, перфоратор и вагонетки для вывоза взорванной породы. Первые кубометры подходов штотен для первого строительного туннеля давались нелегко. Многие товарищи Остапова, приехавшие на стройку вместе с ним, не выдержали трудностей организационного периода и уехали. Жена Остапова умоляла его уехать на другую стройку. Но он не поддавался на уговоры. Тайком от мужа она написала в Усть-Илим. Пришел вызов, но и тогда Осипов категорически отказался от переезда.

Шло время, стройка набирала темп. Пять, семь погонных метров в месяц, которые с трудом давались на первых порах, уже никого не устраивали. Нужно было ежемесячно проходить по 15—20 метров туннелей большого сечения. Скоро на смену ручному перфоратору пришли первые «самоходки», как любовно называли подземные бурильные установки проходчики.

За плечами Владимира Никитовича был солидный жизненный опыт. Рано лишившись отца — погиб в войну, он жил с матерью в небольшом городке Рыбнице в Молдавии. Трудился в колхозе: пахал, сеял, работал на сенокосилке, на комбайне. Потом служил

в Советской Армии. После демобилизации, как и многие его сверстники, подался на строительство ГЭС в Северную Осетию. За три года освоил несколько профессий. Был плотником, сварщиком, слесарничал. Закончил эту стройку, поехал на другую — на Алма-Атинскую ГЭС. Здесь его назначили бригадиром слесарей-монтажников, а потом выдвинули в мастера. «Руководить людьми трудно, — признавался Остапов. — Управлять бригадой проще, а тут — несколько бригад, смен». Но помогли старшие товарищи, выстоял. Труд его был отмечен Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Казахстана.

С середины 1956 года он работал уже на третьей по счету — Храмской гидростанции в Грузии. Здесь ему довелось познакомиться с первыми самоходными бурильными установками. Работать на них нравилось, но велики были простои из-за поломок механизмов. Пришлось сесть за книги, изучить получше машину. Он сколотил и воспитал отличную, высококвалифицированную бригаду, старался привить членам бригады не только элементарные трудовые навыки, но и чувство бережного отношения к технике, умение взять от нее все, на что она способна.

Потом началась его работа в Нуреке. Немало было пролито рабочего пота, прежде чем за бригадой Владимира Остапова прочно закрепилась слава передовой, и не только в городе, но и во Всесоюзном объединении «Гидроспецстрой» Минэнерго СССР. Остапов дважды избирался депутатом городского Совета, вступил в партию.

Можно попытаться сравнить Владимира Остапова нынешнего с тем, каким он приехал в Нурек. И в первые годы он тоже был в числе передовых, его фотография частенько появлялась на Доске почета. Многотиражка «Норак» писала, что бригада проходчиков Остапова в предпусковой год прошла в туннеле за месяц 58 погонных метров, оставив позади знаменитую бригаду проходчиков Алексея Короля. Однако для того, чтобы в новых условиях оставаться передовиком, одного усердия было мало. Владимир Никитович давно понял, что штурмовые месяцы ни к чему, а бессонные ночи — тем более. Пришли в Нурек новые установки с первыми заводскими номерами выпуска, одна из них была передана бригаде Остапова. Вновь

надо было учиться. На работу — с книжкой, дома — тоже с книгой. Дочь, преподавательница русского языка и литературы в нурекской школе, улыбаясь, спрашивала отца: опять за учебники?

Что сегодня главное для проходчика? Техника. Но дело не в одной технике. Вопрос стоит несколько по-иному: самому необходимо быть на уровне этой техники. До появления новых бурильных установок проходили в месяц 45—55 погонных метров, а нынче дело пошло иначе — добрались до месячной выработки в 150 и даже в 200 погонных метров. Машина, правда, была экспериментальная, и для ее усовершенствования немало было приложено усилий — и конструкторами, и проходчиками.

Успех проходческих работ зависит не только от скорости проходки, надо обеспечить полный цикл производства и в том числе — крепление свода и стенок. Это одна из самых трудоемких операций. Инженеры управления с проходчиками пробовали различные решения, и вот по предложению начальника технического отдела И. И. Вагнера, поддержанного бригадой Остапова, родился прогрессивный метод: крепление свода и стен анкерами. Нурекская новинка пришлась по душе специалистам других гидротехнических сооружений страны.

Бригада Остапова первой осваивала и внедряла новую технологию проходки в слабых и нарушенных породах, она разработала технологию проходки камерных участков в туннелях сечением до 150 квадратных метров сплошным забоем, что дало экономию в 250 тысяч рублей. В девятой пятилетке бригада добилась особенно внушительных успехов. В июле 1976 года остаповцы достигли невиданной ранее в Нуреке скорости проходки — прошли за месяц 200 погонных метров нижнего уступа четвертого строительного туннеля.

Большие изменения произошли в бригаде. В последние годы строительства она стала комплексной, с широким диапазоном горнопроходческих работ. Все 35 человек имели смежные специальности: бурильщиков, машинистов экскаваторов и породопогрузочных машин, бульдозеристов, все умели вести сварочные работы. Разряды у членов бригады были высокие, заработками никто не был обделен — до 400 рублей

в месяц. В бригаде всегда был здоровый микроклимат, царили дисциплина, взаимопонимание, порядок.

Как-то я спросил Остапова: «А бывают все же конфликты?» Владимир Никитович, не задумываясь, ответил: «А как же? Коллектив у нас большой, уровень образования разный, профессиональная подготовка неодинаковая. На собраниях много спорим, иной раз ругаемся до хрипоты. Но прогулов в бригаде нет, нарушений трудовой дисциплины — тоже».

Ребята вместе дежурили в народной дружине, всей бригадой выходили на субботники и воскресники. Владимир Никитович хорошо знал каждого: кто где родился, вырос, кого и что тяготит, какие в семье заботы. Один из рабочих в бригаде отзывался об Остапове так: «Он одновременно и друг, и учитель. Такое редко бывает!» За выдающиеся успехи в девятой пятилетке Владимир Никитович Остапов был удостоен звания Героя Социалистического Труда.

Не могу не рассказать и об Алексее Аврамовиче Лысенко — его имя первым стоит в Указе Президиума Верховного Совета СССР, с которого начинается эта книга.

Появился он в Нуреке в июле 1964 года, его приняли электрослесарем в управление «Гидроспецстрой», а затем перевели слесарем в управление земельно-скальных работ — привлекли Алексея Аврамовича мощные экскаваторы и бульдозеры, которые выполняли основные работы на возведении плотины. Здесь-то и окрепла у Лысенко мечта стать машинистом скального экскаватора.

Биография у Алексея Аврамовича Лысенко обычная, похожая на многие биографии рабочих-строителей.

Родился он в 1929 году в Восточно-Казахстанской области, в селе Митрофановка. Семья была большая. С отцом и матерью их было одиннадцать душ, девять из них — мужики. Где много мужчин, там, говорят в деревнях, и достаток. Но пришла война, старшие ушли на фронт, а Алексей несовершеннолетним юнцом пошел работать в колхоз. Пахал, бороновал, возил зимой корм для скота, убирал урожай. В конце 1947 года поступил на завод, стал печевым свинцового завода в Лениногорске, а через год, сменив профессию,

начал трудиться формовщиком Иртышского медеплавильного завода. Оттуда ушел в армию, получил специальность водителя бронетранспортера. Алексею эта мощная, быстроходная машина понравилась.

Из армии вернулся на медеплавильный завод, отсюда перевелся на строительство Усть-Каменогорской ГЭС. А в январе 1955 года начальник строительства вызвал к себе группу рабочих деревенского происхождения. Речь шла о том, чтобы помочь целинникам строить новые села, машинно-тракторные станции, животноводческие помещения. Предстояло создать новые совхозы и колхозы.

Работа Лысенко на целине была отмечена правительственной наградой — медалью «За освоение целины».

В Нурек Лысенко приехал в то время, когда с жильем было очень туго. Поселили его с семьей в палатке. Через год они перебрались в юрту. Она представляла собой комнату прямоугольной формы, обшитую изнутри и снаружи жесткой прочной льняной тканью серого цвета. Два небольших окна, матерчатый изнутри, сверху покрытый шифером потолок. Вот и вся юрта.

Лысенко посадил вокруг юрты деревья, цветы и зажил новой жизнью. Его юрта была в кишлаке по соседству с коренными нурекчанами, это помогло ему сблизиться с местным населением, стать для них своим человеком.

Благоустроенную трехкомнатную квартиру Лысенко получил лишь в 1972 году, а до того и не мечтал: хорошо знал, как трудно с квартирами, поскольку сам распределял жилье, будучи председателем стройкома управления.

Лысенко быстро обзавелся друзьями. Знали его везде — во всей нурекской округе, особенно привечали в горных кишлаках — как мастера и умельца. Нужно починить швейную машину, забарахлил у кого-нибудь радиоприемник — шли к нему.

Свой первый ковш нурекской земли Лысенко вынул в 1970 году, в девятом карьере, где он проработал семь лет. И все эти годы девятой карьерой работал как хорошо отлаженный часовой механизм. Сколько я помню коллектив экскаваторщиков, стройку они никогда не подводили.

«Хозяин карьера» — так называли Лысенко. Так оно и было. По наметкам проектировщиков в девятом карьере должны были взять всего 12 миллионов кубометров гравия. Дальнейшую добычу должны были вести в правобережной пойме Вахша, в районе кишлака Тукмазар, и, кстати сказать, — на благодатных почвах совхоза «Норак». Все надо было начинать сначала: провести вскрышные работы, построить новые дороги, подвести к новому карьеру высоковольтную линию электропередач, построить систему для откачки грунтовых вод. Словом, требовались огромные затраты средств и материальных ресурсов. К тому же расстояние от нового карьера до плотины удлинилось на целых два километра.

Лысенко предложил тогда не переносить карьер, а разрабатывать нижние ярусы: спуститься метров на двадцать ниже уровня Вахша и работать, постоянно откачивая воду. Предложение бригадира было принято. Экскаваторы ушли вниз на 26 метров и взяли из карьера сверх нормы еще 27 миллионов кубометров гравия! Совхозное начальство с трибуны сессии городского совета горячо поблагодарило бригаду Лысенко за сохраненные земли...

Значение Нурека не могло ограничиться лишь экономическим влиянием на пути развития Южно-Таджикского территориального комплекса. Уже первые взрывы в Пулисангинском ущелье означали, что пришел конец самому укладу жизни на десятки километров вокруг — укладу, в котором еще немало сохранялось от дореволюционной поры.

Недалеко от строительства Нурекской ГЭС находится небольшой кишлак Дагана. Жила в этом кишлаке застенчивая девушка по имени Джумагуль. Носила пестро расшитую тюбетейку, из-под которой рассыпались по плечам десятки тоненьких косичек, нянчила младших сестренок и братьев, помогала матери по хозяйству, каждое утро торопилась в школу. Окончила она восемь классов, больше отец не позволил, и сидела дома в ожидании свадьбы. Напрасно уговаривали учителя ее отца повременить с замужеством — обычай был сильнее всех просьб и советов.

Но свадьба не состоялась. Невесту украли.

Да, при всей своей застенчивости девушка оказалась не такой уж робкой, иначе она не согласилась бы, конечно, чтобы ее «украли» с собственной свадьбы. И не только согласилась, а даже обрадовалась, когда почувствовала, как сильные руки подняли ее и быстро перенесли в стоявший неподалеку «газик» с нурекским номерным знаком.

Двор был полон гостей, но когда там хватились «виновницы торжества», Джумагуль уже была в Нуреке, в общежитии строителей, в комнате Лиды Шебалиной, крановщицы, незадолго перед этим приехавшей из Братска строить новый Нурек.

Каким образом секретарь горкома комсомола Самад Юнусов и секретарь парторганизации Виктор Семченко разузнали о том, что девушку насильно выдавали замуж, как подготовили всю эту «операцию», в это вникать я не стал. Как первый секретарь Нурекского горкома партии, я, естественно, не мог одобрить их действий, но в то же время я от души порадовался за Джумагуль: хорошо знал, какими порой трагедиями оборачиваются эти старорежимные свадьбы в глухих кишлаках.

После крутого поворота в своей судьбе Джумагуль попросила Лиду Шебалину взять ее в ученицы и вскоре стала первой женщиной-таджичкой в Нуреке, работающей на кране. Позднее мы отправили ее по путевке комсомола в Ташкент на курсы повышения квалификации.

Спустя некоторое время у Джумагуль появилась подруга. Это была Ханума Хатамова. В отличие от Джумагуль, она не знала своих родителей, выросла в детдоме. Жизнь ее складывалась иначе. Если Джумагуль проявила немалое мужество, чтобы освободиться от жестокой родительской власти, то Хануме пришлось бороться по-своему. Окончив семилетку в детдоме, она поступила в Душанбинский техникум физкультуры, а затем на факультет физического воспитания педагогического института. Ханума рано вышла замуж, родила сына, муж никак не хотел, чтобы она училась. Ханума нашла в себе силы и порвала с ним, хотя для женщины-таджички это очень трудный шаг. Училась, подрабатывала уборщицей, жилось трудно. Однокурсницы помогли ей устроить сына в интернат, стало немного легче.

После окончания института Ханума приехала в Нуреке и стала работать в больнице методистом лечебной физкультуры. Надо было видеть, сколько энергии вкладывала эта хрупкая женщина-таджичка в свою работу. Куда-то ездила, добивалась, привозила по частям оборудование. Скоро она стала, что называется, душой коллектива, без нее не обходились ни один вечер отдыха, субботник, туристический поход в горы. Ей безоговорочно верили больные, а ведь в профессии медика — это, пожалуй, самое главное.

Ханума обладала замечательным качеством — самостоятельностью. Возможно, она приобрела его еще в детском доме. Я припоминаю случай, который вызвал много разговоров о мужестве Ханумы. Группа сотрудниц городской больницы отправилась в горы, в поход. Была среди них и Ханума. С утра погода не предвещала ничего плохого, и женщины предвкушали отличный отдых в горах в выходные дни. Но ночью вдруг налетел ветер и разразился сильнейший ливень. В горах такие случаи — дело обычное.

Туристы едва успели развернуть палатку, но закрепить ее на ветру никак не удавалось. Единственная стойка, удерживавшая палатку, раскачивалась, готовая вот-вот рухнуть под бешеными порывами ветра. Перепуганные женщины сбились под брезентом, прижались друг к другу. А Ханума более двух часов под проливным дождем и неистовым ветром удерживала стойку, чтобы та не упала. К середине ночи ветер спал, дождь утих. Измученные страхами, путешественницы уснули. Ханума сумела отсыревшими спичками развести костер, вскипятила чай, разбудив женщин, заставила их обсушиться и выпить горячего чаю...

Джумагуль успешно трудилась на кране. Ее имя начало появляться на страницах газет, в республиканских журналах. Фотография ее постоянно висела на Доске почета. Теперь ее хорошо знали и в самом Нуреке, и в близлежащих кишлаках. Пример Джумагуль действовал неотразимо: из этих кишлаков на строительство ГЭС потянулись девушки, молодые женщины. Многие хотели быть только крановщицами, как Джумагуль. Так появилась в Нуреке Давлятмо Таджидинова из кишлака Чермозак.

Давлятмо хромала с рождения, левая нога у нее была короче правой. Ее лечили в Душанбе, потом она

попала в Нурек и стала пациенткой Ханумы Хатамовой. Ханума делала все, чтобы девушка не потеряла надежду на выздоровление. И Джумагуль тоже уверяла Давлятмо, что она непременно вылечится, будет работать, что все будет хорошо.

Выяснилось, что Давлятмо хорошая швея. В то время в Нуреке открылась швейная фабрика — первое промышленное городское предприятие, с которого должно было начаться индустриальное развитие города. Давлятмо пошла работать на эту фабрику.

В свой первый рабочий день к воротам фабрики она пришла со своими подругами Ханумой и Джумагуль.

— Ну, ступай,— легонько подтолкнула Давлятмо Джумагуль,— и не забывай, что ты первая девушка из кишлака Чермозак, которая становится работницей на фабрике.

— Смелее! — приободрила подругу Ханума.— Работай с таким же упрямством, как лечишься!

Что можно добавить к рассказу об этих милых и мужественных женщинах? Ханума вышла замуж за Салима Салимова, квалифицированного сварщика с завода железобетонных изделий. Создала семью Джумагуль. За Идриса Сангова, культработника, вышла замуж Давлятмо.

На этих страницах я в основном рассказывал о людях, так или иначе связанных со строительством гидростанции. Но ведь Нурек — это хотя и небольшой, но все же город со своими проблемами. С развитием и ростом города и его населения у нас заметно прибавлялось забот, и одной из самых острых была проблема воспитания молодого поколения, наведения в городе порядка.

Обеспокоенный участвовавшими случаями хулиганства, я однажды пригласил к себе в кабинет шестерых молодых парней, про которых было известно, что они и есть самые отъявленные хулиганы.

Скажу сразу, они удивили меня своим внешним видом. Давно сложившийся тип хулигана канул в прошлое. Не было ни грязных физиономий, ни челок, свисающих на глаза, не было на руках татуировок. Пришли аккуратные, современно одетые молодые люди, и в жизни бы не поверил, глянув на них, что

эти симпатичные парни всего несколько дней назад избили фотографа из проектной организации и выбили от нечего делать стекла в одной из школ. Трудно было представить, что они ходили по Нуреку пьяные, бренчали на гитаре и во все горло распевали блатные песни. Во всем содеянном они в милиции признались и раскаялись. Но все прекрасно понимали, что раскаяние это было неискренним.

Сидим, молчим, наблюдаем друг за другом. На лицах у них приличествующее случаю постное выражение. У меня вдруг мелькнула мысль: а что, если начать восхищаться — эх, до чего же вы, ребята, молодцы! Лихие парни, весь Нурек в страхе держите!.. Что было бы? Наверняка повеселели бы, появились бы искорки в глазах, горделиво повели бы плечами: а что, мы такие, еще не то можем!

— Интересно, — нарушил я молчание, — понимаете ли вы, что самое страшное для человека не разбитая физиономия или поломанное ребро, а то, что унижено, оскорблено его человеческое достоинство?

Никто из шестерых моего вопроса словно и не услышал. Все дружно изучали потолок и стены кабинета.

— Ладно, тогда представьте себе, — продолжал я, — после работы, приодетый, нарядный, спешит кто-нибудь из вас на свидание с девушкой. И вдруг к нему подходят трое и просто так, ради развлечения, начинают избивать...

Опять все промолчали. Только один, рослый, с дерзким лицом, заявил, что если его обидят, то он найдет возможность за это отомстить.

— Ты что, фотографа считаешь своим врагом? — спрашиваю его.

— Нет.

— Может быть, он обидел тебя?

— Не обижал.

— За что же ты его избил?

— А он меня на створе фотографировал, а карточку не дал!

Вот так!

В ходе беседы все больше и больше выяснялось, что они не знали, да и знать не хотели, что это значит — унижить человека. И дело тут не только в их молодости. Я поинтересовался увлечениями своих собеседни-

ков. Двое называли хоккей, трое — футбол, один промолчал. О какой-либо книге никто из них ничего сказать не мог, хотя упорно я об этом выспрашивал.

Добро и гуманизм? По их мнению, все это выдумки слабосильных, которые не могут защитить себя кулаками. Настоящий мужчина должен уметь бить, не смущаясь при этом и не терзаясь потом сомнениями.

Вот и все.

Беседа заставила меня о многом задуматься, понять «противника»: хулиган не умеет защищать слабых, он умеет только унижать слабых.

Меня теперь заботило другое: нурекчане научились бороться с такими несчастьями, как ливневые паводки и потоки, не раз обрушивавшиеся на рабочие поселки, неужели же теперь не сумеем защитить покой и порядок от таких вот «героев»?

Был разработан целый комплекс мероприятий — я уже упоминал о комсомольских оперативных отрядах. В работе с подростками большое значение имели и читательские диспуты и конференции по книгам, в которых поднимались жгучие проблемы воспитания молодежи. Одной из них стала книга Григория Александровича Медынского «Честь». В бурной дискуссии, развернувшейся по этой книге, приняли участие юристы, педагоги, партийные и комсомольские работники, представители предприятий и организаций города — никто не остался равнодушным.

Григорий Александрович, как известно, всю свою жизнь посвятил делу воспитания людей с «искалеченными» душами и многих возвратил к нормальной жизни. Будучи в Москве, я зашел к писателю, и мы познакомились. Скоро у нас с ним завязалась переписка. В одном из своих писем я писал Григорию Александровичу, что поддерживаю отношения кое с кем из тех, кто оступился здесь, в Нуреке. Они писали мне из мест заключения, в их письмах были раскаяние в проступках, просьба помочь смягчить наказание. Но не одно это заставляло их братья за перо. Им необходима была связь с людьми, которые раньше знали их и которым они доверяли. Это давало им силу переносить изоляцию от живой жизни и горькое душевное одиночество.

Один из них — В., обычно уравновешенный, пользующийся авторитетом у товарищей по работе, хоро-

ший семьянин, совершил в нетрезвом состоянии тяжкое преступление. В своих письмах ко мне он описывал безрадостное, тяжелое детство, беспризорничество, ранние скитания. Я сделал попытку облегчить его участь. Однако Верховный Совет Таджикистана, учитывая тяжесть его преступления, отклонил мою просьбу о смягчении наказания. Возможно, это было правильно и справедливо, но, несмотря на отказ, я продолжал писать В., чтобы поддержать его, чтобы помочь ему освободиться от того тяжелого, что все еще оставалось у него на дне души. Думаю, что мои письма сыграли свою роль в его судьбе. В. вышел из заключения и вполне благополучно живет и трудится.

Другой мой адресат, Дмитрий С., был осужден за хулиганство, потерял близких людей — ушла жена, порвал с ним отношения старший брат. Из писем, которые он мне присылал, я понимал, что это человек слабовольный, быстро переходящий от одной крайности к другой. С той же отвагой, с которой он шел на преступления, он был готов каяться, заниматься «самокопанием». Как такому помочь?..

Обо всем этом я писал Г. А. Медынскому, советовался с ним. Григорий Александрович отвечал мне: «Дорогой Павел Иванович! Посылаю Вам вновь вышедшую повесть «Честь». Делаю я это с большим удовольствием, так как рад нашему знакомству и думаю, что оно не ограничится только одной встречей. Для меня было большой радостью узнать, что Вы разделяете, да и не только разделяете, но в какой-то мере проводите в жизнь мои взгляды и мое отношение к трудным судьбам людей, сделавших какие-то ошибки и в чем-то провинившихся перед Родиной и перед народом. Я глубоко убежден, что для многих и многих — это не просто вина, но и беда, вытекающая из ряда каких-то обстоятельств и, конечно, прежде всего собственной, часто временной, а то и случайной слабости. Я глубоко убежден, что для многих и многих эта беда может оказаться поворотным пунктом к новой, нормальной трудовой жизни. И я глубоко убежден, что в этом процессе оздоровления человеческой души громадную, если не решающую, роль играет психологический фактор, то есть, наряду с разумной и доброжелательной требовательностью, фактор до-

верия и поддержки, вообще поднятия и укрепления внутренних сил человека.

И если Вам удастся убедить своих товарищей, активистов, в необходимости такого здорового, человеческого и разумного подхода к трудным человеческим судьбам, которых у Вас там, видимо, немало, — это будет прекрасно. Поверьте моему опыту: безнадежно неисправимых людей мало, очень мало. Вот я смотрю на фотографии у меня перед глазами под стеклом письменного стола: один имел приговор к расстрелу и был помилован, двое имели 25-летний срок заключения; третий, четвертый и пятый — разные, и все они теперь трудятся, живут и вот сняты на семейных фотографиях со своими женами и детьми, все стали здоровыми, нормальными людьми и тружениками, и я уверен — в большинстве у каждого из подобных им людей, если поскрести и поддержать, кроются и живут неумираемые ростки человеческой совести. Убедите в этом Ваших товарищей! Если хотите, если найдете нужным, даже передайте Вашему активу это мое обращение: боритесь за человека, поддержите его, помогите ему осознать себя, и он отплатит Вам стоицей!..»

Как-то в разгар строительства Нурека приехал к нам первый секретарь ЦК Компартии Таджикистана Джабар Расулович Расулов. Он провел с нами почти целый день. Ездил по строительству, знакомился с работами в первом строительном туннеле, долго беседовал с бригадами, проходчиками, похвалил, помню, за расторопность начальника управления «Гидроспецстрой» Николая Минакова. Побывал и на базе управления механизированных работ, где его внимание привлекла площадка «трудовой славы». Здесь на круговой панораме были наглядно представлены результаты работ целых подразделений, вплоть до бригад, были вывешены фотографии лучших строителей Нурека. Рядом с панорамой реял на высоком флагштоке ярко-красный флаг, поднятый в честь комсомольско-молодежной бригады экскаваторщиков Файзулло Ашуралиева. В тот день шлепали мы, помню, в резиновых сапогах по непролазной грязи, прыгали через траншеи и рытвины на улицах, а я только

смущенно и неловко улыбался при этом: стройка, мол, ничего не подделаешь!

Каково же было наше удивление, когда Джабар Расулович после обстоятельной беседы в горьком неожиданно предложил мне и председателю горисполкома:

— А почему бы вашему городу не посоревноваться по благоустройству, скажем, с городом Чкаловском?

Честно говоря, мы не нашли, что ответить. Чкаловск был одним из самых благоустроенных, чистых, опрятных и зеленых городов нашей республики. И вдруг — с ним соревноваться?! Нам?!

— Географическое положение у вас, конечно, похуже, — заметил Джабар Расулович. — Но есть у вас и много общего. Чкаловск тоже закладывали и строили комсомольцы. А что касается озеленения и благоустройства, вы можете постараться не хуже чкаловцев. Равняться надо на лучшее, не правда ли? Вот и поезжайте к ним в гости, секретов они от вас таить не будут. Возможно, и помогут чем-нибудь.

Не скрою, не сразу наши активисты приняли такое соревнование. Было даже активное сопротивление. В управлении строительства прямо заявили, что ничего путного из этого не выйдет. Нам, мол, понадобится добрый десяток лет, прежде чем можно будет предложить Чкаловску условия соревнования. Все-таки горьком партии настоял на своем. Группа нурекчан выехала в Чкаловск, а через некоторое время утвердили условия соревнования.

Нелегко, конечно, все это было наладить, но наши комсомольцы загорелись. И какова же была радость всех строителей Нурекской ГЭС, когда на третий год после этого нашему городу, как участнику соревнования по благоустройству, было присуждено первое место! Вручили нам в торжественной обстановке переходящее Красное знамя ЦК КП Таджикистана, Президиума Верховного Совета, Совета Министров и Совета профсоюзов республики. Значит, при большом желании и невозможное превращается в реальность!

19 апреля 1968 года в Нуреке побывал Председатель Совета Министров СССР Алексей Николаевич Косыгин. Будучи главой правительственной делегации, направлявшейся в Пакистан, он сделал остановку в Душанбе и изъявил желание осмотреть Нурек.

В жаркий полдень правительственные машины подъехали к Дому культуры строителей, где их ожидали тысячи нурекчан с букетами ярких весенних цветов. Алексея Николаевича сопровождали руководители ЦК партии и правительства Таджикистана. После беседы о делах на строительстве Алексей Николаевич осмотрел Дом культуры, обошел зал, фойе, заглянул в комнаты для кружковой работы, обратил внимание на слегка провисший потолок, «украшенный» ржавыми потеками. Выйдя на крыльцо, указал на неприглядный вид наших нурекских балконов.

— Мда-а! — покачал он головой. — Минэнерго строит неплохие ГЭС, но недостаточно внимательно относится к строительству городов, не обращает внимания на их облик. Сразу видно: используют устаревшие проекты жилых домов и культурно-бытовых объектов, стремясь при этом сэкономить на смете строительства. Приеду в Москву, буду говорить с министром об этом.

По дороге на створ плотины Алексей Николаевич не раз просил остановить машину, выходил из нее и сразу же оказывался в окружении нурекчан. Он интересовался их жизнью, бытом, условиями труда. Обстоятельная беседа состоялась и на створе высотной плотины.

Когда время подошло к обеду, мы предложили Алексею Николаевичу перекусить в столовой нашей гостиницы. Напротив нее стоял четырехэтажный крупнопанельный дом. Выйдя из машины, Алексей Николаевич вдруг обратился ко мне:

— Покажите мне одну из квартир этого дома.

Мы вошли в подъезд. Постучались в одну дверь, в другую — никого. Я поднялся на второй этаж — тот же результат. Время рабочее — все на стройке. Наконец в одной из квартир на третьем этаже дверь открылась, выглянула женщина, спросила, что мне нужно. Я объяснил. Вошел в квартиру Алексей Николаевич, поздоровался, попросил у хозяйки разрешения посмотреть, как она живет. Осматривая квартиру, стал расспрашивать ее, когда вселились, не давит ли потолок.

— Давит, — кивнула женщина. — В наших жарких условиях потолок надо бы повыше, будет воздуха больше.

Любовь Николаевна Ивасина — хозяйка квартиры — рассказала Алексею Николаевичу, что дома одна она, муж и дети на работе.

Выйдя из подъезда, Алексей Николаевич заметил, что дома плохо смотрятся, что надо незамедлительно посадить возле них деревья: будет зелень — придут прохлада и уют.

После отъезда товарища Косыгина к нам в Нурек зачастили специалисты и ответственные работники Госстроя СССР, Комитета по жилищному и гражданскому строительству, Министерства энергетики и электрификации СССР.

Спустя пять лет, в августе 1973 года, мне привелось побывать на приеме у Председателя Совета Министров СССР. Я рассказал Алексею Николаевичу, как идут у нас дела, как строители и партийные организации осуществляют его пожелания по улучшению жилищного и коммунального строительства. Алексей Николаевич слушал меня с большой заинтересованностью, задавал много вопросов. В конце беседы он сказал, что строительство затягивается и его нужно форсировать, так как среднеазиатскому региону требуются и дешевая электроэнергия, и вода для поливов хлопчатника и других сельскохозяйственных культур.

Я посетовал на то, что Минэнерго СССР недостаточно снабжает нас большегрузными автосамосвалами, не хватает цемента и металла, и, набравшись смелости, попросил для стройки 30 БелАЗов.

— Многовато вы просите, — улыбнулся Алексей Николаевич, — но мы вашу просьбу рассмотрим и постараемся удовлетворить.

Помог решить он также вопрос о дополнительном выделении металла и цемента.

Прощаясь, Алексей Николаевич поинтересовался, как обстоит дело с озеленением города. Я уверил его, что если он приедет к нам теперь, то совсем не узнает Нурика.

И действительно, с каждым годом преобразался наш город. Много времени, нервов и сил тратил горком на усиление борьбы за образцовый Нурек, за повышение его культуры. И отрадно было видеть, как претворяется в жизнь то, о чем когда-то только мечтались!..

Как-то один мой хороший товарищ посочувствовал мне и моим товарищам по работе:

— Ох, и достается вам, наверное!

Это есть. С работы возвращаешься поздно. Выходной настает — тоже от дел не отключиться. Надо посмотреть, как отдыхают люди, чем торгуют магазины, нет ли в домах перебоев с газом, водой, да разве все перечислишь. От телефонных звонков, конечно, тоже отбоя нет. Все это так. Но понимаешь, постоянно ощущаешь, что партийная работа служит людям, их благу. Сознать свою пользу — в этом радость нашей работы. А раз так, то и тяжести особой не испытываешь.

Своя ноша не тянет — так говорят в народе.

ЭСТАФЕТА

Памятный день Нурека.
«Как работается, секретарь!..»
Случайная неслучайность.
Как выполнить обещание!..
Три вопроса откровенного
скептика.
История одной поездки.
«На пуск пригласите!..» «Рабочая
эстафета»: предварительные
итоги.
Письмо из Харькова.
Наш звездный час

Среди памятных каждому строителю Нурекской ГЭС дней есть один особенный — 1 сентября 1970 года. В этот день стройку посетил Леонид Ильич Брежнев.

Этот год был чрезвычайно важным для нас — готовились к пуску первые агрегаты станции. На всей стройке по инициативе экскаваторщика Файзулло Ашуралиева развернулось соревнование за право включить рубильник первой турбины. В нем приняли участие горнопроходчики «Гидроспецстроя», монтажники, бетонщики, водители мощных машин БелАЗ-540 — все участники сооружения гидроэлектростанции. Трудовой порыв строителей ГЭС сдерживали поставщики. Около 300 предприятий республики и всей страны посылали нам строительные материалы, механизмы, энергетическое оборудование. Кирпич, шифер, цемент шли из Душанбе, лесоматериалы — из Братска, арматурная сталь — с Магнитки, из Караганды, металлопрокат — из Коммунарска и Нижнего Тагила, стекло — из Улан-Удэ и Алма-Аты, уникальные шаровые затворы и турбины — из Харькова, генераторы — из Свердловска.

Коллектив строителей ГЭС уверенной поступью шел вперед. Позади остались ввод в эксплуатацию двух строительных туннелей, взрыв подпорной стенки и начало строительства самой плотины, велись работы на сооружении здания гидростанции. К тому времени были подготовлены дороги, ведущие на основные объекты. Проектировщики вели детальную разработку

пускового графика. Многие его элементы обсуждались на совместных совещаниях строителей и проектировщиков.

Бюро горкома партии и его актив информировались о принимаемых решениях по принципиальным вопросам. Многотиражная газета «Норак» время от времени давала подробные репортажи о событиях, происходящих на том или ином объекте. Ведущие специалисты выступали в рабочих коллективах, рассказывали о предстоящем пуске. Люди были готовы сделать решающий рывок и осуществить в намеченные Госпланом Союза и Министерством энергетики и электрификации СССР сроки пуск первого агрегата гидростанции.

В это напряженное время и прибыл к нам Л. И. Брежнев.

О приезде Леонида Ильича нам сообщили дня за три. Всех нас это обрадовало и взволновало. Радовало потому, что придет взглянуть на нашу работу дорогой гость, выдающийся общественный деятель, коммунист, прошедший путь от рабочего-металлурга до Генерального секретаря нашей партии. Волновало же по простой причине: сумеем ли мы по-настоящему подготовиться к этой встрече, как она пройдет, какое мнение сложится у Леонида Ильича о нашем коллективе, городе, стройке? Посещение руководителями партии и правительства рабочих коллективов — явление всегда волнующее и ответственное.

В горкоме не переставая звонил телефон. Люди интересовались: когда и на какое время прибывает Леонид Ильич? Какие объекты посетит, зайдет ли в Дом культуры, в магазины, в детские сады?..

День был загружен до отказа. Несколько раз приходилось выезжать на объекты. Надо было побеседовать с секретарями парторганизаций и командирами производства, заглянуть в магазины, детсады, на предприятия, а кроме того, подготовиться к выступлению перед школьниками в средней школе. В Нуреке уже привыкли к тому, что учебный год в школах начинается с приветствия первого секретаря горкома партии.

Часов в двенадцать ночи мне позвонил домой Джабар Расулович Расулов.

- Что, не спишь? — спросил он меня.
- Не сплю, — подтвердил я.
- Волнуешься?

— Волнуюсь.

Джабар Расулович вздохнул:

— Я тоже волнуюсь. Ну вот что, Павел Иванович,— продолжал он,— ты лучше хорошенько отдохни, выспишься. А завтра будь собран, сосредоточен, внимателен. Спокойной ночи!..

К утру 1 сентября Нурек был расцвечен кумачовыми полотнищами, свешивающимися с балконов домов, транспарантами и приветственными лозунгами.

День выдался солнечный, жаркий. У въезда в город мы были задолго до назначенного часа. В тени деревьев собрались: секретарь ЦК Компартии Таджикистана С. Б. Эргашев, начальник Главного производственного управления энергетики и электрификации республики В. И. Люльчак, председатель горисполкома Б. Ш. Шукуров, управляющий трестом «Таджикгидроэнергострой» Г. И. Тихонов, директор строящейся ГЭС В. А. Давыдов, начальник строительства Ю. К. Севернард. И вот наступила долгожданная минута. На повороте показалась «Чайка» и вскоре подъехала к нам. Первым из нее вышел Д. Р. Расулов, затем — Леонид Ильич Брежнев. Одет он был просто — в рубашке с короткими рукавами, в светлых брюках. Подъехали другие машины, подошли руководители республики, сопровождающие товарищи.

Д. Р. Расулов всех нас представил Леониду Ильичу. Пожимая мне руку, Леонид Ильич спросил:

— Ну как работаете, секретарь?

Я преодолел волнение, начал рассказывать о наших делах. Леонид Ильич внимательно слушал меня, а сам зорко и быстро оглядывал окрестности.

— Сколько лет вот этим деревьям, под которыми мы стоим? — спросил он.

— Деревья эти, Леонид Ильич, росли здесь еще до начала строительства, а вот те, которые по дороге к городу, высажены в дни субботников нурекчанами, — ответил я.

— Это очень хорошо, — одобрительно заметил Леонид Ильич. — Хорошо, когда на новом месте человек сажает дерево. Это значит, что он приехал надолго! Ну что ж, давайте, показывайте стройку, город!..

Машины въехали в черту города. Нурекчане приветствовали Генерального секретаря. Тысячи рук с цветами тянулись к машинам, усыпали цветами путь.

Машины проехали к штабу стройки. Здесь собрался весь командный состав нурекской стройки, по стенам были развешаны схемы, графики, диаграммы, фотографии. Начальник строительства Юрий Константинович Севенард начал рассказывать об энергогиганте на Вахше.

Я сидел рядом с Леонидом Ильичем. Он внимательно выслушал Ю. К. Севенарда. Потом обратился ко мне и спросил: как обстоит дело у нас с торговлей, какова численность партийной организации, спросил о росте рядов партии. Поинтересовался, какой средний возраст у нурекчан, представители скольких национальностей трудятся здесь. Внимательно выслушивал ответы.

Закончив разговор в штабе, Генеральный секретарь ЦК КПСС поехал на створ плотины, показали ему центральную ее часть. Леонид Ильич заинтересовался панорамой стройки, вопросы так и посыпались на Севенарда: какие породы залегают по бортам, прочны ли скальные основания, не страшны ли этой мощной плотине землетрясения? Как с техникой безопасности, велик ли производственный травматизм?

Потом поехали на строительство здания ГЭС. Машины остановились у будущей монтажной площадки, возвышающейся метров на двенадцать над основанием здания.

Леонид Ильич, взглянув на вытирающего со лба пот товарища Расулова, улыбнулся:

— Э-э, коль вспотел Джабар Расулович, значит, здесь действительно жарко!..

После осмотра Леонид Ильич на какое-то время задумался, потом, оглядев нас, сказал те самые слова, которые я в дальнейшем не раз повторял на наших собраниях:

— Я, товарищи, побывал на многих крупных стройках нашей страны, объездил немало стран и видел много удивительных сооружений. Но то, что я увидел у вас, не идет ни в какое сравнение с тем, что мне приходилось видеть! Вы сооружаете гидростанцию в невероятных сложных горноклиматических условиях. Ваша плотина находится как бы в тисках этого огромного ущелья, здание ГЭС — тоже. Поражают воображение турбинные водоводы станции, которые предстоит выполнить с ювелирной точностью. Как инженер, могу

сказать, насколько сложна и в то же время удачна компоновка всех составных частей сооружения высокой плотины, туннелей, здания станции и двух подстанций. Скажу вам честно: такая стройка по плечу только героическому народу, руководимому могучей партией. Вы, нурекчане, просто молодцы, поистине герои, и дело ваших рук замечательно!..

Между тем со всех концов стройки к зданию строящейся станции шли рабочие — в спецовках, строительных касках. Заметив это, Леонид Ильич по узкой крутой металлической лесенке, ведущей вниз, в котлован, начал к ним спускаться. Преодолев этот непростой спуск, он подошел к рабочим. Тотчас его обступили плотным кольцом бетонщики, монтажники, проходчики, машинисты, шоферы.

Леонид Ильич от имени ЦК партии передал им привет, пожелал успехов в труде, личного счастья. Завязалась беседа.

Генеральный секретарь спрашивал рабочих: все ли они довольны, хватает ли жилья, какие нужды переживает стройка? Рабочие о недостатках говорили просто и серьезно. Конечно, вопрос с жильем задел многих — пожаловались: не хватает квартир:

Леонид Ильич обернулся к руководителям республики и стройки:

— Сколько денег требуется вам для строительства жилья в этом году?

Ему ответили: один миллион рублей.

— Попрошу Госплан этот миллион для вас найти,— пообещал Леонид Ильич рабочим,— но только с условием, что деньги эти будут освоены. Поможем вам с металлом и цементом. Попрошу вас, товарищи, материалы расходовать экономно!..

Кто-то из рабочих пожаловался, что в Нуреке невозможно посмотреть по телевизору международные спортивные соревнования, бывают помехи приема передач из Москвы, нет ретранслятора.

— Ну, этот вопрос нужно адресовать Джабару Расуловичу,— оглянулся на секретаря ЦК Компартии Таджикистана Леонид Ильич.

Леонид Ильич начал прощаться с рабочими, и вот тут-то произошло нечто такое, что имело для нас неожиданные последствия. В толпе весело заговорили, обращаясь к дорогому гостю:

— Леонид Ильич, приезжайте на пуск агрегатов!

— Обязательно приезжайте!

— Пустим досрочно!

Генеральный секретарь улыбнулся, спросил:

— Когда?

— В конце семьдесят второго года! — откликнулись из толпы. Позже мы так и не узнали, кто первый назвал эту дату. Рабочие подхватили:

— В конце семьдесят второго года! Приезжайте!..

— За приглашение спасибо,— ответил Леонид Ильич.— Будет возможность — обязательно приеду. А не подведете?

— Нет!..

Я заметил, как встревоженно переглянулись между собой руководители строительства. Вслед за гостем все сели в машины, кортеж выехал за пределы стройки. На главной площади города остановились, товарищ Расулов позвал меня к себе. Вышел из машины и Леонид Ильич. Когда я подошел, он стоял в окружении большой толпы нурекчан и нурекчанок с ребятишками на руках и оживленно беседовал с ними. Люди спрашивали Генерального секретаря, как ему понравился Нурек, а Леонид Ильич задавал им вопросы, касающиеся самых разных сторон жизни. Затем направились в универмаг. Леонид Ильич спрашивал у продавцов, какие товары пользуются наибольшим спросом у строителей, нет ли жалоб на низкое качество этих товаров.

На втором этаже подошли к отделу тканей.

Леонид Ильич поздоровался с продавцом Габидой Рамазановой, поинтересовался, как ей живется. Габидда, как самому близкому человеку, рассказала Леониду Ильичу о детях, которых она воспитывает.

Затем речь пошла о торговле, о качестве и ассортименте тканей и покупательской способности нурекчан.

По выходе из универмага тысячи людей ждали дорогого гостя. Всем хотелось оказаться поближе к нему, пожать ему руку...

Обещания свои Леонид Ильич выполнил: дополнительные деньги на строительство жилья для Нурека были выделены. Вскоре заработал ретранслятор на перевале Чермозак. Были увеличены и фонды на необходимый металл и цемент.

Дело теперь было за строителями. Обещание, кото-

рое они дали Леониду Ильичу, — пустить первый агрегат в конце 1972 года — надо было выполнить.

Как я уже упоминал, наши ведущие инженеры встревоженно переглянулись, когда рабочие пригласили Леонида Ильича на пуск первого агрегата в конце 1972 года. Дело в том, что в тот период все на стройке было подчинено тому, чтобы пустить первый агрегат станции в третьем квартале 1973 года. 73-го, а не 72-го! Но слово было дано, и его надо было держать. Нас успокаивало и обнадеживало то, что в атмосфере любой ударной стройки главенствует стремление к наращиванию темпов, сокращению сроков, ускорению ввода сооружаемых объектов в строй действующих, а именно такой и была атмосфера в Нуреке на всех этапах строительства. Рабочие называли срок пуска первого агрегата без предварительной подготовки и обсуждения. В этом сказалась общая атмосфера, дух стройки, уверенность в своих силах.

Как выполнить рабочее слово?

Где найти резервы?

Как суметь «спрессовать» время?

Именно тогда, в период общих напряженных раздумий и поисков, и родилось движение, позже получившее самое широкое распространение во всей стране.

Речь идет о «Рабочей эстафете».

«Нурек строит вся страна. Именно здесь родилась прогрессивная форма социалистического соревнования — «Рабочая эстафета», ставшая мощным ускорителем стройки. Это соревнование объединило на основе рабочей дружбы и взаимопомощи строителей ГЭС с поставщиками оборудования и конструкций», — писали строители, монтажники и эксплуатационники Нурекской ГЭС Леониду Ильичу Брежневу в письме, опубликованном в «Правде» 24 августа 1977 года.

В ответном письме Л. И. Брежнев отмечал:

«Центральный Комитет КПСС внимательно следит за развитием начатого в Нуреке тесного сотрудничества гидростроителей с рабочими Урала, Ленинграда, Украины. С полным основанием можно сказать, что эта прогрессивная форма социалистического соревнования на основе договоров строителей с коллективами заводов — поставщиков оборудования помогла досроч-

но, с высоким качеством ввести в действие пять гидроагрегатов электростанции и дать народному хозяйству страны значительный экономический эффект»...

Сегодня многие строители покидают площадку Нурекской ГЭС, переводятся — на Рогун, Байпазы, на новые стройки. Но совершенно ясно, что общий итог Нурека далеко не исчерпывается тем, что за два десятилетия строительства на берегах Вахша возник новый город, новое искусственное море и гидроэлектростанция — важнейший объект Южно-Таджикского территориального комплекса. Один из главных итогов Нурека еще и в том, что в недрах этой Всесоюзной ударной комсомольской стройки родилась и выкристаллизовалась новая форма соревнования, «Рабочая эстафета», которой уготована долгая и яркая жизнь.

Уже сегодня по методу «Рабочей эстафеты» успешно обеспечиваются поставки оборудования и материалов для крупнейших строек страны, в том числе «Атоммаша», Тобольского нефтехимического комплекса. Как отмечалось в постановлении ЦК КПСС, «коллективы строительных организаций, проектировщиков, предприятий промышленности и транспорта Москвы, Ленинграда и Ленинградской области, Узбекской ССР, Азербайджанской ССР и Литовской ССР, Башкирской АССР, Хабаровского края, Липецкой, Мурманской, Омской областей, Киева, Запорожской и Гомельской областей развернули по принципу «Рабочей эстафеты» социалистическое соревнование за своевременный и досрочный ввод в действие важнейших производственных мощностей и объектов...» (Правда, 1978, 11 февраля).

Как же зарождалась «Рабочая эстафета», каковы ее итоги — экономические и нравственные, с какими проблемами было связано ее развитие и распространение.

Каждое новое дело вызывает самый широкий спектр оценок — от восторженных, безоговорочно одобрительных до резко отрицательных или скептических. Но даже когда известна оценка объективная, данная самой жизнью, порой полезно взглянуть на предмет с точки зрения скептиков — обнаруживаются новые грани проблемы, становится суть рельефней. Поэтому ча-

сто, когда о «Рабочей эстафете» заходит речь, рассказ о ней я начинаю с «типичных» вопросов скептиков:

— Если отбросить словесный антураж, не является ли «Рабочая эстафета» в своей сущности лишь неким нематериальным подспорьем к существующей системе материально-технического обеспечения, лишь методом улучшения снабжения?

Им я отвечаю:

— Ни в коем случае. Это в корне неверно.

— «Рабочая эстафета» предполагает первоочередную и даже досрочную поставку оборудования заводами-изготовителями той же Нурекской ГЭС или предприятию-заказчику. Не делается ли это за счет других потребителей? Не становится ли таким образом «Рабочая эстафета» средством растолкать, оттереть в сторону менее расторопных и предприимчивых заказчиков?

— Нет. За все время с момента зарождения «Рабочей эстафеты» не было ни единого случая, чтобы досрочная поставка оборудования Нуреку сорвала или затормозила выполнение заказа другой стройки. Да и ни один завод-поставщик на это не пойдет. Вопрос продиктован непониманием сути «Рабочей эстафеты», предусматривающей досрочное выполнение поставок за счет внутренних резервов производства.

И еще такой вопрос:

— Выгоды стройки от соревнования по методу «Рабочей эстафеты» очевидны: обеспечивается своевременная и досрочная поставка оборудования. А завод-изготовитель — что получает он? Иными словами, не прикрывает ли марка «Рабочей эстафеты» потребительские тенденции иных хозяйственных руководителей — побольше брать и поменьше давать взамен?

Ответ:

— Вот пример. В 1974 году в Нурек приезжала группа директоров заводов, в их числе директор Днепровского механического завода, поставившего нам уникальные 360-тонные краны. Он прямо сказал: краны мы вам поставили, больше нечего поставлять, но у нас большая просьба к нурекским гидростроителям: давайте продолжать соревнование, потому что «Рабочая эстафета» по-хорошему будоражит коллектив, настраивает на постоянный поиск резервов, заставляет держаться, что называется, «в форме»... Ко-

нечно же, никаких потребительских тенденций «Рабочая эстафета» не вызывает и не прикрывает. Но вопрос о стимулировании всех участников соревнования по методу «Рабочей эстафеты» — этот вопрос актуален и требует разрешения...

Итак, можно сказать, что своеобразная «случайная неслучайность» стала толчком для рождения «Рабочей эстафеты». Но то, как шел поиск резервов, какие творческие силы коллектива он пробудил, — в этом легко прослеживаются многие глубинные закономерности развития ударных строек.

Как я уже говорил, к сентябрю 1970 года обстановка на строительстве Нурекской ГЭС складывалась очень напряженная. Не справлялись с поставкой оборудования для Нурека душанбинцы и орджоникидзеабадцы, срывали поставку сборных железобетонных конструкций: ригелей, плит, колонн для монтажа подкрановой эстакады. Делу не помогали ни телефонные звонки, ни наши многочисленные телеграммы. Нужно было предпринимать что-то совершенно иное. Ведь речь уже шла не о плановых, а сверхплановых и срочных поставках!

В активнейший поиск резервов включился весь коллектив. За две недели провели серию совещаний, создали комиссию, которая готовила пусковой график уже на конец 1972 года, предприняли меры для ускорения отсыпки плотины, увеличения темпов проходческих работ. Худо-бедно, но все же удалось «втиснуть» все основные объекты в новый график. Это на самой стройке. А как все же быть с поставкой оборудования?

Наши ведущие инженеры, опытные гидростроители, только руками разводили: здесь мы ничего сделать не можем, эту машину нужно двигать в Москве, в Госплане. А Госплан давно уже поставку всего основного оборудования для Нурека распределил, расписал по заводам-изготовителям, исходя из планового срока — 1973 год.

Есть такой документ в Госплане, называется он «именник», и такое оборудование, как генератор, турбины, трансформатор — все это входит в «именник», записан номер каждой машины, название, сроки изготовления. На основе этого документа заводы-изготовители строят свои планы, свои отношения с другими предприятиями, которые поставляют им сырье и от-

дельные детали. Таким образом, любые изменения сроков в «именнике» должны были вызвать целую цепочку изменений в сбалансированных, просчитанных планах десятков предприятий. Иными словами, мы отдавали себе отчет в том, что наше обращение в Госплан с просьбой о пересмотре сроков поставки основного оборудования для Нурекской ГЭС не вызовет удивления, и к тому есть все основания.

Постепенно крепла уверенность в том, что нам нужно искать другие пути. Как-то вечером на одной из тихих улиц Нурека мне встретился Юрий Михайлович Инюшин, начальник участка СпецГЭМа, опытный гидростроитель, за плечами которого была уже не одна станция. Разговор зашел о том, что больше всего волновало в то время весь коллектив: как выполнить данное обещание, как пустить станцию на год раньше срока. И Юрий Михайлович как бы подвел черту всем сомнениям, он прямо сказал: «Из Госплана мы ничего не получим, ради Нурека Госплан не будет вносить сумятицу и разнобой в свои же расчеты. Путь только один — нужно идти на прямые контакты с поставщиками. Для начала — внутри Таджикистана. Нужно искать способы заинтересовать поставщиков в сокращении сроков поставки...»

В тот период самым «узким» местом у нас было здание ГЭС. Вертикальные подкрановые колонны поставлял нам домостроительный комбинат в Орджоникидзебаде. По плану должен давать по 35 в месяц, а на деле получали 18, 20, 22. А подкрановые пути были нам позарез нужны: чем быстрее мы сделаем пути, тем быстрее пустим монтажный кран грузоподъемностью в 360 тонн — темпы работ на здании ГЭС сразу заметно возрастут. Решили послать в Орджоникидзебад бригаду из наших строителей и монтажников, с тем чтобы они вызвали на соревнование рабочих домостроительного комбината. Встретили наших посланцев на комбинате хорошо. Здесь не нужно было объяснять, что даст сокращение сроков строительства станции: значение Нурекской ГЭС для нашей республики было общеизвестно. Договор между строителями и рабочими домостроительного комбината был заключен. Но сразу возник вопрос: как обеспечить своевременную доставку колонн в Нурек? Значит, к соревнованию нужно подключить шоферов.

Секретарем парторганизации автобазы там же, в Орджоникидзеабаде, была Валентина Михайловна Кирьянова, старший диспетчер, она и сейчас там работает, бессменно возглавляет парторганизацию уже лет пятнадцать. Она посоветовалась с членами партбюро и сообщила: автомобилисты согласны включиться в соревнование. В те же дни новое дело решили поддержать и монтажники СпецГЭМа. Таким образом, был заключен коллективный договор: домостроители обязуются в срок и в нужном количестве изготавливать колонны, строители — готовить своевременно фронт работ, автомобилисты — обеспечивать доставку колонн на здание ГЭС, монтажники — без задержки монтировать эти колонны. К производственникам примкнули и проектировщики, которые обязаны были, в связи с повышенными требованиями к сроку пуска первой машины, обеспечивать объекты проектно-сметной документацией. Такой вот наметился законченный производственный цикл.

И дело пошло — сразу, заметно, зримо. Здание ГЭС начало преобразоваться прямо на глазах. Подкрановыми колоннами не ограничились, условия соревнования распространились и на другую продукцию домостроителей. Конечно, все это происходило не само собой, за ходом соревнования внимательно следил горком партии, большую работу проводил партком здания ГЭС, секретарем там был Геннадий Иванович Чернов, заместитель начальника управления строительства. Чтобы новое дело подкрепить организационно, мы проводили совместные заседания партбюро всех участников соревнования — здания ГЭС, участка монтажных работ, домостроителей и автомобилистов. Устав партии разрешает в особых случаях создавать такие вот партбюро, решения которых обязательны для всех коммунистов.

Успешное сотрудничество нурекских гидростроителей с поставщиками и смежниками республики придало нам уверенности, решено было выходить на прямые контакты с поставщиками за пределами Таджикистана — с заводами, которые давали нам основное оборудование: генераторы, турбины, трансформаторы. Подготовили письмо-обращение, от имени строителей Нурекской ГЭС его подписали секретарь парторганизации СпецГЭМа Лев Кузьмич Комков и начальник

участка Юрий Михайлович Инюшин. Монтаж основного оборудования становился теперь самым «узким» местом, поэтому инициатором соревнования и выступил коллектив СпецГЭМа. В делегацию, которая должна была передать письмо нашим смежникам, вошли Инюшин, директор строящейся ГЭС Всеволод Андреевич Давыдов, бригадир проходчиков, депутат Верховного Совета Таджикистана Тавар Курбанов и я. Маршрут у нас был: Свердловск, Запорожье, Харьков, Новокраматорск.

Немного опередив нас, на Харьковский ордена Ленина турбинный завод имени С. М. Кирова пришло из Нурека письмо:

«Дорогие товарищи! Мы просим дать согласие на заключение договора о социалистическом соревновании между бригадами вашего завода и бригадами наших управлений, так как ваш завод является поставщиком основного оборудования для строящейся ГЭС.

Мы предлагаем новый вид соревнования — «эстафету» между бригадами, занятыми одним общим делом. Вы изготавливаете оборудование, мы готовим для него здание, фундаменты, производим монтаж. За кем задержка — видно сразу.

Если все бригады — участницы «эстафеты» возьмут обязательство работать строго по графику, а график у нас очень напряженный, мы составили его, руководствуясь директивами XXIV съезда КПСС и обещанием, данным коллективом «Нурекгэсстроя» Генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Л. И. Брежневу пустить первые агрегаты ГЭС досрочно, в декабре 1972 года, то не будет залеживаться ценное оборудование на складах, не будут простаивать мощные механизмы на стройке.

Бригада монтажников гидротурбины Анатолия Шильникова, борющаяся за звание коллектива коммунистического труда, хочет померяться силами с бригадами вашего завода, изготавливающими оборудование. Соревноваться с вами изъявила желание также бригада Алексея Зуева. Эти коллективы ведут работы на строительстве первой очереди гидроэлектростанции, где будет устанавливаться оборудование вашего завода.

Если вы согласны с нашим предложением, то просим сообщить, какие бригады будут соревноваться с

нами, их социалистические обязательства. Наше предложение: итоги подводить раз в квартал по результатам взаимной проверки. Арбитром просим быть газету «Известия».

После заключения договора о социалистическом соревновании обязательства бригад, а также ход соревнования освещать в печати. Соревнование предлагаем начать с ноября этого года.

С товарищеским приветом!..»

Далее шли подписи представителей коллективов и организаций стройки.

Вызов на соревнование приняли заводские бригады слесарей-сборщиков и электросварщиков, руководимые П. Ткаченко, Н. Козловым, В. Лясниковым, И. Макаренко, И. Николаенко. Обращение и обязательства коллективов строителей опубликовала заводская многотиражка «Кировец». Так родились творческие договоры этих бригад-смежников. С аналогичными письмами нурекчане обратились в свердловский «Уралэлектротяжмаш», к коллективам ленинградского и ташкентского объединений «Электроаппарат», запорожских трансформаторного и механического заводов, чеховского завода «Гидростальконструкция» и многих других.

Напряженная совместная деятельность партийных организаций и управлений стройки позволила материализовать идею спецгэмовцев и сделать ее основным инструментом сокращения сроков вводов агрегатов.

Всю работу возглавил горком партии Нурека, который в первые же дни рождения «Рабочей эстафеты» стал ее боевым штабом. Здесь подводились итоги трудового соперничества бригад, формировались делегации для поездок к смежникам, разрабатывались дальнейшие планы развертывания новой формы соцсоревнования. В «Рабочую эстафету» включились десятки новых коллективов. Нурекским заказам в цехах многих заводов была дана «зеленая улица». Но сначала — о нашей поездке.

Первой остановкой у нас был Свердловск, объединение «Уралэлектротяжмаш» — одно из крупнейших в стране, всемирно известное. Воистину — гигант отечественной индустрии.

Откровенно сказать, не без робости приступили

мы к выполнению своей задачи. Положили письмо-обращение на стол секретарю парторганизации Анатолию Арсентьевичу Михееву, ознакомили с ним Александра Ивановича Казанцева, исполнявшего обязанности генерального директора объединения. «Что ж, предложение соревноваться мы рассмотрим, но давайте сначала пройдем по заводу, посмотрим, как дела с нурекским заказом...» Очень хотелось хозяевам показать, что изготовление генератора для Нурекской ГЭС на полном ходу. Но оказалось — все не так. Инюшин-то опытный человек, он наклоняется, на ухо мне говорит: «Павел Иванович, конь не валялся». Я ему так же тихо: «А это вот что за крестовина?» «Крестовина не наша,— отвечает.— У нас машина диаметром 4,7 метра, а эта поменьше — это, пожалуй, для Чиркея делается».

Ну, переглянулись мы, промолчали. Гости с востока — не станут же уличать хозяев. Но одно поняли: нужно, чтобы на заводе отнеслись к предложению строителей Нурекской ГЭС со всей ответственностью. Все теперь зависело от нас.

В тот же день по нашей просьбе Казанцев собрал у себя в кабинете всех руководящих инженеров, которые будут работать над генератором для Нурека. Собралось человек сорок. Мы все по очереди выступали — я, Давыдов, Инюшин, Курбанов. Рассказали, в каких условиях мы станцию строим, что она значит для Таджикистана, что заставило нас обратиться к ним за помощью — об обещании Леониду Ильичу Брежневу. Мы волновались и, видимо, сумели своим рассказом взволновать уральцев. В конце совещания Александр Иванович Казанцев сказал: «Я считаю, что это наш долг — помочь Нуреку. Мы, уральцы, никогда страну не подводили и всегда свои обязательства выполняли. Мы поможем Таджикистану!..»

Такое же решение было принято и рабочими.

В тот же день, когда был подписан договор о творческом содружестве между нашими коллективами, у меня состоялся разговор с заместителем главного конструктора Константином Федоровичем Костиным, лауреатом Государственной премии, человеком, очень много сделавшим для развития «Рабочей эстафеты» на своем предприятии. Он предупредил: «Генератор мы сделаем, приложим все силы, чтобы ваш заказ

выполнить, но вала-то нет. Вал для генератора кует Новокраматорский завод, вам придется и туда заехать».

Мы встретились с руководителями и рабочими Харьковского турбинного завода имени С. М. Кирова и быстро нашли с ними общий язык. Подписали такой же договор, как и в Свердловске: строители готовят фронт работ, заводчане изготавливают турбину, монтажники монтируют ее в сжатые сроки, с тем чтобы первую очередь станции пустить в декабре 1972 года.

Но и здесь — тот же разговор: турбину можно делать, но вала нет, вал турбины тоже кует Новокраматорский. Мы поняли, без посещения Новокраматорского не обойтись. Дали нам на заводе «уазик», и я с директором строящейся ГЭС Всеволодом Андреевичем Давыдовым поехал туда. И вот мы в приемной у одного из руководителей завода. Предприятие — гигантское, пять орденов на знамени завода, большой, слаженный коллектив с богатыми трудовыми традициями. А этот руководитель нам говорит: «Мы не можем вам отковать валы. У нас всего один пресс, 25-тысячник, их в стране всего четыре, и этот четвертый — у нас, заказы на него распределены на много времени вперед, так что ничего не могу сделать». Эта поездка была в марте 1971 года, а валы мы просили отковать в мае, потому что их нужно везти на заводы точить. Одновременно вал генератора из Свердловска заслать в Харьков на спаривание, подогнать их друг к другу. Это в один конец — полмесяца. А если обнаружатся неточности, вал генератора нужно возвращать в Свердловск, доделывать. Только после этого он пойдет в Нурек, а вал турбины в Нурек — из Харькова. И здесь они будут состыкованы. Так что времени у нас было в обрез. И тут — такая осечка. Мы уж и так, и этак — бесполезно. «Ничем не могу помочь». И формально прав. После долгого разговора наконец слегка смягчился: «Что ж, попробуйте поговорить с рабочими-кузнецами...»

В сопровождении Виктора Михайловича Кожевникова, заместителя начальника производства, отправились мы к кузнецам. Огромный цех, в нем этот пресс-гигант — 25-тысячник. Работает — аж поджилки трясутся у постороннего зрителя. Подвел нас Кожевников к группе кузнецов, представил. Рассказали мы

про наши дела, про наши заботы. Кузнецы — народ серьезный, неторопливый. Посовещались они между собой, что-то подсчитали, подумали, потом один из них говорит: «А на пуск станции пригласите?» «Обязательно пригласим», — отвечаем. «Ну что ж, тогда откуем вам валы, выкroим время...» Начальник строительства здания ГЭС Василий Иванович Бондаренко через неделю «узаконил» отношения строителей с кузнецами Новокраматорского завода.

Последним пунктом нашей поездки было Запорожье. Нашу делегацию принял генеральный директор завода «Запорожтрансформатор» Виктор Андреевич Иванов, Герой Социалистического Труда, член ЦК КП Украины. Выслушав нас, он задал только один вопрос: «Уралыцы и харьковчане что вам обещали?» Отвечаем: «Обещали помочь». В подтверждение показываем заключенные договора на соревнование. «Что ж, — говорит, — если они решили дать вашему заказу «зеленую улицу», то и мы не отстанем. Готовьтесь выступить перед рабочими...»

Так появился еще один договор. В нем стоял срок поставки первого силового трансформатора — май 1972 года. Это вместо декабря — больше чем на полгода раньше срока!

Такой же примерно разговор состоялся на заводе и в кабинете директора Запорожского механического завода Петра Федоровича Карасенко.

Окрыленными вернулись мы домой, рассказали рабочим о результатах поездки. Теперь уже было все, чтобы выполнить обещание, данное Леониду Ильичу Брежневу. И коллектив гидростроителей его выполнил, первый агрегат Нурекской ГЭС был пущен 15 ноября 1972 года. В этом — огромная заслуга всех участников «Рабочей эстафеты».

Харьковские турбостроители образовали специальную группу, куда вошли технологи, конструкторы и рабочие. Она внесла много ценных предложений. В результате контакта с нурекчанами, которые приезжали на завод, высказывали претензии к качеству машин, некоторые узлы турбины и затворов были модернизированы, снизилась металлоемкость изделий. Общий экономический эффект на заводе при изготовлении оборудования для Нурека в 1971—1972 годах

составил свыше 100 тысяч рублей. Раньше срока харьковчанами были изготовлены все три гидроагрегата.

На завод не раз приезжал наш бригадир А. Шильников, делился опытом, знакомился с рабочими — смежниками по соревнованию. В свою очередь посмотреть на ход монтажа первой турбины и затвора приезжали в Нурек бригадиры из Харькова П. Ткаченко и В. Лясников. Они высказали ряд ценных советов, как ускорить сборку машины, а П. Ткаченко помогал ее монтировать.

На заводе «Уралэлектротяжмаш» побывали наши представители из бригады «Спецгидроэнергомонтажа». Они соревновались с бригадой токарей-карусельщиков С. Топоркова. А бригада А. Колоколова — с обмотчиками-паяльщиками В. Ярмухаметова. И здесь новые формы соревнования рабочих бригад дали немало ценного, были разработаны совместные конструктивные технологические усовершенствования.

Нурекские гидростроители, успешно подхватив «эстафету» из рук машиностроителей, выполнили свои обязательства по досрочной сдаче в эксплуатацию очередных узлов агрегата. В соревнование по «Рабочей эстафете» включились бригады практически всех субподрядных участков, сооружающих Нурекскую ГЭС. Бригада участка «Гидромонтаж» В. Титова вызвала на соревнование коллектив чеховского завода «Гидростальконструкция», выпускающего элементы металлической облицовки турбинных водоводов, а рабочие этого завода в свою очередь обратились к коллективам магнитогорского, череповецкого и коммунарского металлургических комбинатов с просьбой обеспечить их прокатом. В результате уже в июне 1972 года завод закончил изготовление 2700 тонн важнейших для стройки конструкций. Своевременно поступило на стройку и было смонтировано в сжатые сроки благодаря «Рабочей эстафете» электрооборудование, поставленное Запорожским трансформаторным заводом и ленинградским объединением «Электроаппарат». Из дня в день ход этого мощного рабочего соревнования набирал темп, стремительно приближая знаменательный день пуска первого агрегата уникальной Нурекской ГЭС...

«Рабочая эстафета» вдохнула новый смысл в соревнование на стройке. В условиях, когда соревнующиеся коллективы практически ничем не связаны, когда трудовой энтузиазм не обусловлен конкретным важным делом, соревнование не может не превратиться в формальность. И лишь после первого успеха «Рабочей эстафеты» все поняли, что соревнование в условиях стройки может быть очень и очень эффективным. Это было одним из важных уроков «Рабочей эстафеты». Я бы сказал, что первый успех нового дела сопровождался широким воспитательным эффектом.

Здесь уместно рассказать, что дала «Рабочая эстафета» нашим партнерам по соревнованию. На праздник пуска первого агрегата Нурекской ГЭС съехалось много гостей — со всего Союза. Товарищ Леонид Ильич Брежнев, к сожалению, приехать не смог — дела не позволили отлучиться, он прислал очень теплую поздравительную телеграмму. Выступая на митинге, генеральный директор «Уралэлектротяжмаша» Василий Васильевич Блюхер, кстати, сын прославленного маршала Василия Константиновича Блюхера, сказал, что нурекский заказ и обязательства, взятые коллективом, вызвали к жизни новый импульс творческой и трудовой активности рабочих и инженеров. Генератор мощностью 300 тысяч киловатт для Нурека — такой машины еще не делалось в стране, это был опытный, экспериментальный образец, и раньше никто не поверил бы, что такой генератор можно создать в столь сжатые сроки и с таким высоким качеством. Об этом же говорил Александр Степанович Вовченко, начальник гидротурбинного цеха Харьковского турбинного завода имени Кирова. Всем запомнились его слова. Он сказал, что за все 20 лет его работы в цехе он не видел более вдохновенного труда, чем во время работы над нурекским заказом.

Между тем харьковчане делали не только турбину. Они изготовили в те же сжатые сроки и первый шаровой гидрозатвор, не имеющий себе равных в практике мирового гидротехнического строительства. Весом он более 600 тонн, в нем применен ряд новшеств, которые принципиально отличают затвор от тех, что уже делались у нас в стране для электростанций Индии и некоторых других стран. Создание турбины и затвора заставило коллектив завода пове-

рить в существование огромных внутренних резервов, активизировать их поиск.

Кстати, только после пуска первого агрегата нашей ГЭС, когда мы обсуждали сделанное и прикидывали планы по ускорению ввода в строй второго агрегата, родилось само название — «Рабочая эстафета». Чего, собственно, мы добились? Передачи результатов труда от одного коллектива к другому, без задержки и промедления. Значит, эстафета. Лев Кузьмич Комков, парторг СпецГЭМа, уточнил: «Не просто эстафета, а эстафета рабочая». Так и пошло — «рабочая эстафета». А уже в 1880 году в одной из телепередач промелькнули кадры старой кинохроники 30-х годов: кузнецы изготавливают поковку, передают ее токарям, те обрабатывают и передают сборщикам. И все это называлось — «Рабочая эстафета». Говорят, новое — это хорошо забытое старое. Что ж, само время заставило нас вернуться к жизни, в новом качестве и в новом масштабе, начинание, давшее первый росток еще в 30-х годах, на заре индустриализации нашей страны.

Подготовка к пуску и пуск первой очереди Нурекской ГЭС были своего рода пиком «Рабочей эстафеты». Можно было ждать после этого спада, но этого не произошло. Дело в том, что в декабре 1972 года мы ввели второй гидроагрегат станции, и тоже досрочно, а впереди нас ждал третий агрегат. Было конкретное дело, точка приложения сил, и у всех было желание продолжать соревнование по принципу «Рабочей эстафеты»: и у нас, и у наших смежников в Свердловске, Харькове, Запорожье, Новокраматорске и других городах. Уже возникли и укрепились свои формы сотрудничества, свои общественные институты. Например, на «Уралэлектротяжмаше» партийный комитет создал штаб. Штаб следил за выполнением обязательств коллектива, широко привлекая местную печать для пропаганды новой формы соревнования. На всех этапах содружества, а оно длилось до завершения стройки, штаб при парткоме «Уралэлектротяжмаша» не только обеспечивал исполнение наших заказов в сжатые сроки, но и много сделал для того, чтобы связать по принципу «Рабочей эстафеты» цехи и подразделения внутри объединения. В поиск резервов был втянут весь коллектив.

Развивалась и укреплялась дружба между нашими строителями и монтажниками и рабочими заводов: ездили друг к другу в гости, когда подводились итоги соревнования, работали вместе над монтажом и совершенствованием оборудования. Это тоже изнутри поддерживало и, я бы сказал, душевно согревало «Рабочую эстафету».

Спад у нас произошел позже — после пуска третьего агрегата в 1973 году, потому что следующая машина планировалась лишь на 1976 год. Строители делали свое дело, готовили фронт работ, а заводы-смежники — свое. В этот период «Рабочая эстафета» как бы перешла в руки конструкторов и работников КБ, которые проектировали машины. Они поддерживали связь непосредственно с эксплуатационниками, снимали характеристики с работающего оборудования, искали пути улучшения конструкций. Рабочие на это время были из соревнования, в сущности, исключены. И это имело свои негативные стороны не столько для нас, сколько для наших партнеров — заводо-поставщиков.

Причина вот в чем. То, что длительные перерывы разрушают наладившиеся контакты, личные связи, — это лишь одна сторона дела. Но есть и другая. Вот, например, делается в Свердловске генератор. Для создания его изготавливается сложнейшая оснастка — штампы, приспособления. От машины к машине технология совершенствуется, совершенствуются эти приспособления. И вдруг после трех генераторов — перерыв. На три года. Оснастка — ее в шкафчик не положишь, те же штампы — это огромные изделия из дорогого металла. А заводские условия стесненные. Вот и вывозятся все приспособления из цеха, их перетаскивают с места на место по двору, и в конце концов они становятся непригодными. Так было. И когда подходит срок браться за четвертый генератор, все приходится начинать сначала. Сколько энергии, сколько труда оказывается потраченными впустую! И это особенно заметно и обидно, когда на памяти людей — напряженный поиск малейших резервов, когда еще не забыта атмосфера «Рабочей эстафеты».

Я думаю, это один из серьезных уроков, который опыт «Рабочей эстафеты» дает плановым органам. В гидротехническом строительстве вообще нерацио-

нально, как показывает практика, планировать такие большие перерывы между вводами агрегатов. А в условиях «Рабочей эстафеты» это становится особенно недопустимым.

Мы понимали, что спад опасен для дальнейшего развития «Рабочей эстафеты» и в Нуреке. И это время использовали для осмысления накопленного опыта, для его изучения и систематизации. С этой целью было проведено несколько серьезных мероприятий. В ноябре 1973 года — научно-практическая конференция по «Рабочей эстафете». Были приглашены научные работники, представители заводов-поставщиков, приехали гидростроители со многих крупных строек Союза — из Усть-Илима, с Зейской и Токтогульской ГЭС. Эта конференция подготовила почву для созыва в будущем первого слета участников соревнования по принципу «Рабочей эстафеты». Этот слет был проведен в апреле 1976 года.

Примечательная деталь. Вначале слет планировался на октябрь 1976 года. Но как-то открываем нашу республиканскую газету «Коммунист Таджикистана», и в ней — письмо бригадира Харьковского турбинного завода Павла Андреевича Ткаченко. Он пишет: «Рабочая эстафета» у них на заводе начала глохнуть, хорошо бы собраться всем и вместе подумать, что сделать для оживления дела. И поторопиться с созывом слета нас заставило не само, конечно, письмо, а общее стремление активизировать соревнование.

На слете состоялся очень интересный и полезный разговор. Были подведены итоги многолетней работы, они были исследованы в докладе руководителей группы Оргэнергостройтруда при Министерстве энергетики СССР, которые подробнейшим образом изучили вопрос. Вот некоторые цифры. За годы соревнования Харьковский завод имени Кирова получил лишь за счет «Рабочей эстафеты» экономический эффект в размере более 4 миллионов рублей. Во время монтажа и опробования первого агрегата было внесено рабочими более 250 больших и малых предложений по усовершенствованию турбины и генератора. Третий генератор, изготовленный уральцами, был уже значительно надежнее и устойчивее в работе, чем первые машины, и в 1975 году он получил государственный

рекской ГЭС, незабываемый день,— говорит он,— получено приветственное письмо Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Леонида Ильича Брежнева по случаю ввода в строй девятого, последнего агрегата и пуска электростанции на полную мощность.

Д. Р. Расулов огласил текст приветственного письма. Им мне и хочется закончить эту книгу:

«Строителям, монтажникам, эксплуатационникам, машиностроителям, проектировщикам, всем участникам сооружения Нурекской ГЭС.

Дорогие товарищи! С глубоким удовлетворением ознакомился с рапортом о вводе в действие Нурекской гидроэлектростанции на полную мощность — в 2700 тысяч киловатт. Ваше рабочее слово, как всегда, оказалось крепким: последний агрегат Нурекской ГЭС вступил в строй на год раньше намеченного срока.

Сердечно поздравляю вас с этой замечательной победой. Она еще раз убедительно показала мощную силу социалистического соревнования, в ходе которого для достижения общей цели объединились усилия гидростроителей Таджикистана, машиностроителей Украины, Ленинграда, Урала, трудящихся других промышленных центров страны. Закономерно, что зародившуюся на вашей стройке «Рабочую эстафету» взяли на вооружение многие трудовые коллективы.

Отрадно отметить, что Нурекская ГЭС наряду с выработкой дешевой электроэнергии позволила щедро оросить хлопковые поля трех братских республик и почти полностью возвратила народному хозяйству затраченные на ее строительство средства. Это хороший пример комплексного использования природных ресурсов и повышения эффективности капитальных вложений.

Желаю вам, дорогие товарищи, крепкого здоровья, счастья, дальнейших успехов в труде по претворению в жизнь решений XXV съезда КПСС.

Л. Брежнев».

трудности с кадрами и попросил у нас помощи. Кроме того, что часть специалистов выделил участок СпецГЭМ, мы направили на практику на Урал группу ребят из профтехучилища Душанбе, которое готовит кадры для Нурека. Объявили в училище конкурс, отобрали 30 лучших, послали в Свердловск. Отзывы о них были очень хорошие. Ребята многому научились, увидели огромный, новый для них завод, познакомились с новыми людьми. Эта практика для них имела большое воспитательное значение.

Ныне «Рабочая эстафета» становится ведущей формой социалистического соревнования во многих прославленных коллективах, с ее помощью успешно решаются вопросы качества, проблемы социально-нравственного аспекта.

На последнем этапе строительства Нурекской ГЭС цепочкой «Рабочей эстафеты» были соединены более 25 бригад на промплощадке и в городе, в тесном контакте работали база тяжелых машин, участок механизированных работ, участок по отсыпке плотины, Гидроспецстрой соревновался со СпецГЭМом, с заводом ЖЗБИ. По-прежнему поддерживались тесные контакты Нурека с нашими друзьями из Харькова, Свердловска и Запорожья.

Благодаря «Рабочей эстафете» досрочно был пущен как первый, так и девятый, последний агрегат.

...И вот он пробил, звездный час: Нурекская ГЭС — в строю! А через несколько дней на центральной площади города перед зданием управления ГЭС вновь собрались тысячи строителей, эксплуатационников, трудящихся города, жителей окружающих кишлаков, многочисленные гости Нурека.

На праздничную трибуну поднимаются члены бюро Центрального Комитета Компартии Таджикистана и Нурекского горкома партии, руководящие работники строительства ГЭС и треста «Таджикгидроэнергострой», передовики производства, друзья по «Рабочей эстафете» со смежных заводов.

Звучат государственные гимны СССР и Таджикской ССР.

Слово предоставляется члену ЦК КПСС, первому секретарю Компартии Таджикистана Д. Р. Расулову.

— Сегодня для нурекчан и всех трудящихся республики, для всех, кто участвовал в сооружении Ну-

92482

СОДЕРЖАНИЕ

ДОРОГА В ПУЛИ-САНГИН	3
ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО	28
БУДНИ И ПРАЗДНИКИ	70
ГЛАВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ	135
ЭСТАФЕТА	167

Павел Иванович Горбачев

ПЛОТИНА

Заведующая редакцией А. Т. Шаповалова

Редактор В. В. Левашов

Младший редактор Л. И. Калинина

Художник Ю. П. Шашков

Художественный редактор В. А. Тогобицкий

Технический редактор М. И. Токменина

ИБ № 1826

Сдано в набор 26.08.80 г. Подписано в печать 12.11.80. А00195. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 10,5. Учетно-изд. л. 10,77. Тираж 65 тыс. экз. Заказ № 449. Цена 50 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».

103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

